

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Institute for Bible Translation

Родной язык

Лингвистический журнал

Rodnoy Yazyk

Linguistic Journal

№ 2

Москва, 2018

ISSN 2313-5816

УДК Молданова 811.511.142

Ли, Люблинская 811.511.25

Дьячков, Дашкин, Давидюк 811.511.151

Девяткина 811.511

Кондаков 811.512.37

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В.М. Алпатов, М. Беерле-Моор, А.В. Дыбо, А.А. Кибрик, М.И. Магомедов,
К.М. Мусаев, Г.Ц. Пюрбеев, М.З. Улаков, Ф.Г. Хисамитдинова*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т.Б. Агранат (главный редактор), А.Н. Биткеева, В.Ю. Войнов, К.Т. Гадилая,
Т.А. Майсак, О.А. Мудрак, Ю.В. Псянчин, Е.Л. Рудницкая, М.Ш. Халилов,
С.М. Ярошевич (ответственный секретарь)*

Редактор *Т.О. Майская*

Верстка *О.Г. Климова*

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,

Институт перевода Библии

Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <http://rodyaz.ru>
email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

*V.M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A.V. Dybo,
F.G. Khisamitdinova, M.I. Magomedov, K.M. Musaev,
G.Ts. Pyurbееv, M.Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T.B. Agranat (editor-in-chief), A.N. Bitkeeva, K.T. Gadilia,
M.Sh. Khalilov, A.A. Kibrik, T.A. Maisak, O.A. Mudrak, Yu.V. Psyanchin,
E.L. Rudnitskaya, V.Yu. Voinov, S.M. Yaroshevich (editorial secretary)*

Editor *T.O. Mayskaya*

Typesetting *O.G. Klimova*

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,

Moscow 119334

Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <http://rodyaz.ru>
email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

Проблемы грамматики *Issues in grammar*

<i>Ли П.И.</i> Семантика и функции биноминативных конструкций с прототипическим значением посессивности в тундровом ненецком языке	
<i>Li P.I.</i> The semantics and functions of prototypically possessive nominal constructions in the Tundra Nenets language	5
<i>Дьячков В.В.</i> Семантика суффикса <i>-əl-</i> в горномарийском языке: между единичностью и множественностью	
<i>Dyachkov V.V.</i> The semantics of the suffix <i>-əl-</i> in Hill Mari: Between singular and plural.....	41
<i>Молданова И.М.</i> Семантические типы каузативных глаголов хантыйского языка (на материале казымского диалекта)	
<i>Moldanova I.M.</i> Semantic categories of causative verbs in the Kazym dialect of the Khanty language	81

Лексикология и лексикография *Lexicology and lexicography*

<i>Кашкин Е.В.</i> Полисемия признаков лексем с семантикой ‘прямой’: данные горномарийского языка	
<i>Kashkin E.V.</i> Polysemy in Hill Mari lexemes expressing the concept of ‘straight’	106

- Давидюк Т.И.* Глаголы колебательного движения
в горномарийском языке
Davidyuk T.I. Verbs of oscillation in the Hill Mari language 128

Лингвистические аспекты перевода Библии
Linguistic aspects of Bible translation

- Кондаков А.П.* Краткий обзор переводов Библии
на калмыцкий язык
Kondakov A.P. A brief overview of Kalmyk Bible translations..... 150

Слово народа
Mother-tongue texts

- Люблинская М.Д.* Ненецкая любовная песня
Lublinskaya M.D. Nenets love songs 167

Хроника
Recent events

- Девяткина Е.М.* Школа-конференция по уралистике
Devyatkina E.M. Educational conference on Uralic languages..... 186

***Семантика и функции
биноминативных конструкций
с прототипическим значением посессивности
в тундровом ненецком языке
The semantics and functions
of prototypically possessive nominal constructions
in the Tundra Nenets language***

Ли П.И.

Li P.I.

В статье рассмотрены структурные типы биниминативных конструкций с прототипической семантикой посессивности и их связь с передаваемыми семантическими отношениями и функциями. Исследование проводилось на материале отгlossированного корпуса фольклорных текстов на тундровом ненецком языке с уточнением результатов с информантом. Было однозначно выделено три типа биниминативных конструкций: конструкция с зависимостным маркированием, с двойным маркированием, с нулевым маркированием. Для каждой конструкции были определены тематические группы лексем в составе, была определена их референциальная соотнесённость. Таким образом, различные типы биниминативных конструкций имеют различные функции и передают различные семантические отношения в зависимости от лексем, входящих в их состав, и от общего значения конструкции.

Ключевые слова: синтаксис, тундровый ненецкий язык, посессивность, генитивная конструкция, зависимостное маркирование, вершинное маркирование, нулевое маркирование, двойное маркирование, тематическая группа, референт, денотат, значение конструкции

This article examines the structural types of constructions consisting of two nouns that prototypically have a possessive meaning, as well as the various semantic functions that these constructions actually express. The research is based on a glossed corpus of Tundra Nenets folklore texts and follow-up questions posed to a native speaker of Nenets. Three types of nominative constructions were established: with dependent marking, with double marking, and with zero marking. For every construction, the lexemes contained have been classified by thematic groups and what they refer to has been defined. In general, different types of constructions acquire varying functions and semantics depending on the thematic group their lexemes belong to and on the overall meaning of the construction.

Key words: syntax, Tundra Nenets, possession, genitive construction, dependent marking, head marking, double marking, zero marking, thematic group, reference, denotation

Биноминативная конструкция в тундровом ненецком языке (язык северной группы самодийской ветви уральской семьи языков) — сочетание двух имён существительных, первое из которых может стоять в форме родительного падежа, а второе — маркироваться лично-притяжательными аффиксами или оставаться неоформленным.

Исследование семантики и функции биноминативных конструкций проводилось на материале фольклорных текстов на тундровом ненецком языке: «Juraksamojedische Volksdichtung» [Lehtisalo 1947], «Ненецкий эпос: материалы и исследования по самодийским языкам» [Терещенко 1990], «Фольклор ямальских ненцев» [Фольклор ямальских ненцев]. Корпус исследования состоит из 1091 предложения, 263 из которых содержат биноминативные конструкции. Все предложения были глоссированы с помощью программ для полевой разметки текста Fields Language Explorer и Field Linguistic Toolbox. Результаты исследования были уточнены в беседе с информантом, с помощью анкетирования и свободного опроса.

Таблица 1. Структурные типы
биноминативных конструкций
в тундровом ненецком языке

<u>1 имя</u>	N _{GEN}	N _{GEN}	N
<u>2 имя</u>	N	N _{POSS}	N

Прототипическая семантика биноминативных конструкций — посессивные значения. Посессивность — универсальная понятийная категория, основное значение которой — определение признака объекта через его отношение к некоторому лицу или другому предмету [БЭС 1998: 172]. При широком подходе значения посессивности при одинаковом способе выражения включают в себя не только значение владения в прямом смысле, но и значения релятивности, партитивности, характеристики и др. [Мельчук 1998: 239; Плунгян 2011: 172]. При узком подходе посессивность понимается как владение в прямом смысле. В нашем исследовании мы придерживаемся широкого подхода, выделяя в нём отдельно собственно-посессивные отношения, соответствующие отношениям владения в прямом смысле, а также дифференцируя другие отношения, выражаемые конструкциями с прототипической семантикой посессивности. Кроме биноминативных конструкций в тундровом ненецком языке также существует лично-притяжательное, или посессивное склонение. Имена существительные посессивного склонения функционируют в составе конструкции с двойным маркированием, а также встречаются отдельно. Имя обладателя в таких случаях восстанавливается только семантически:

- (1) *Тад ирида ма...* [Lehtisalo 1947: 3]
тад ири=да ма=∅
тогда дед=NOM/Sg/POSS/3Sg сказать=SUBJ/3Sg
‘Тогда его дед сказал...’

Возможность рассмотрения подобных высказываний как содержащих в себе биноминативные конструкции спорна, таким образом они будут рассмотрены после всех биноминативных конструкций, чей статус не вызывает сомнений.

Было выделено три структурных типа биноминативных конструкций на основании уже существующих типологических исследований конструкций с прототипической семантикой посессивности в языках мира [Nichols, Bickel 2005: 98–109]:

- 1) конструкция с зависимым маркированием. Имя обладателя в родительном падеже является зависимым компонентом конструкции, второе имя принимает маркирование разными падежами: $N_{GEN} + N$:

- (2) *Ханзони няд си"ив сую' хобам' сэд"ма' мальцям' нэкал" нивав".* [Фольклор ямальских ненцев]

ханзо=ни		няд	си"ив
изголовье=GEN/POSS/1Sg/Sg	с	семь	
сую='	хоба=м'	сэд="ма='	
теленок=GEN/Sg	шкура=ACC/Sg	шить=VN=GEN/Sg	
мальця=м'	нэкал="		
малица=ACC/Sg	поташить=CONNeg		
ни=ва=в"			
NEG=VN=REFL/1Sg			

‘С моего изголовья из семи телячьих шкур шитую малицу достаю’.

- 2) конструкция с двойным маркированием — маркируется и вершинное, и зависимое слово, имя в генитиве является зависимым компонентом конструкции, имя, маркированное лично-притяжательным аффиксом, может стоять в разных падежах: $N_{GEN} + N_{POSS}$:

- (3) *Ҥарка неканда җэвада ха"морҗа.* [Фольклор ямальских ненцев]
 җарка неканда
 большой брат=GEN=Sg/POSS/3Sg
 җэва=да ха"мор=җа
 голова=NOM/Sg/POSS/3Sg пададь=IMPF
 ‘Большого брата его голова его опустилась’.
- 3) конструкция с нулевым маркированием — оба члена конструкции остаются грамматически неоформленными, имя обладаемое стоит в неизменяемой форме в препозиции к имени обладателя, имя обладателя может входить в состав других конструкций в других падежах: N + N:
- (4) *Ҥарка Хаби ерв' мал еся мяд' неранда няна надимлихива.* [Фольклор ямальских ненцев]
 Ҥарка Хаби=∅ ерв=' мал
 большой ханты=NOM/Sg хозяин=GEN/Sg круглый
 еся=∅ мяд='
 навстречу=GEN=Sg/POSS/3Sg POSTP
 нера=н=да няна
 железо=NOM/Sg чум=LAT/Sg
 җади=м=ли=хива=∅
 показывать=PTCP=INCH=PRTCL=SUBJ/3Sg
 ‘Как только показался перед ними железный чум большого хантыйского хозяина’.

Для каждой конструкции были выделены тематические группы имён обладателей и имён обладаемых, так как семантические отношения между двумя именами зависят от тематических групп этих имён и от общего значения конструкции [Рахилина 2010: 251]. Определение референциальности/нереференциальности имён в составе конструкций и, соответственно, референциальности/нереференциальности семантических отношений,

передаваемых конструкцией, также может успешно применяться к биноминативным конструкциям [Кортјевскаја-Татт 2005: 155–181]. Термин *референт* в данной статье понимается как «объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок» [БЭС 1998: 410–411], таким образом, референциальные отношения либо референциальная отнесённость — семантические отношения, связывающие языковое выражение с конкретным объектом внеязыковой действительности, непосредственно представленным в ситуации. В противовес референту и референциальным отношениям вводится термин *денотат*, понимаемый как экстенционал, отвлечённое от конкретного речевого акта предметное значение [БЭС 1998: 128–129], соответственно денотативная отнесённость — соотнесённость языкового выражения с отвлечённым классом предметов.

Структурная схема конструкции с зависимым маркированием: $N_{GEN} + N$, где N_{GEN} — имя обладателя, существительное в родительном падеже, зависимый компонент конструкции, а N — имя обладаемое, существительное в различных падежных формах, не оформленное лично-притяжательными аффиксами. Было собрано 220 примеров, что составляет 84 % от общего количества биноминативных конструкций (263).

Для данной конструкции были выделены следующие тематические группы имён обладателей:

1) одушевлённые имена существительные. В позиции имён обладателей в конструкции с зависимым маркированием лексемы не являются коммуникативно выделенными в дискурсе. Тип передаваемых семантических отношений зависит от имени обладаемого.

Таблица 2. Тематические группы
имён обладателей
в конструкциях с зависимым маркированием

Тематическая группа	Пример	Количество примеров в корпусе
Одушевлённые имена существительные	Лэхэ=' няхар" Лэхэ= GEN/Sg три ню= \emptyset ребенок= NOM/Sg	101
Целое (по отношению к части)	я=' вэ='г' земля= GEN/Sg конец= LAT/Sg	63
Материал, предназначение к хранению либо обработке материала	пя=' хар=' дерево= GEN/Sg нож= GEN/Sg	53
Национальность	хаби=' панэ='м' ханты= GEN/Sg ягушка= ACC/Sg	3

В примере 5 референт имени обладателя — *сидя ню* (два ребенка) появляется только в самом конце текста эпоса:

- (5) *Сидя нюн небя мякад њадимя*. [Фольклор ямальских ненцев]
сидя ню=**н** небя= \emptyset
два ребенок=**GEN/Sg** мать=**NOM/Sg**
мя=кад њади=мя
чум=**ABL/Sg** показаться=**VN**
'Мать двоих детей из чума показалась'.

Референт имени *Лэхэ* ни разу не появляется и не действует в тексте эпоса «Лэхэ' няхар" ню» (см. пример 6):

(6) *Лэхэ' няхар" ню, маламбой наны".* [Фольклор ямальских ненцев]

Лэхэ=' няхар" ню=∅
 Лэхэ=GEN/Sg три ребенок=NOM/Sg
 маламбой наны=" "
 они все юноша=NOM/Pl
 'Три сына Лэхэ, они все юноши'.

2) целое по отношению к части. Конструкция с зависимым маркированием в примерах типа 7 передаёт непритязательные посессивные отношения — отношения определения референта через его включение в класс денотатов, так как имя обладателя в данных случаях обозначает класс денотатов, не связано напрямую с ситуацией. Имя обладателя также не является коммуникативно выделенным.

Имя обладателя *и'* 'вода' переводится на русский язык относительным прилагательным, что ещё раз указывает на денотативную, а не референциальную соотнесённость имени существительного:

(7) *Няхар" Лэхэ' лабя' лабя" хэрна", ид' сяр' нийм' џадпадараха".* [Фольклор ямальских ненцев]

няхар" Лэхэ' лабя'
 три Лэхэ=GEN/Sg весло=GEN/Sg
 лабя=" хэрна=" ид='
 весло=NOM/Pl звук=NOM/Pl вода=GEN/Sg
сяр=' нийм'
 поверхность=GEN/Sg над/PSTP
 џад=па=да=раха"
 рваться=CONT=PrP=APPR
 'Громкий грохот их весел по воде как будто рвет
водную поверхность'.

Локативные отношения передаются с помощью конструкции для передачи партитивных отношений — метонимический перенос. Примеры типа 8 не выделяются

в отдельную семантическую группу в силу малочисленности встретившихся примеров:

- (8) *Хаби ңэсы' тер" тэри пусаңга*". [Фольклор ямальских ненцев]
 хаби ңэсы=' тер="
 хантыйский стойбище=GEN/Sg житель=NOM/PI
 тэри пуса=ңга="
 простой удивляться=PRTCL=3PI
 'Хантыйского стойбища жители удивляются же'.

3) материал, предназначение для хранения либо обработки материала:

- (9) *Солотэ' лабтэ*. [беседа]
 солотэ=' лабтэ=∅
 золото=GEN/Sg ящик=NOM/Sg
 'Ящик для хранения золота'.

При нулевом маркировании имени обладателя 'золото' меняется тип конструкции с конструкции с зависимостным маркированием на конструкцию с нулевым маркированием, также меняется значение: *солотэ'=∅ лабтэ=∅* 'золотой ящик'.

- (10) *Лэхэ' няхар" ню сидядо' сэвадо' япта пя' хар' енахалмэраха*" [Фольклор ямальских ненцев].
 Лэхэ=' няхар" ню=∅
 Лэхэ=GEN.Sg три сын=NOM.Sg
 сидя=до' сэва=до'
 два=NOM/Du/POSS/3PI глаз=NOM/Du/POSS/3PI
 япта пя=' хар='
 тонкий дерево=GEN/Sg нож=GEN/Sg
 ена=хал=мэ=раха="
 чертить=SING=PTCP=APPR=3PI
 'Глаза у трех сыновей Лэхэ как будто прочерчены тонким ножом для работы по дереву'.

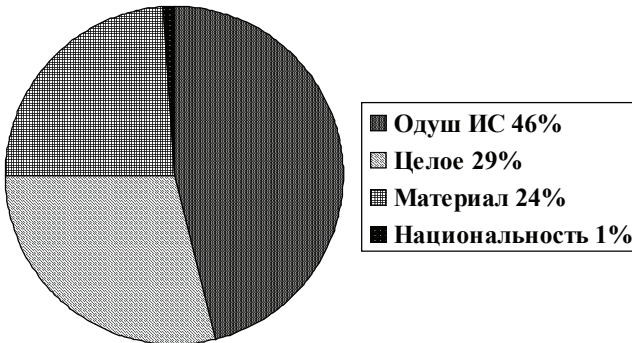
4) национальность:

- (11) *Хаби' сэр" панэм' ёхорадо"мы.* [Фольклор ямальских ненцев]
 хаби=' сэр" панэ=м'
 ханты=GEN/Sg белый ягушка=ACC/Sg
 ёхора=до="мы
 накрываться=PRTCL=PP
 'Хантыйской белой ягушкой укутанный'.

Примеры типа 11 редки, имена существительные тематической группы 'национальность' в качестве имён обладателей чаще входят в конструкцию с нулевым маркированием.

Рис. 1. Распределение имён обладателей по тематическим группам в конструкциях с зависимостным маркированием

Имена обладателей в конструкциях с зависимостным маркированием

Одушевленные имена существительные в качестве имён обладателей заметно преобладают над остальными группами имён существительных. Неодушевленные

имена существительные, входящие в группы 'целое по отношению к части' и 'материал, характеристика' распределяются примерно поровну. Группа 'национальность' представлена незначительно. При именах обладателя семантических групп 'материал, характеристика', 'национальность', имен из семантической группы 'целое по отношению к части', имеющих денотативную соотнесённость, конструкция передаёт семантические отношения характеризации.

Тематические группы имён обладаемых:

Таблица 3. Тематические группы имён обладаемых в конструкциях с зависимостным маркированием

Тематическая группа	Пример	Кол-во	Передаваемые отношения
Термины родственных и социальных отношений	ню= н ребенок= GEN/Sg небя= \emptyset мать= NOM/Sg	73	Родственные и социальные отношения
Объекты законного обладания	ня= н =ди' товарищ= GEN =Sg/ POSS/3Du мяд=' чум= GEN/Sg	70	Собственно посесивные отношения
Части целого	яха=ко=ця=' река= DIM = DIM = GEN/Sg тир='т' берег= LAT/Sg	65	Партитивные отношения
Процессы и результаты	хаби=' ханты= GEN/Sg сэдыр"=мана способ шитья= PROLAT/Sg	12	Характеризационные отношения

1) термины родственных и социальных отношений:

(12) *Сидя нюн небя мякад џадимя*. [Фольклор ямальских ненцев]

сидя ню=**н** небя= \emptyset

два ребенок=**GEN/Sg** мать=**NOM/Sg**

мя=кад џади=мя

чум=**ABL/Sg** показаться=**VN**

‘Мать двоих детей из чума показалась’.

2) объекты законного обладания:

(13) *Ты” хадо’ тяхад џоб” џэдаледа*
[Терещенко 1990: 59]

ты=” хадо=’ тяхад џоб”

олень=**GEN/PI** пастбище=**GEN/Sg** из-за один

џэдале=да= \emptyset

ехать=**PP=SUBJ/3Sg**

‘Из-за пределов оленьего пастбища один едущий на легкой нарте [показался]’.

3) части целого, передаются партитивные отношения:

(14) *Яхакоця’ тирт’, хадо’ малрин’ неры мюдкохо’ та’ нысыхане”*. [Терещенко 1990: 59]

яха=ко=ця=’ тирт=т’

река=**DIM=DIM=GEN/Sg** берег=**LAT/Sg**

хадо=’ мал=ри=н’ неры

место=**GEN/Sg** конец=**PRTCL=LAT/Sg** прежний

мюд=ко=хо’ та’

аргиш=**DIM=POSS/Du** тут

нысы=ха=не”

встать чумом=**PRTCL=SUBJ/3PI**

‘На речном берегу к краю пастбища эти прежние аргиши встали чумом’.

4) процессы и результаты:

(15) *Паны Һэбта паны Һэвы, сян тэнз' ной Һодяку тасоць хаби' сэдыр"мана сэдавэ Һэвы.*

[Фольклор ямальских ненцев]

паны=∅ Һэ=б=та

ягушка=NOM/Sg быть=COND=OBJ/3Sg

паны=∅ Һэ=вы=∅ сян

ягушка=NOM/Sg быть=PP=SUBJ/3Sg несколько

тэнз=' ной=∅ Һодяку=∅

сорт=GEN/Sg сукно=NOM/Sg ягодка=NOM/Sg

тасоць хаби='

вперемешку ханты=**GEN/Sg**

сэдыр"=мана сэда=вэ

способ шитья=PROLAT/Sg шить=PP

Һэ=вы=∅

быть=PP=SUBJ/3Sg

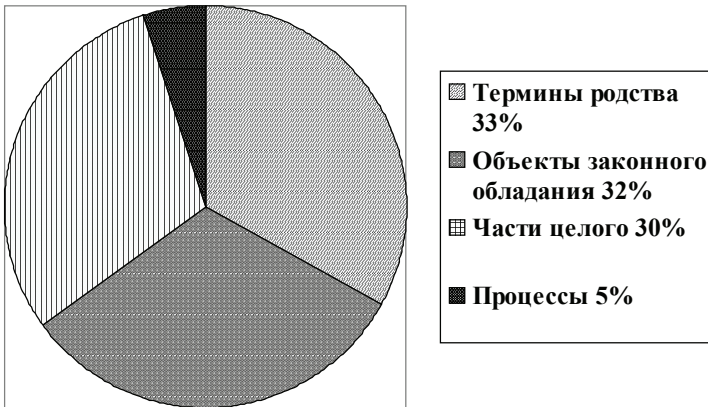
‘Вот ведь какая ягушка, сукном разных цветов вперемешку с бусами на хантыйский манер сшита, оказывается’.

Имена обладаемые по тематическим группам распределяются примерно поровну, выделяется незначительное количество примеров имён тематической группы ‘процессы и результаты’, так как для имен данной тематической группы важнее не характеристика, а установление актанта.

В конструкции с зависимостным маркированием имя обладателя чаще всего имеет денотативную, а не референциальную соотносённость, таким образом, конструкция передаёт собственно-посессивные отношения, родственные и социальные отношения (при этом имя обладателя не является коммуникативно выделенным в дискурсе), партитивные отношения, отношения характеристики (в случае имени обладателя, относящегося к семантическим группам ‘материал’, ‘национальность’).

Рис. 2. Распределение имён обладаемых по тематическим группам в конструкциях с зависимым маркированием

Имена обладаемых в конструкциях с зависимым маркированием

Для конструкции с двойным маркированием было собрано 26 примеров. Данная конструкция сочетает в себе зависимое имя обладателя в родительном падеже и имя обладаемое с соответствующим имени обладателя лично-притяжательным аффиксом: $N_{GEN} + N_{POSS}$. Несмотря на редкую встречаемость в фольклорных текстах, конструкция с двойным маркированием широко встречается в речи, что было подтверждено в беседе с информантом.

Были выделены следующие тематические группы имён обладателей в конструкциях с двойным маркированием:

Таблица 4. Тематические группы имён обладателей
в конструкциях с двойным маркированием

Тематическая группа	Пример	Кол-во	Отношения
Имя собственное	Хэтанзи= ' Хэтанзи= GEN/Sg сэва= н=да глаза= GEN=Du/POSS/3Sg/	14	От имени обладаемого
Одушевлённое имя существительное	сюдбья= н=д великан= GEN=Sg/POSS/2Sg ся= та лицо= NOM/Sg/POSS/3Sg	7	От имени обладаемого
Целое (к части)	харда= ни дом= GEN/Sg/POSS/1Sg пел= да часть= NOM/Sg/POSS/3Sg	4	Партитивные
Погода	хад= на" метель= GEN/Sg/POSS/1Pl сё= да голос= Sg/POSS/3Sg	1	Актантные (метафора)

Последний пример семантической группы 'погода' рассматривается отдельно, а не в рамках 'одушевлённое имя существительное' по самостоятельной семантической принадлежности лексемы в позиции имени обладателя к неодушевлённым именам существительным.

1) имя собственное:

(16) *Сюдбья Хэтанзи' сидянда сэванда сыла"махад...*

[Фольклор ямальских ненцев]

сюдбья= \emptyset

Хэтанзи=**'**

великан=**NOM/Sg**

Хэтанзи=**GEN/Sg**

сидя=**н=да**

сэва=**н=да**

два=**GEN=Du/POSS/3Sg**

глаза=**GEN=Du/POSS/3Sg**

сы=ла="ма=хад
 смотреть=INCH=VN=ABL
 'С тех пор как глаза Великана Хэтанзи
 открылись...'

2) одушевлённое имя существительное с лично-притяжательным аффиксом:

(17) *Вэсы сюдбянд харта сермянда няби сята хэв пармылавы*". [Терещенко 1990: 44]

вэсы сюдбя=н=д харта
 старый великан=GEN=Sg/POSS/2Sg сам
 сер=мя=нда няби
 дело=PROLAT/Sg=Sg/GEN/POSS/3Sg другой
 ся=та хэв=∅

лицо=Sg/POSS/3Sg половина=NOM/Sg
 пармы=ла=вы="

почернеть=INCH=EVID=REFL/3Sg

'А этот великан ни с того ни с сего рассердился
 (букв.: другая половина лица-его начала темнеть)'

3) целое по отношению к части:

(18) *Еся хардани пелда нумгана пенэрҗа*".

[Фольклор ямальских ненцев]

еся харда=ни

железный дом=GEN/Sg/POSS/1Sg

пел=да нум=гана

кусок=NOM/Sg/POSS/3Sg небо=LOC/Sg

пенэр=җа"=∅

летать=AOR=SUBJ/3Sg

'Части моего железного дома только по небу
 и летают'

4) названия погодных явлений. В случае имён обладателей данной тематической группы погодные явления осмысляются как живые организмы, создаётся метафора:

- (19) *Пихи-пихиня хадна" џани' сёда ланумонда.*
 [Терещенко 1990: 61]
 пихи-пихи=ня хад=**на**"
 находящийся на улице=PrP метель=**GEN/Sg/POSS/1PI**
 џани' сё=**да**
 опять голос=**NOM/Sg/POSS/3Sg**
 лану=мон=**да**
 стихнуть=**AUD=OBJ/3Sg**
 'И на улице снова, слышать, затих нашей пурги
 голос-её'.

Рис. 3. Распределение имён обладателей по тематическим группам в конструкциях с двойным маркированием

Имена обладателей в конструкциях с двойным маркированием

Имена собственные являются самыми частотными в позиции имени обладателя в конструкции с двойным маркированием. На втором месте находятся одушевлённые существительные с лично-притяжательным аффиксом. Имена обладателей обеих перечисленных групп отличаются референциальной соотносённостью: имена собственные за счёт своей природы обозначения референта, одушевлённые имена существительные с лично-притяжательными

аффиксами оказываются привязанными к ситуации речевого акта с помощью лично-притяжательных аффиксов. Имена обладателей других групп (целое и погодные явления) также являются соотнесёнными непосредственно с описываемой ситуацией, соответственно, референциальной соотнесённостью. Так как имена обладателей не обозначают класс денотатов, конструкция с двойным маркированием не передаёт отношений характеристики. Конструкция с двойным маркированием может использоваться для организации неодушевлённых объектов действительности по антропоцентричному принципу с помощью метафоры либо метонимии.

Таблица 5. Тематические группы имён обладаемых в конструкциях с двойным маркированием

Тематическая группа	Пример	Кол-во	Отношения
Объекты законного обладания	Хэтанзи= ' Хэтанзи= GEN/Sg сэва= н=да глаза= GEN=Du/POSS/3Sg	14	Собственно-посессивные
Соматизмы	сюдбя= н=д великан= GEN=Sg/POSS/2Sg ся= та лицо= NOM/Sg/POSS/3Sg	7	Партитивные (может быть метафора)
Процессы либо их результаты	ерв= ' хозяин= GEN/Sg и= да мысль= NOM/Sg/POSS/3Sg	4	Актантные (может быть метафора)
Части целого	яв= ' земля= GEN/Sg сядо= да берег= NOM/Sg/POSS/3Sg	1	Партитивные (может быть метафора или метонимия)

1) объекты законного обладания:

- (20) *Ҥадеро" тадебя' солотэ ҥынада сеҥга"ма' яхана тая хаёвы.* [Фольклор ямальских ненцев]
 Ҥадеро=" тадебя' солотэ
 Ҥадеро=NOM/PI шаман=GEN/Sg золотой
 ҥына=да сеҥга="ма' я=хана
 лук=NOM/Sg/POSS/3Sg ночевать=VN земля=LOC/Sg
 тая=∅ хаё=вы=∅
 иметься=CV оставаться=PP=SUBJ/3Sg
 'Золотой лук шамана из рода Ҥадер остался на том месте, где он ночевал'.

2) соматизмы:

- (21) *Тикы' ямба=ха"на сидя нюдя нянда сэвати' хаял" мунзи" хамдомъяд".* [Фольклор ямальских ненцев]
 тикы=' ямба=ха"на сидя
 этот=GEN/Sg продолжительность=LOC/Sg два
 нюдя ня=н=да
 младший ребенок=GEN=Sg/POSS/3Sg
 сэва=ти' хаял=" мунзи"
 глаз=GEN/Du/3Du слеза=NOM/PI беззвучно
 хамдомъя=д"
 литься=REFL/3PI
 'Тогда двух младших братьев из глаз их слезы полились'.

3) процессы и результаты:

- (22) *Ҥарка Хаби ерв' ида манд" нив'* [Фольклор ямальских ненцев]
 ҥарка Хаби ерв='
 большой ханты хозяин=GEN/Sg
 и=да ман=д"
 мысль=NOM/Sg/POSS/3Sg говорить=REFL/3PI
 ни=в'
 NEG=PRTCL
 'Большого Хозяина Ханты мысль его скажет же'.

4) части целого:

- (23) *Хабте"эни иням', сям' иням', н' ня"морцянд' няхар" пало"ңав.* [Фольклор ямальских ненцев]
 хабте="э=ни иня=м'
 бык=AUG=GEN/POSS/1Sg/Sg верёвка=ACC/Sg
 сям' иня=м'
 пеньковый верёвка=ACC/Sg
 нё=' ня"морця=н'д' няхар"
 дверь=GEN/Sg ручка=GEN=Sg/POSS/3Sg три
 пало="ңа=в
 обмотать=TOP=SUBJ/1Sg
 'Вожжи моего быка и веревку на ручку-её двери трижды обмотал'.

Рис. 4. Распределение имён обладаемых по тематическим группам в конструкциях с двойным маркированием

Имена обладаемых в конструкциях с двойным маркированием

Конструкция с двойным маркированием передаёт отношения собственно-посессивные, партитивные, актантные. Может использоваться для создания метафоры или метонимии. Объекты законного обладания самые

частотные, соматизмы и термины родства распределяются поровну, самое редкое — части целого, потому что в данных случаях обычно используется конструкция с зависимым маркированием, так как обычно имя обладателя семантической группы ‘целое’ оказывается коммуникативно размыто в дискурсе и не имеет референциальной соотнесённости.

В конструкции с нулевым маркированием N + N имя обладателя в данной конструкции выступает в неизменяемой форме, совпадающей с именительным падежом единственного числа имени существительного, имя обладаемое может выступать во всех падежах. В ходе работы было выявлено 17 контекстов с конструкциями нулевого маркирования на весь корпус (263 предложений с биноминативными конструкциями). Конструкция с нулевым маркированием передает отношения между референтом (имя обладаемое) и классом денотатов (имя обладателя).

Были выделены следующие тематические группы имен обладателей:

Таблица 6. Тематические группы имён обладателей в конструкциях с нулевым маркированием

Тематическая группа	Пример	Кол-во	Отношения
Материал	еся=∅ железо=NOM/Sg мя=д' чум=LAT/Sg	14	Характеризации
Национальность	Хаби=∅ ерв=NOM/Sg	2	Характеризации
Пол	не=∅ женщина=NOM/Sg ңацекеы=∅ ребёнок=NOM/Sg	1	Характеризации

1) материал, из которого что-либо изготовлено. На русский язык переводятся относительным прилагательным:

- (24) *Солотэ лабтэ*. [беседа]
 солотэ=∅ лабтэ=∅
 золото=**NOM/Sg** ящик=**NOM/Sg**
 ‘Золотой ящик’.

- (25) *Ѓыйвэй” тэта’ се҃га”ма яхана ненэй сярлы тая хаёвы*. [Фольклор ямальских ненцев]
 Ѓыйвэй” тэта=’ се҃га=”ма
 Ѓыйвэй” шаман=**GEN/Sg** ночевать=**VN**
 я=хана ненэй=∅ сярлы=∅
 земля=**LOC/Sg** серебро=**NOM/Sg** табакерка=**NOM/Sg**
 тая=∅ хаё=вы=∅
 иметься=**CV** оставаться=**PP=SUBJ/3Sg**
 ‘На том месте, где ночевал хозяин рода Ѓыйвэй»,
 осталась серебряная табакерка’.

2) национальность. *Ѓарка Хаби ерв* (‘Большой хозяин хантов’) — устойчивое имя собственное:

- (26) *Ѓарка Хаби ерв’ вахалта”маңэ Лэхэ’ ҃арка ню солотэй ҃ынам’*. [Фольклор ямальских ненцев]
 Ѓарка хаби=∅ ерв=’
 большой ханты=**NOM/Sg** хозяин=**GEN/Sg**
 вахал=та=”ма=ңэ Лэхэ=’
 сказать=**PRTCL=PTCP=IMPF** Лэхэ=**GEN/Sg**
 ҃арка ню=∅ солот=эй
 большой ребенок=**NOM/Sg** золото=**ADJ**
 ҃ына=м’ хаби ерв=∅ ҃ыл’
 лук=**ACC/Sg** ханты хозяин=**NOM/Sg** под
 матибте=”
 положить=**REFL/3Sg**
 ‘Чтобы Большой хозяин хантов заговорил,
 старший сын Лэхэ положил перед ним золотой лук
 и шкуру белого медведя’.

3) пол. Речь идёт не о конкретной женщине, а о принадлежности ребёнка к женскому полу вообще:

(27) *He џацекы папанда џэбту' мал сянакулавы'.*

[Терещенко 1990: 43]

не=∅ џацекы=∅

женщина=**NOM/Sg** ребенок=**NOM/Sg**

папа=н=да

младшая сестра=**GEN=Sg/POSS/3Sg**

џэбту=' мал=∅

волосы=**GEN/Sg** конец=**NOM/Sg**

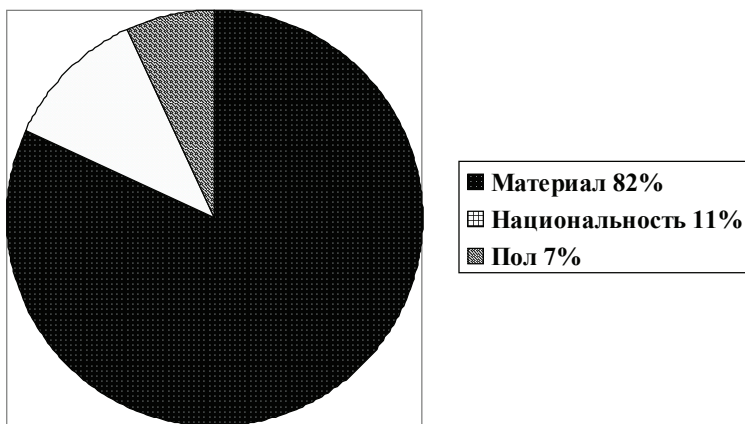
сянаку=ла=вы='

играть=**INCH=COND=REFL/3Sg**

‘Начал играть металлическими украшениями на косах своей сестры’.

Рис. 5. Имена обладателей в конструкциях с нулевым маркированием

Имена обладателей в конструкциях с нулевым маркированием

Имена обладателей семантической группы ‘материал’ находятся на первом месте по частотности в конструкциях с нулевым маркированием. Тематический состав имен обладаемых в конструкции разнообразен: имена разных тематических групп могут нуждаться в дополнительной характеристике. Конструкция с нулевым маркированием передаёт отношения характеристики через установление связи между референтом имени обладаемого и классом денотатов имени обладателя.

Таким образом, мы составили диаграмму распределения различных структурных типов биноминативных конструкций:

Рис. 6. Распределение структурных типов биноминативных конструкций

Распределение типов биноминативных конструкций

На первом месте по частотности находится конструкция с зависимым маркированием, на втором месте — конструкция с двойным маркированием, по-видимому редкая в фольклорных текстах, но очень распространённая в обыденной речи. Самая редкая — конструкция с нулевым маркированием.

В зависимости от того, каким образом можно чаще интерпретировать имена в составе конструкций относительно

референциальности/нереференциальности и в зависимости от градации референциальности/нереференциальности передаваемых конструкцией отношений [Givón 1984: 449–450], мы построили шкалу, на которой расположили типы биноминативных конструкций в соответствии с референциальностью имен обладателей (N1) и передаваемых семантических отношений:

*Таблица 6. Градация типов
биноминативных конструкций
по шкале референциальности*

Нереференциальность		Референциальность
Конструкция с нулевым маркированием	Конструкция с зависимостным маркированием	Конструкция с двойным маркированием

Имена обладателей в составе конструкции с нулевым маркированием всегда обладают денотативной соотнесённостью, а сама конструкция передаёт отношения характеристики. В составе конструкции с зависимостным маркированием имена обладателей не всегда имеют денотативную соотнесённость, но, когда имеют референциальную соотнесённость (например, в случае имён обладателей групп ‘имена собственные’ и ‘имена одушевлённые’), эти имена не выделены коммуникативно. Имена обладателей в составе конструкций с двойным маркированием всегда имеют референциальную соотнесённость.

Лично-притяжательный аффикс отражает лицо и число личного местоимения, которому соответствует имя обладателя, а также число имени обладаемого. В фольклорных текстах при именах обладателей, соответствующим местоимениям 1 и 2 лица, имена обладателей опускаются и восстанавливаются только семантически, однако конструкции типа (**PRON**)+**N**^{POSS} возможны в речи. При опросе было выявлено, что если в русском стимуле содержится ‘у меня’, ‘у тебя’ и др., то в ненецком высказывании появляется местоимение:

(28) *Мань нудини пэдэйд'* [анкета]

мань нуди=**ни** пэдэй=**д'**
я рука=**NOM/PI/POSS/1Sg** устать=**REFL/3PI**
 'У меня руки устали'.

В случае, где в русском стимуле не содержится явного указания на принадлежность, местоимение не появляется, но маркирование лично-притяжательным аффиксом может присутствовать:

(29) *Нудини пэдэйд'* [анкета]

нуди=**ни** пэдэй=**д'**
 рука=**NOM/PI/POSS/1Sg** устать=**REFL/3PI**
 'Руки устали (букв. руки мои устали)'.

В фольклорных текстах такие употребления единичны:

(30) *Мань нгудини пэдэйд'* [Lehtisalo 1947: 3]

мань нгуди=**ни"** пэдэй=**д'**
я рука=**NOM/PI/POSS/1Sg** устать=**REFL/3PI**
 'Трясутся мои руки (букв. руки мои устали)'.

В фольклорных текстах было найдено 449 примеров, в 368 примерах из которых (82 % от 449) лично-притяжательный аффикс используется для передачи собственно-посессивных отношений. При опросе информанта было выявлено, что в случае маркирования имён обладаемых лично-притяжательными аффиксами 3 лица имя обладателя может быть восстановлено в конструкции одушевлёнными существительными в родительном падеже.

Отдельно были выделены тематические группы имён обладаемых в конструкции, отмечена обязательность/необязательность маркирования лично-притяжательным аффиксом имен той или иной тематической группы, определены семантические отношения:

Таблица 6. Тематические группы имён,
имеющих лично-притяжательное склонение

Тематическая группа	Пример	Обязательность	Кол-во	Отношения
Объекты законного обладания	еда= ми котел= NOM/Sg/POSS/1Sg	-	157	Собственно-посессивные
Термины родства и социальных отношений	мянга= р племянник= NOM/Sg/POSS/2Sg	+	116	Родственные и социальные отношения
Соматизмы	һэва=ко= ни голова= DIM = GEN/Sg/POSS/1Sg	+	48	Партитивные
Имена процессов и результатов	тёр= да крик= NOM/Sg/POSS/3Sg	-	27	Актантные
Имена местностей	я=хада= ни земля= ABL = Sg/POSS/1Sg	-	20	Собственно-посессивные

Пояснение к таблице: третья колонка таблицы — обязательность маркирования семантической группы лично-притяжательными аффиксами.

1) объекты законного обладания:

- (31) *Хорамдо' яхаби*". [Терещенко 1990: 45]
хора=**м=до'** яхаби=""
олена=**ACC=Sg/POSS/3PI** обдирать=**SUBJ/3PI**
'Олена их обдирают'.

2) термины родства и социальных отношений:

(32) *Мяңгар хасава, Лэда няхар” тибя си”ми нэдабта.*

[Терещенко 1990: 44]

мяңга=**р** хасава= \emptyset
 племянник=**NOM/Sg/POSS/2Sg** мужчина=**NOM/Sg**
 лэда= \emptyset няхар” тибя= \emptyset си”ми
 рост=**NOM/Sg** три сажени=**NOM/Sg** меня/**ACC**
 нэдабта= \emptyset
 послать=**SUBJ/3Sg**
 ‘Твой племянник [по имени] Мужчина ростом в
 три сажени меня послал’.

3) соматизмы:

(33) *Тетимдейхана нэвакони нимня нумд’ пидев.*

[Фольклор ямальских ненцев]

тети=**мдей**=хана
 четыре=**ORD=INSTR/Sg**
 нэва=**ко=ни** нимня
 голова=**DIM=GEN/Sg/POSS/1Sg** над
 нум=**д’** пиде=**в**
 небо=**GEN/Sg** отправить=**OBJ/1Sg**
 ‘На четвертый раз над головой моей в небо
 отправил’.

4) имена процессов и результатов:

(34) *Тикы’ тарця нэсь Сэлха нэцекэ’ хад’ тахамана
 тёрда совонда, нэңга совонда.*

[Терещенко 1990: 60]

Тикы’ тарця нэ=сь Сэлха нэцекэ=’
 этот такой быть=**CV** Светлый парень=**GEN/Sg**
 хад=’ тахамана
 пурга=**GEN/Sg** сквозь
 тёр=**да**
 крик=**NOM/Sg/POSS/3Sg/Sg**
 со=вон=да
 слышаться=**AUD=OBJ/3Sg**

ңэ=ңга=Ø со=вон=да
 быть=PRТCL=SUBJ/3Sg слышаться=AUD=OBJ/3Sg
 ‘Так будучи, крик Светловатого парня слышен за
 пургой; то исчезая, то вновь возникая, слышен’.

5) имена местностей. Маркирование лично-притяжательными аффиксами встречается только в случае, когда местонахождение либо его смена оказываются в коммуникативном фокусе высказывания:

- (35) *Тикы яхадани тебтад’ няна ямдаван’ харвэюв”.*
 [Терещенко 1990: 43]
- тикы я=хада=**ни** тебтад’ няна
 этот земля=ABL=**Sg/POSS/1Sg** завтра POSTP
 ямда=ва=н’ харвэю=в”
 кочевать=VN=DAT/Sg хотеть=REFL/1Sg
 ‘Завтра хочу перекочевать отсюда’.

Рис. 7. Распределение имён посессивного склонения по тематическим группам

Распределение имён посессивного склонения по тематическим группам

Кроме передачи посессивных отношений, маркированием лично-притяжательными аффиксами передаёт отношения определённости / неопределённости, что широко известно и описано в литературе по уралоистике [Lyons 1999: 22–26; Лаптандер 2008; Wagner-Nagy 2009; Budzisch 2016]. В работе И. Николаевой данные семантические отношения осмысляются как референциальные/нереференциальные в связи с тем, что дистрибуция посессивных аффиксов не может быть объяснена с помощью необходимости выражения категории определённости [Nikolaeva 2004: 1]. Маркирование является нерегулярным, необязательным явлением, обусловленным прагматически, высказывания. Тематические группы имён обладаемых: имена местностей, имена отрезков времени, имена абстрактной семантики, имена собственные, местоимения-существительные.

Таблица 7. Тематические группы имён, имеющих посессивное склонение, передаются референциальные отношения

Тематическая группа	Пример	Передаваемые отношения
Имена местностей	я=н=д остров=GEN=Sg/POSS/2Sg	Референциальные
Имена отрезков времени	яля=нан=та день=DAT-LAT=Sg/POSS/3Sg	Референциальные
Имена абстрактной семантики	хад=ва” пурга=NOM/Sg/POSS/1Pl	Референциальные
Имена собственные	Ярко=р Ярко=NOM/Sg/POSS/2Sg	Референциальные
Местоимения-существительные	һамгэ=да что=NOM/Sg/POSS/3Sg	Референциальные

1) имена местностей:

(36) *Сэр' янд тэта не' мят' тюсь тонда ёнахалҕа.*

[Терещенко 1990: 59]

Сэр' я=**н=д** тэта= \emptyset

лед остров=**GEN=Sg/POSS/2Sg** хозяин=**NOM/Sg**

не=' мя='т' тю='сь

женщина=**GEN/Sg** чум=**DAT/Sg** зайти=**CV**

тонда= \emptyset

укрыть=**SUBJ/3Sg**

ёна='хал'"=ҕа= \emptyset

закрываться чем-то до пояса=**SING=IMPF=SUBJ/3Sg**

'Хозяин Ледяного острова твоего, когда женщина вошла в чум, откинул свое одеяло.'

2) имена отрезков времени:

(37) *Тикы пихинанда хонёваханандо' хара вуни таня".*

[Терещенко 1990: 60]

тикы пихина=**н=да**

тот ночью=**GEN=Sg/POSS/3Sg**

хонё='ва='хана='ндо' хара= \emptyset

спать=**NV=LOC=OBJ/3Pl** случай=**NOM/Sg**

ву='ни= \emptyset таня='"

NEG=SUBJ/3Sg иметься=**CONNeg**

'О том, как спали они этой ночью-его, говорить не стоит'.

3) имена абстрактной семантики:

(38) *Тикаринда ҕод" нумда хадуума.* [Терещенко 1990: 60]

тикаринда ҕод" нум=**да**

тогда тоже погода=**NOM/Sg/POSS/3Sg**

хаду='ма= \emptyset

начаться (о пурге)=**PRTCL=SUBJ/EVID**

'Тогда поднялась пурга (букв.: погода-его пургой стала)'

4) имена собственные. *Ярко* ‘Ярко-твой’ — не соотносится с именем обладателя в тексте, используется для вовлечения слушателя в повествование:

(39) *Си"ив Ярко хонрахаран.* [Терещенко 1990: 43]

си"ив Ярко=**р**
 семья Ярко=**NOM/Sg/POSS/2Sg**
 хонра=хар=ан
 спросить=**PRTCL=IMP/SUBJ/2Sg**
 ‘Спроси-ка у семи Ярко-твоих’.

5) местоимения-существительные. В данном примере сочетается маркирование лично-притяжательным аффиксом 2 лица единственного числа и 3 лица единственного числа:

(40) *Тюкор паны хибянд паны?* [Фольклор ямальских ненцев].

тюко=**р** паны= \emptyset
 этот=**NOM/Sg/POSS/2Sg** ягушка=**NOM/Sg**
 хибя=**н=д** паны= \emptyset
 кто=**GEN=Sg/POSS/3Sg** ягушка=**NOM/Sg**
 Букв.: Эта твоя ягушка кого-его ягушка?
 ‘Чья это ягушка?’

Может возникать маркирование дублирующим лично-притяжательным аффиксом при имени прилагательном или числительном:

(41) *Лэхэ' няхар" ню есядо' лабтэдо' ханеда хобахат пана"манугабя".* [Фольклор ямальских ненцев]

Лэхэ=' няхар" ню= \emptyset
 Лэхэ=**GEN/Sg** три ребенок=**NOM/Sg**
 еся=**до'**
 железо=**NOM/Sg/POSS/3Pl**
 лабтэ=**до'** ханеда хоба=хат
 ящик=**NOM/Sg/POSS/3Pl** охотничий шкура=**ABL/Pl**

пана="ман=ңга=бя"
быть полным=PRTCL=PRTCL=COND
'Железный-их ящик-их трех сыновей Лэхэ
полнится звериными шкурами'.

Дублирующий лично-притяжательный аффикс выполняет усилительно-выделительную функцию и встречается в музыкальных повествовательных стилях речи, добавляя напевности и ритмичности. В обыденной диалогической речи дублирование лично-притяжательных аффиксов нам не встретилось.

Так как имя обладателя формально отсутствует, лично-притяжательный аффикс имеет анафорическую, дейктическую функции. В данном примере лично-притяжательный аффикс третьего лица множественного числа указывает на antecedent — трех сыновей Лэхэ:

(42) *Едюця"мнато' ңопой ня"малма"* [Фольклор ямальских ненцев].

едю=ця"=мна=то' ңопой
талиа=DIM=PROLAT=PI/POSS/3PI один
ня"ма=л=ма"
охватить=INCH=PTCP=3PI
'По талии [они] в один охват (руки)'.

Таким образом, лично-притяжательный аффикс передаёт отношения: собственно-посессивные, родственные и социальные, партитивные, актантные, референциальные. Чаще всего имена обладаемые относятся к тематической группе «объекты законного обладания», на втором месте группа «термины родственных и социальных отношений». Самые редкие — имена процессов и результатов и имена местностей.

Литература

Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. Москва, 1998.

Лантандер Р.И. Категория определенности/неопределенности в структуре простого предложения ненецкого языка: автореферат дис. на соискание степени кандидата филологических наук: 10.02.02. Санкт-Петербург, 2008. [<https://dlib.rsl.ru/01003164500>].

Лингвистика конструкций. Отв. ред. Е.В. Рахилина. Москва, 2010.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. В 3-х т. Под ред. Н.В. Перцова, Е.Н. Саввиной. Москва–Вена, 1998.

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва, 2011.

Терещенко Н.М. Ненецкий эпос: материалы и исследования по самодийским языкам. Москва, 1990.

Фольклор ямальских ненцев. Отв. ред. Н.Б. Кошкарёва. (в печати)

Budzisch J. On the Non-Possessive Use of Possessive Suffixes in Southern and Central Selkup // 6th Conference on Samoyedology, 2016. [<https://www.slm.uni-hamburg.de/selslc/downloads/jbpraesimoskau16.pdf>]

Givón T. Syntax. A Functional-Typological Introduction. Vol. I. Amsterdam–Philadelphia, 1984.

Koptjevskaja-Tamm M. Maria's Ring of Gold: Adnominal Possession and Non-anchoring Relations in European Languages // Occasional Papers in Linguistics, 2005, 29, 155–181.

Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung: gesammelt und herausgegeben von T. Lehtisalo. Helsinki, 1947.

Lyons C. Definiteness. Cambridge, 1999.

Nichols J., Bickel B. Locus of Marking (in the clause; in possessive noun phrases; and whole-language typology) // M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.) The World Atlas of Language Structures. Oxford, 2005, 98–109.

Nikolaeva I. Possessive Affixes in the Pragmatic Structuring of the Utterance: Evidence from Uralic // *Материалы международного симпозиума по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии.* Ижевск, 2004, 130–145.

Wagner-Nagy B. Existentials, possessives and definiteness in Samoyedic languages // *S. Fischer S., T. Kupisch, E. Rinke (eds).* Definiteness effects: Bilingual, typological and diachronic variation. Cambridge, 2016, 210–238.

References

Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Yazykoznanie. Ed. *V.N. Yartseva.* 2 ed. Moscow, 1998. (In Russ.)

Budzisch J. On the Non-Possessive Use of Possessive Suffixes in Southern and Central Selkup // 6th Conference on Samoyedology, 2016. [<https://www.slm.uni-hamburg.de/selslc/downloads/jbpraesimoskau16.pdf>]

Fol'klor yamal'skikh nentsev. Ed. *N.B. Koshkareva.* (in print) (In Russ.)

Givón T. Syntax. A Functional-Typological Introduction. Vol. I. Amsterdam–Philadelphia, 1984.

Koptjevskaja-Tamm M. Maria's Ring of Gold: Adnominal Possession and Non-anchoring Relations in European Languages // *Occasional Papers in Linguistics,* 2005, 29, 155–181.

Laptander R.I. Kategoriya opredelennosti/neopredelennosti v strukture prostogo predlozheniya nenetskogo yazyka: PhD thesis: 10.02.02. Saint-Petersburg, 2008. [<https://dlib.rsl.ru/01003164500>]. (In Russ.)

Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung: gesammelt und herausgegeben von T. Lehtisalo. Helsinki, 1947.

Lingvistika konstruktsiy. Ed. *E.V. Rakhilina.* Moscow, 2010. (In Russ.)

Lyons C. Definiteness. Cambridge, 1999.

Mel'chuk I.A. Kurs obshchey morfologii. In 3 vol. *N.V. Pertsov, E.N. Savvina (eds.)* Moscow–Vienna, 1998. (In Russ.)

Nichols J., Bickel B. Locus of Marking (in the clause; in possessive noun phrases; and whole-language typology) // *M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, B. Comrie* (eds.) *The World Atlas of Language Structures*. Oxford, 2005, 98–109.

Nikolaeva I. Possessive Affixes in the Pragmatic Structuring of the Utterance: Evidence from Uralic // *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma po deyticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoy i Tsentral'noy Azii*. Izhevsk, 2004, 130–145.

Plungyan V.A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. Moscow, 2011. (In Russ.)

Tereshchenko N.M. Nenetskiy epos: materialy i issledovaniya po samodiyskim yazykam. Moscow, 1990. (In Russ.)

Wagner-Nagy B. Existentials, possessives and definiteness in Samoyedic languages // *S. Fischer S., T. Kupisch, E. Rinke* (eds.) *Definiteness effects: Bilingual, typological and diachronic variation*. Cambridge, 2016, 210–238.

Ли Полина Игоревна
Новосибирский государственный университет
Томский государственный университет
Россия
Li Polina Igorevna
Novosibirsk State University
Tomsk State University
Russia
polina.li.14@mail.ru

**Семантика суффикса *-əl-* в горномарийском
языке: между единичностью и
множественностью**

***The semantics of the suffix -əl- in Hill Mari:
Between singular and plural***

Дьячков В.В.

Dyachkov V.V.

В статье рассматривается семантика суффикса итератива *-əl-* в горномарийском языке (< финно-угорские), описывается его дистрибуция и свойства его когнатов в близкородственных языках. Для суффикса предлагается модель описания, основанная на исследованиях по формальной семантике. С привлечением этой модели высказывается гипотеза о связи суффикса итератива с омонимичным ему суффиксом семельфактива *-əl-*.

Ключевые слова: глагольный аспект, множественность, финно-угорские языки, горномарийский язык, формальная семантика

This article deals with the semantics of the iterative suffix *-əl-* in the Hill Mari language and describes its distribution and the properties of its cognates in closely related languages. A descriptive model based on formal semantic investigations is proposed for the suffix. Using this model, I suggest that the iterative *-əl-* and the homonymous semelfactive suffix are related.

Key words: verbal aspect, pluractionality, Finno-Ugric, Hill Mari, formal semantics

0. Введение

В горномарийском языке суффикс *-əl-* (ниже обозначаемый как ITER ‘итератив’) интересен тем, что может обозначать как единичное событие, так и множественное (см. [Саваткова 2002: 211–213]):

- (1) *mükš mən'-əm pəšk-əl-ən*
 пчела я-ACC жалить-SEM-PRET
 ‘Пчела меня ужалила’.
- (2) *kot'i kačkəš jəg sārŋ-əl-eš*
 кот еда вокруг крутиться-ITER-NPST.3SG
 ‘Кот вокруг еды (постоянно) крутится’.

В известных нам работах нет единой точки зрения на то, имеют ли суффиксы однократности и многократности единое происхождение: так, в [Галкин 1966: 90–92] утверждается, что им соответствуют два разных когната в прауральском, в то время как в работе [Лыткин и др. 1976: 367–368] приводятся возражения против этого взгляда. Отсутствие на данный момент удовлетворительного решения, вызывающее к жизни диаметрально противоположные точки зрения, не исключает привлечение семантических аргументов.

В данной работе мы не претендуем на окончательное решение вопроса, однако приведем некоторые факты, которые, на наш взгляд, свидетельствуют в пользу второй точки зрения. Безусловно, окончательное решение проблемы должно быть разработано с учетом данных сравнительно-исторического языкознания. Наша аргументация базируется на данных типологии и формальной семантики, а также на наблюдениях за другими суффиксами глагольной множественности в горномарийском и родственных ему языках.

В ходе нашего рассуждения мы привлечем некоторые теории, согласно которым глагольная множественность является не столько способом обозначить повторение события, сколько

средством выделить квантованные предикаты. Основываясь на наших собственных полевых исследованиях, мы также подробно опишем дистрибуцию суффикса и сформулируем ограничения на его сочетаемость с разными семантическими типами предикатов. В разделе 1 мы опишем употребления суффикса *-ǎl-* в исследовавшемся нами кузнецовском говоре горномарийского языка.¹ В разделе 2 мы сформулируем ограничения на сочетаемость показателя с разными типами глагольных основ, а в разделе 3 сопоставим результаты разделов 1 и 2 с данными родственных языков. В разделе 4 мы предложим анализ полученных данных в рамках современных теорий глагольной множественности.

1. Спектр значений суффикса *-ǎl-*

Как было указано выше, в современном горномарийском языке суффикс *-ǎl-* выражает значение как однократного, так и многократного действия (см. также [Саваткова 2002: 211–213]). Мы будем называть употребления первого типа *семельфактивными*, а употребления второго типа — *итеративными*. Семельфактивное значение характеризует суффикс *-ǎl-* у небольшого количества глаголов и поэтому продуктивным быть признано не может. В исследуемом говоре горномарийского языка зафиксированы следующие деривационные пары: *lǎmdǎš* ‘дать имя’ — *lǎmdǎlǎš* ‘обозвать’, *šǎpšǎš* ‘тянуть’ — *šǎpšǎlǎš* ‘потянуть’, *popǎš* ‘говорить’ — *popǎlǎš* ‘сболтнуть (лишнее)’, *pǎčkǎlǎš* ‘резать’ — *pǎčkǎlǎš* ‘отрезать, порезать’, *todǎš* ‘складывать’ — *todǎlǎš* ‘сложить один раз’ и (окказионально) некоторые другие. Следующие примеры иллюстрируют семельфактивное значение показателя:

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536а. В данной работе отражены данные говора Кузнецовского сельсовета Горномарийского района Марий Эл, которые были собраны в ходе полевой работы автора статьи в 2017–2018 гг.

- (3) Vas'a gazetä-m tod-en
 B. газета-ACC ломать-ITER-PRET.3SG
 'Вася газету складывал много раз/ один раз'.
- (4) Vas'a gazetä-m tod-əl-ən
 B. газета-ACC ломать-ITER-PRET.3SG
 'Вася газету сложил (один раз/*много раз)'.
- (5) Vas'a tavak-əm šəpř-ən
 B. сигарета-ACC тянуть-PRET.3SG
 'Вася покурил сигарету'.
- (6) Vas'a tavakəm kelgä-n
 B. сигарета-ACC глубокий-GEN
 šəpř-əl-ən
 тянуть-ITER-PRET.3SG
 'Вася глубоко затянулся'.

Что касается итеративного употребления суффикса, то его, по-видимому, стоит признать основным для современного состояния языка. Вместе с тем, для адекватного описания семантики показателя необходимо выяснить, какими существенными параметрами характеризуется ситуация, описываемая предикатом, содержащим показатель множественности. Как известно, в типологической литературе выделяется большое количество семантических параметров, которые могут различать показатели множественности (см. в первую очередь ключевые в данной области работы [Cusic 1981], [ТИК 1989], [Шлуинский 2005], [Wood 2007]).

Наиболее важным из данных параметров представляется параметр «внешнесобытийности»/«внутрисобытийности». Внешнесобытийная (event-external) множественность подразумевает повторение сходных отдельных друг от друга событий. Внутрисобытийная (event-internal) множественность описывает единую ситуацию, которая состоит из одинаковых по своей внутренней структуре фаз. Вместе с тем, как отмечено в [Шлуинский 2005], «говоря о повторении ситуации, следует отметить, что разграничение единой мультипликативной

ситуации и — пусть даже внутрисобытийного — многократного повторения единичной ситуации весьма проблематично» [Шлуинский 2005: 77]. Это утверждение может быть проиллюстрировано следующим примером из русского языка — предложение (5), описывающее многократную ситуацию, может быть понято двумя способами. Оно описывает либо ситуацию, повторяющуюся в течение некоторого относительно краткого промежутка времени, либо как повторяющуюся, например, изо дня в день.

(7) *Кто-то все время скребется в углу.*

Сценарий 1: Пока X сидит в кресле, X слышит, как кто-то время от времени скребется.

Сценарий 2: Если X бывает в комнате, X часто слышит, как кто-то скребется.

Стоит констатировать, что в горномарийском языке суффикс может выражать разные типы значений — либо внутрисобытийное, либо внешнесобытийное. Так, в следующем примере иллюстрируется внутрисобытийное значение — описываемая ситуация предполагает, что Вася в одном и том же месте и в одно и то же время совершает много актов действия, описываемого предикатом ‘гнать корову’:

(8) *Vas'a əʃkal-əm pɔkt-əl-eʃ*

V. корова-ACC гнать-ITER-NPST.3SG

‘Вася корову туда-сюда гоняет’.

Вместе с тем, в следующих примерах, в которых используется один и тот же глагол с суффиксом *-əl-*, описываемые ситуации, безусловно, отличаются по своей внутренней структуре. В случае (7) показатель имеет т. н. альтернативное значение, то есть описывает движение, осуществляемое по повторяющейся траектории из стороны в сторону, в то время как в (8) речь идет о простом

повторяющемся событии — пример иллюстрирует внешнесобытийное множественное значение:

- (9) arašəŋgä (təškälä-tiškälä) čongešt-əl-eš
 муха туда-сюда лететь-SEM-NPST.3SG
 ‘Муха туда-сюда летает’.
- (10) samol’ot moskva-škê čongešt-əl-eš
 самолет Москва-IN лететь-SEM-NPST.3SG
 ‘Самолет регулярно летает в Москву’.

Случаи (7) и (8), впрочем, легко трактовать единым образом, если предположить, что в каждом случае глагол с показателем множественности просто описывает ситуацию, в которой многократно происходит действие, описываемое глагольной основой. В случае (7), таким образом, описывается ситуация ‘лететь’, которая делится на кванты, каждый из которых также является ситуацией ‘лететь’. В случае (8) таким квантом является один полет в Москву, и этот квант также является ситуацией ‘лететь’. Этот подход предполагает, что если глагольная основа сочетается с показателем *-əl-*, то последний выделяет кванты этой ситуации, и в зависимости от семантики основы и, возможно, других параметров ситуации такие кванты могут описывать разные по своей внутренней структуре события — в некоторых случаях это событие кратковременное, в других — длительное. Примеры (7) и (8) являются прекрасной иллюстрацией этого утверждения — в обоих случаях с точки зрения прагматики речь идет, безусловно, о разных итерациях события ‘лететь’ — либо о множественном летании мухи, состоящем из большого количества летаний в разные стороны в одном месте и в одно время, либо о множественном летании самолета по одному и тому же рейсу, которое, конечно, повторяется с меньшей регулярностью.

Мы считаем, что определяющим для семантики суффикса *-əl-*, таким образом, является не внутри- или

внешнесобытийная семантика, а простое выделение квантов ситуации, обозначаемое глаголом V, таких что каждый из этих квантов также является ситуацией, обозначаемой V. Стоит отметить, что вводимая в [Храковский 1989] и подробно рассмотренная в [Шлуинский 2005] классификация показателей с мультипликативным значением также релевантна для полного описания семантики показателя *-əl-*. Эта классификация опирается на наблюдение, что мультипликативные показатели в языках мира различаются по характеру описываемых ситуаций. Есть различные подвиды мультипликативных значений — дубликатив ('действие повторяется так, что каждый последующий квант отменяет предыдущий'), фреквентатив ('действие осуществляется с малыми перерывами между квантами'), дисконтинуатив ('действие осуществляется с большими перерывами между квантами') и т. д. Некоторые из выделяемых Храковским и Шлуинским значений, действительно, спорадически фиксируются у суффикса *-əl-*:

- (11) Vas'a pi-m azdar-əl-ən
 В. собака-ACC дразнить-ITER-PRET.3SG
 'Вася собаку много раз дразнил'. (*итератив*)
- (12) Vas'a sedok šədešk-əl-eš
 В. постоянно сердиться-ITER-NPST.3SG
 'Вася все время злится'.
 (*итератив*)
- (13) Vas'a ik sveča-m jört-əl-ən
 В. 1 свеча-ACC свеча-ITER-NPST.3SG
 'Вася свечку то погасит, то зажжет'.
 (*дубликатив*)
- (14) Vas'a okn'a-š anž-əl-ən
 В. окно-IN смотреть-SEM-PRET.3SG
 'Вася посматривал в окно [то в одно, то в другое]'.
 (*дисконтинуатив*)

Вместе с тем, подобные значения не являются сколько-нибудь регулярными и могут быть описаны как результат воздействия прагматических факторов: например, множественное гашение свечи, описываемое в (11), трудно представить как последовательность многократных актов гашения, между которыми не было бы промежутков, когда свеча зажжена. Для того чтобы многократное гашение имело место, необходимо, чтобы свеча была зажжена между актами гашения, и именно такие соображения объясняют дубликативную интерпретацию.

Спорными являются также и остальные ярлыки, используемые в примерах выше. Если в (9), по-видимому, представлен итератив в чистом виде, то в (10), по-видимому, речь идет скорее о некоторой частотной ситуации, близкой к хабитуальной, а в (12), возможно, дисконтинуативная интерпретация является следствием влияния дисконтинуативного русского эквивалента — в целом в (12) не говорится, каковы были промежутки между квантами события 'смотреть'. Если думать, что ядерным значением суффикса *-əl-* является простая итерация квантов события, то все вышеуказанные случаи можно объединить как манифестации итеративного значения. Ниже мы покажем с помощью семантических карт, что возникновение дисконтинуативных, дубликативных и иных интерпретаций на самом деле легко объяснимо.

Что касается значений из семантической зоны хабитуальности, которые также описываются в цитируемых выше работах и не могут быть исключены из рассмотрения при полноценном изучении множественности, то стоит констатировать, что у суффикса *-əl-* в горномарийском языке этих значений не фиксируется (мы более подробно осветим этот вопрос в п. 3, где сравним данные горномарийского с данными родственных языков). В силу этого изучение семантики суффикса естественным образом ограничивается рассмотрением итеративных употреблений. Важным аспектом семантики

суффикса является его сочетаемость с глагольными основами разных акциональных и семантических типов, и ее мы рассмотрим ниже.

2. Сочетаемость суффикса с глаголами разных семантических классов

В горномарийском языке есть семантические классы глаголов, которые не могут сочетаться с показателем *-âl-*. К таким глаголам относятся в первую очередь инкрементальные и градативные глаголы. Суффикс не употребляется и в том случае, если множественным является не само событие, которым охвачен участник, а сам участник, ср. (1) и (2):

- (15) *oxârec šar-en*
огурец испортиться-*PRET.3SG*
'Огурец испортился'.
- (16) **oxârec-vlä šar-âl-ên-ât*
огурец-*PL* испортиться-*SEM-PRET.3SG-PL*
Ожид.: 'Огурцы испортились'.
- (17) **Vas'a tama-m kačk-âl-ên*
V. что.то-*ACC* есть-*SEM-PRET.3SG*
Ожид.: 'Вася что-то много раз ел'.

Согласно нашим данным, с суффиксом *-âl-* не сочетаются также такие аспектуальные классы глаголов, как стативы: *amalaš* 'спать' — **amalâlaš, âläš* 'жить' — **âläläš, jasëlanáš* 'болеть' — *??jasëlanâlaš*, глаголы эмиссии: *jâlaš* 'гореть' — **jâlâlaš*, а также многие глаголы класса деятельности: *mâškaš* 'мыть' — **mâškâlaš, lâdaš* 'читать' — **lâdâlaš, kuštaš* 'танцевать' — **kuštâlaš, tâškaš* 'клеить' — **tâškâlaš, pogáš* 'собирать' — **pogâlaš, nâlaš* 'лизать' — **nâlâlaš* и т. д. Вместе с тем, как было показано выше в п. 1, многие глаголы класса деятельности допускают присоединение показателя, поэтому принадлежность конкретной лексемы к классу деятельности

не позволяет предсказать, будет глагол сочетаться с суффиксом *-äl-* или нет. Для стативов отрицательная корреляция, как представляется, важна: нам не удалось обнаружить ни одного статива, который присоединял бы суффикс.

Ряд глаголов, содержащих суффикс *-äl-* и связанных словообразовательными связями с бессуффиксными глаголами, на синхронном уровне, по-видимому, не могут анализироваться как содержащие суффикс множественности: *šäršäš* ‘тянуть’ — *šäršäläš* ‘доить’, *šäškäš* ‘бить’ — *šäškäläš* ‘зарезать’. Впрочем, если предположить, что суффикс *-äl-* в данных случаях связан с семантикой множественности, то композиционный анализ глаголов представляется оправданным: так, ситуация ‘доить’ легко может быть представлена как множественная ситуация ‘тянуть’, поскольку доение есть многократное действие потягивания, производимое с помощью рук над выменем коровы, а значение ‘зарезать [скот]’ у глагола *šäškäläš* может представлять собой результат семантического сдвига у глагола со значением ‘многократно бить’ (ср. рус. *забить*). Впрочем, данные соображения не могут без дополнительных аргументов быть признаны верными, хотя и представляются правдоподобными.

3. Суффикс *-äl-* в родственных языках

Некоторый свет на семантику исследуемого суффикса, как представляется, могут пролить данные внутригенетической типологии — мы предполагаем, что некоторые важные закономерности, по которым развивается значение суффикса, могут быть поняты, если учтены все типологические возможности этого процесса. Когнаты суффикса *-äl-* существуют во многих финно-угорских языках (см. [Лыткин и др. 1976]). Вместе с тем, для некоторого пилотного сопоставления мы выбрали удмуртский, бещермянский и коми-зырянский языки, что обусловлено наличием данных достаточного качества, позволяющих

детально исследовать употребления суффикса. Далее мы для простоты будем именовать все когнаты суффикса *-âl-* одинаковым образом.

В качестве источников нами были использованы работы [Перевощиков и др. 1962], [Шлуинский 2005] (для удмуртского), [Лыткин 1962] и [Кузнецова и др. 2010] (для коми-зырянского), а также статья [Сердобольская 2012]); кроме того, в качестве источника данных по коми-зырянскому языку был использован корпус текстов на ижемском диалекте коми-зырянского языка, разрабатываемый в рамках проекта по составлению Диалектологического атласа уральских языков Ямало-Ненецкого АО.² Важным источником данных обо всех вышеупомянутых языках (кроме бесермянского) послужила также монография [Серебрянников 1960].³

При описании данных родственных языков мы не будем останавливаться на итеративном значении показателя *-âl-*, которое в том или ином виде засвидетельствовано во всех рассматриваемых языках. Наибольший интерес для нас представляют не-итеративные употребления. В удмуртском языке, например, помимо итеративного, зафиксированы также дисконтинуативное и хабитуальное значение:

(18)	мынам	брат-э	косяк-э
	я.GEN	брат-POSS.1SG	окно-ILL

² На момент написания статьи корпус, к сожалению, не находится в общем доступе в связи с тем, что он продолжает обновляться. Текущую версию можно получить у автора статьи.

³ В нашу выборку не включен луговой марийский язык, который является наиболее родственным горномарийскому. Причина этому, во-первых, в том, что суффикс *-âl-* описывается в [Галкин 1966] и [Серебрянников 1960] применительно сразу к луговому марийскому и к горномарийскому языкам, поскольку подобное разделение авторами не проводится. Во-вторых, данные этих описаний практически полностью соответствуют нашим данным.

учк-ыл-э вал
 смотреть-ITER-PRES.3SG RETR
 ‘Мой брат посматривал в окно’.

- (19) куке война вал, лэсьт-ыл-л-й-мы чернило
 когда война RETR делать-ITER-PST-1PL чернила
 горд кушман-лэсь
 красный редька-ABL
 ‘Когда была война, мы делали чернила из свеклы
 [=красной редьки]’.

[Шлуинский 2005: 137]

Как мы уже отмечали выше, у удмуртского суффикса *-əl-* есть и узитативное значение, которое кодирует ситуации, когда-либо происходившие в прошлом, без указания на количество повторений ситуации:

- (20) вазен куро пырты-л-о, пудо
 раньше солома вносить-ITER-PRES.3PL скот
 пырты-л-о вал.
 вносить-ITER-PRES.3PL RETR
 ‘Раньше {в дом к молодой хозяйке} заносили
 солому, заводили скот’.

[Шлуинский 2005: 138]

В близкородственном удмуртскому бесермянском языке также есть показатель *-əl-*. Стоит отметить, что в работе [Сердобольская 2012] суффиксы *-əl-* и *-l'a-* трактуются как алломорфы, и утверждается, что выбор того или иного показателя обусловлен типом спряжения. В данной статье мы опускаем вопрос о том, правомерно ли отождествление двух суффиксов на диахроническом уровне, и следуем логике цитируемой работы. Итак, помимо итеративного, у суффикса выделяются также экспериентивное (19) и антирезультативное (20) значение:

- (21) ku-ke ton uja-l'a-d-a pəž-ən?
 когда-INDEF ты плавать-ITER-2-Q лодка-INSTR
 ‘Ты когда-нибудь плавал на лодке?’
 [Сердобольская 2012: 769]
- (22) buške'-e kotər-t-əl-i-z bakč'a-z-e
 сосед-1SG окружать-SEM-ITER-PRT-3 огород-3-ACC
 təm-en, a so kwaška-z.
 плетень-INSTR а тот ломаться-3
 ‘Сосед окружил [было] огород плетнем, а он
 сломался’.
 [Сердобольская 2012: 767]

Вместе с тем, бесермянский суффикс *-əl-* допускает также делимитативное прочтение (‘немного V’). Судя по имеющимся данным, в таком значении суффикс сочетается с глаголами-деятельностями и стативами:

- (23) so gora-l'a-l-o-z bakč'a-z-e.
 он копать-ITER-EXT-FUT-3 огород-3-ACC
 ‘Он (немного) покопает огород’.
 [Сердобольская 2012: 766]
- (24) mon vəd-əl-o ken'a-ke.
 я лежать-ITER-FUT сколько-INDEF
 ‘Я полежу чуть-чуть’.
 [Сердобольская 2012: 766]

Сходная ситуация наблюдается и в коми-зырянском языке, в котором, по-видимому, суффикс *-əl-* имеет наиболее широкий из рассматриваемых языков спектр значений. В коми-зырянском, как и в бесермянском, у суффикса выделяется делимитативное значение:

- (25) bereg-e vo-im da
 берег-ILLL приходить-PST.1PL и

šoč'č'-yšt-im **vugyrt-l-im**
 отдыхать-SEM-PST.1PL дремать-ITER-PST.1PL
 'До берега дошли и немного отдохнули, подремали'.
 [корпус]

Вместе с тем, широко фиксируются также и значения, не столь очевидно связанные с множественностью. В частности, в коми-зырянском отмечается узитативное значение суффикса *-â/-*:

(26) ny-ked aj-nys **s'orn'it-l-is**
 3PL-COM отец-POSS.3PL разговаривать-ITER-PST.3
 sy-ly zej vəl-i jur-a-s
 тот-DAT очень быть-PST.3 голова-LOC-POSS.3SG
 руг-ema sečem s'orn'i-jas-ys
 войти-PRF такой разговор-PL-POSS.3SG
 pərys'd -jas-ys-len
 старый-PL-POSS.3SG-GEN
 'С ними их отец разговаривал, и ему очень запомнились (букв.: в голову вошли) такие разговоры у пожилых'.
 [корпус]

В коми-зырянском языке наблюдается также не фиксируемое в других языках нашей выборки значение, которое может быть анализировано только как значение давнопрошедшего времени. Этот вид значений вообще не связан с семантикой множественности, поскольку обозначает однократное событие, происходившее в прошлом. Вместе с тем, нет каких-либо существенных доказательств того, что суффикс *-(y)l-*, используемый в подобных контекстах, является отличным от суффикса итератива показателем:

- (27) *tože č'omj-yn rəd'ič'č'-yl-ema*
 тоже чум-LOC родиться-ITER-PRF
 'Тоже в чуме родился'.

[корпус]

У показателя фиксируется также значение однократного действия. Так, в описании ижемского диалекта коми-зырянского языка [Лыткин 1962] упоминается значение «однократного (кратковременного) вида» у суффиксов *-l-* и *-ool-*. В случае если суффикс *-l-* обозначает кратковременное действие, то, по-видимому, речь идет о небольшой длительности ситуации:

- (28) *nəgevit-l-y, me s'oj-yšt-a*
 ждать-ITER-IMP 1SG есть-SEM
 'Подожди, я покушаю'.

[Лыткин 1962: 89]

В описании коми-зырянского литературного языка [Лыткин и др. 1955: 223–224] описание суффикса детализуется следующим образом: «Основная функция данной видовой формы глагола — это выражение такого однократного действия, которое скоро должно смениться действием противоположного характера... например, *босьтлы* означает “возьми один раз на время и обратно положи или верни”, *петав* “выйди на время и обратно зайди” и т.д.». Там же отмечается следующая особенность суффикса: «Иногда форма кратковременного вида обозначает многократность действия благодаря особенностям контекста (например, в контексте имеются количественные наречия и т. д.), как в следующем примере:

- (29) *галстук-ыс тыдалӧ топӧд-іс*
 Галстук-POSS.3SG видимо затягивать-PST.3

сьылі-сö, и Парамон Демидыч раз-мöд-ысь
 шея-ACC.POSS.3 и П.Д. раз-другой-EL
 нин инмöд-ч-ыл-іс ки-на-с
 уже трогать-DETR-ITER-PST.3 рука-INS-POSS.3
 сы дінö⁴
 DEM около
 ‘Галстук, видимо, давил шею, и Парамон Демидыч
 несколько раз уже дотрагивался до него’.
 [там же: 224]

В указанном отрывке однократная форма *инмöдчыліс* ‘дотронулся’ означает многократное действие в присутствии наречия многократности *раз-мöдысь* ‘несколько раз’.

В работе [Серебренников 1960: 98] указывается также, что в литературном варианте коми-зырянского языка суффикс *-(ä)l-* употребляется как в однократном, так и в многократном значении. Оба значения трактуются в работе как характеризующие один и тот же суффикс:

(30) ыпнит-л-іс би
 сверкать-ITER-PST.3 огонь
 ‘Сверкнул огонь’.

(31) гиж-л-іс
 писать-ITER-PST.3
 ‘(Он) писал много раз’.
 [Серебренников 1960: 99]

Как видно из примеров, в литературном варианте коми-зырянского языка в суффиксе также совмещаются значение итеративности и значение, которое, по-видимому, можно охарактеризовать как семейфактивное (к сожалению, из-за малого количества примеров сделать более общие выводы не получается).

⁴ Здесь пример дается в кириллической записи, чтобы сохранить текст оригинала.

Итак, мы постарались показать, что в родственных горномарийскому языках наблюдается большой спектр значений суффикса *-əɫ-*, которые иногда не сводятся к множественности. Суммируем наши наблюдения в следующей таблице:

Таблица 1.

значение суффикса	ГМ	УДМ	БЕС	КЗ
квант	да	нет	(да)	(да)
итератив	да	да	да	да
делимитатив	нет	н.д.	(да)	(да)
хабитуалис	нет	да	да	да
узитатив	нет	да	да	да
экспериентив	нет	нет	да	да
антирезультатив	нет	нет	да	(нет)

Наблюдаемые факты в целом хорошо укладываются в типологические ожидания и могут быть объяснены теорией, излагаемой в [Шлуинский 2005]. По данным таблицы видно, что языки противопоставлены по спектру значений суффикса следующим образом. Горномарийский язык развивает только два значения, в то время как все значения из семантической зоны хабитуальности оказываются для горномарийского недоступны. Во всех остальных языках хабитуальное значение представлено либо обычным хабитуалисом, либо узитативом. Только в двух языках добавляются значения, не связанные напрямую с множественностью — экспериентив и антирезультатив.

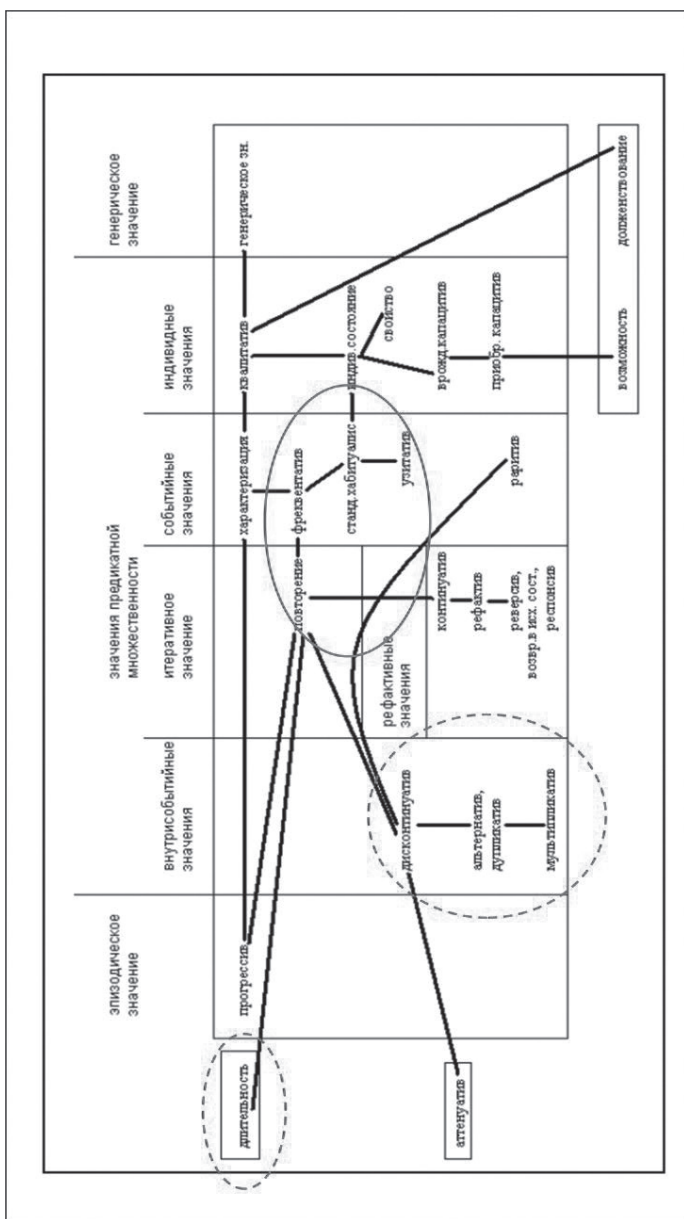
Работа [Шлуинский 2005] предлагает объяснения для большинства случаев, описанных в данном пункте, поэтому мы не будем подробно останавливаться на подробном пересказе этих рассуждений и ограничимся констатацией основных фактов. Узитативное и хабитуальное значение различаются только тем, что в первом случае ситуация, обозначаемая глаголом с показателем узитатива, не

охарактеризована по числу повторений, и семантическое развитие хабитуалиса в узитатив может быть описано как потеря показателем элемента значения ‘много раз’. В свою очередь, экспериентив может мыслиться как некоторое расширение узитатива — если суффикс узитатива описывает ситуацию ‘V произошло неопределенное количество раз’, то экспериентив, который, по сути, описывает ту же ситуацию, с высокой долей вероятности может быть следствием развития узитатива. Несколько сложнее обстоит дело с развитием значения антирезультатива — можно предположить, что он развивается из экспериентива, тем более что он среди языков нашей выборки представлен только в том языке, где есть экспериентив.

Изложенные соображения позволяют утверждать, что экспериентив не является исходным значением суффикса *-âl-* (что в целом совпадает с выводами работы [Вострикова 2010], согласно которым значение экспериентива в большинстве языков развивается как вторичное по отношению к другим грамматическим значениям). Не может являться первичным и хабитуальное значение, которое представлено не во всех языках выборки. Развитие итератива в хабитуалис также представляется тривиальным фактом: утверждение о повторяемости события легко может быть переосмыслено как утверждение о хабитуальности события, и этот факт также описан в работе [Шлуинский 2005].

Взятая из работы [Шлуинский 2005] семантическая карта, приведенная в Таблице 2, отображает пути семантической эволюции показателей множественности в языках мира, и нанесение на нее известных нам значений суффикса *-âl-* позволяет увидеть, что в целом предсказания этой семантической карты для рассматриваемых языков выполняются (сплошной линией на карте обведены центральные значения, пунктирной — спорадически встречающиеся).

Таблица 2.

Вместе с тем, проблема делимитативных и семельфактивных значений для нашего исследования пока не получает удовлетворительного решения. Речь идет о примерах типа (21)–(23), в которых говорится о непродолжительных действиях, и подобные случаи, как представляется, можно расположить на семантической карте в Таблице 2 в крайне левом столбце как манифестации аттенуатива ('действие V производится с пониженной интенсивностью'). При такой трактовке ситуации 'немного полежать', 'покопать' или 'подремать' представляют собой ситуации, отличающиеся меньшей по сравнению с ситуациями 'лежать', 'копать' и 'дремать' длительностью. Вместе с тем, если согласиться с подобной точкой зрения, то стоит также принять во внимание отсутствие (по крайней мере, в наших данных) у суффикса *-əl-* дисконтинуативных значений в тех языках, в которых фиксируется наличие аттенуативных употреблений (т. е. в бесермянском и коми-зырянском). Если дисконтинуативное значение отсутствует в каком-либо из этих языков, тогда на семантической карте должен быть разрыв между значением повторения и аттенуативом, что представляется не очень приятным фактом: в таком случае стоит фиксировать исключение из предлагаемой Шлуинским модели и объяснять его.

Не желая, впрочем, углубляться в спекулятивное теоретизирование о ненаблюдаемых фактах, укажем на еще один теоретически возможный сценарий развития значения суффикса *-əl-*. Если мы предполагаем, как это делается в работе [Лыткин и др. 1976], что семельфактивное и множественное значение принадлежат одному и тому же суффиксу, тогда стоит констатировать, что одно из них является производным от другого (либо оба производны от третьего). Предположим, что исходное значение — семельфактивное; в таком случае можно теоретически вывести, что значения типа 'немного полежать' являются некоторым расширением исходного семельфактивного значения 'сделать один квант V'. В самом деле, квант лежания 'немного полежать' также является лежанием, квант

копания ‘немного покопать’ является копанием и т. д. Вместе с тем, подобное рассуждение на самом деле не подтверждено никакими эмпирическими фактами и является не более чем некоторым возможным вариантом развития событий.

Итак, из языков нашей выборки, таким образом, только горномарийский явно демонстрирует наличие двух кардинально различных употреблений суффикса *-âl-* — семельфактивного и множественного. В коми-зырянском языке и отчасти в бесермянском наблюдается также значение краткой продолжительности действия, которое семантически близко к семельфактиву. Можно предположить, что на самом деле как делимитативное (‘немного полежать’, ‘немного покопать’), так и семельфактивное значение являются производными от множественного. Это предположение согласовалось бы с тем фактом, что в большинстве финно-угорских языков суффикс имеет множественное значение и не имеет семельфактивного. Вместе с тем, при подобном сценарии необходимо показать, каким именно путем происходило развитие множественного значения в семельфактивное. Учитывая известные типологические сценарии, можно предположить, что развитие происходило по следующей цепочке:

(32) ‘итератив’ → ‘дисконтинуатив’ → ‘аттенуатив’ →
‘семельфактив’

В то время как два первых перехода хорошо описываются семантической картой из работы [Шлуинский 2005], последний переход (от делимитатива к семельфактиву) представляется некоторым искусственным звеном. С помощью такого перехода мы эксплицируем нашу интуицию, согласно которой делимитативные значения типа ‘покопать’ семантически связаны с семельфактивными значениями типа ‘потянуть’ или ‘сложить (один раз)’. Проблема, однако, заключается в том, что в случае горномарийского языка мы в действительности наблюдаем только первое и последнее звено данной

цепочки, в то время как дисконтинуативные значения у горномарийского суффикса *-əl-* наблюдаются крайне редко, а аттенуативные не наблюдаются вообще. Таким образом, для того чтобы делать утверждения о переходе итеративного значения в семельфактивное, в описание необходимо ввести ненаблюдаемые сущности, что представляется не вполне приемлемым. (Заметим в скобках, что в случае коми-зырянского такой проблемы нет — в этом языке у суффикса есть все значения из цепочки.)

Есть, однако, иной путь, по которому потенциально может идти развитие суффикса. Можно предположить, что семельфактивное значение напрямую развивается из множественного (см., например, [Храковский 1998]). Вопрос о таком переходе, однако, остается открытым: с семантической точки зрения он выглядит неправдоподобным, поскольку неясно, как в отсутствие дополнительных условий множественное событие начинает обозначать единичное. Возможным решением данной проблемы было бы допущение о том, что исходно глагольная лексема может иметь и мультипликативное, и семельфактивное значение. Такое положение вещей действительно наблюдается в некоторых языках мира и описывается в [Храковский 1998: 488] на примере английских глаголов:

- (33) *kick* ‘ударить/ударять’
wink ‘мигать/мигнуть’

Каждая из этих лексем в присутствии определенных операторов (например, наречий кратности типа ‘два раза’) может развивать мультипликативное значение. Речь в подобных случаях идет не о том, что исходно мультипликативный глагол становится семельфактивным, и не о том, что второе значение развивается из первого, — дело скорее в дополнительных операторах, которые позволяют получить оба значения от одного и того же глагола. Впрочем,

подробное моделирование процесса не входит в задачи данной статьи и оставляется на будущее.

Итак, из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, мы показали, что развитие значения суффикса в некоторых родственном горномарийскому языкам происходит согласно известным типологическим сценариям. Во-вторых, в некоторых языках у суффикса развивается также делимитативное значение, причем оно может быть производным как от итеративного, так и от семельфактивного. Возникает впечатление, что семельфактивное значение наблюдается только в горномарийском языке и сценарий, согласно которому это значение утрачивается во всех родственном языках, маловероятен и даже неправдоподобен. Вместе с тем, крайне сложно объяснить, как именно это значение развивается в горномарийском языке. Исходя из данных соображений, мы по-прежнему не отвергаем гипотезу, согласно которой семельфактивное значение суффикса *-əl-* является исходным. В следующем разделе мы приведем дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения, и эти аргументы будут основываться на двух фактах, известных лингвистической науке. Во-первых, мы приведем соображения из области формальной семантики, согласно которым множественность трактуется как квантование предикатов. Во-вторых, мы покажем, что для других суффиксов из рассмотренных нами языков характерны те же самые свойства, что характеризуют суффикс *-əl-*: в одних языках они имеют семельфактивное значение, в то время как в других — мультипликативное или множественное.

4. Анализ

Прежде всего, стоит отметить следующий факт: для утверждения о том, что семельфактивное употребление суффикса *-əl-* является первичным по отношению к множественному, есть некоторое достаточно простое семантическое

соображение. Оно состоит в том, что для того чтобы рассуждать о множественности объектов, нужно сначала выделить некоторые кванты этого объекта, которые можно считать. Множественности не может быть, если для ее описания нет понимания о считааемых объектах.

Если принять противоположную точку зрения и предположить, что исходным является, напротив, множественное употребление, тогда должна быть некоторая теория, которая объяснит, почему и как семельфактивное употребление становится производным от него. Объяснение этого факта, впрочем, должно быть достаточно длинным: для этого потребуется предположить, что итеративное употребление развивается в дисконтинуативное, затем в аттенуативное (см. семантическую карту в Таблице 2), и только потом аттенуативное значение некоторым образом развивается в семельфактивное. В горномарийском языке аттенуативного употребления у *-əl-*, как мы отметили выше, нет, и оно, таким образом, остается некоторым постулируемым, но не наблюдаемым феноменом. Учитывая, что в горномарийском языке итеративное значение не склонно приобретать дополнительные значения вроде дисконтинуативного или аттенуативного, остается неясным, почему и как итеративный суффикс мог бы эволюционировать в семельфактивный.

Напротив, если предположить, что исходное значение суффикса *-əl-* является семельфактивным, то требуется объяснить только один факт — как именно оно становится итеративным. При таком подходе семельфактивный суффикс в горномарийском языке является остаточным явлением, а для современного состояния языка продуктивным является только множественное (итеративное) употребление. Следующий шаг в нашем рассуждении — предложить правдоподобный сценарий, объясняющий семантический сдвиг.

В лингвистических исследованиях в последние два десятилетия были описаны факты, которые могут быть рассмотрены как косвенные свидетельства в пользу нашей

точки зрения. Эти факты анализировались в русле формальной семантики, и, чтобы представить их полнее, мы охарактеризуем для начала несколько различных подходов к глагольной множественности. Классический подход Лазерсона, описанный в работе [Lasersohn 1995], предполагает, что оператор множественности есть некоторый модификатор глагольной группы, который «умножает» событие, обозначаемое ею, и прагматически ограничивает кардинальность получаемого множественного события. Формально подход Лазерсона выражается следующим утверждением:

$$(34) V\text{-PA}(X) \leftrightarrow \forall e, e' \in X[V(e) \ \& \ \exists f(e) \ \otimes \ f(e')] \ \& \ \text{card}(X) \geq n,$$

где f — функция, отображающая события в их временные, пространственные следы или части участника

Из данного понимания множественности следует, что выражение, содержащее оператор множественности, должно содержать утверждение о множественном событии, которое состоит из событий таких, что значения функции отображения этих событий во временные, пространственные отрезки или в части участника этих событий не пересекаются друг с другом. Иными словами, подсобытия, составляющие множественное событие, не должны пересекаться друг с другом ни во времени, ни в пространстве, ни в участниках. Это условие для горномарийского языка не выполняется — см. цитировавшийся выше пример (6), повторяемый как (33):

$$(35) \text{Vas'a} \ \hat{a}\check{s}\text{kal-}\hat{a}\text{m}$$

В. корова-ACC
 pokt-âl-eš
 гнать-SEM-NPST.3SG/гнать-NPST.3SG
 Вася корову туда-сюда гоняет.

В данном примере каждое событие ‘гнать корову’, повторяемое в множественном событии, имеет одного и того же партиципанта ‘корова’, и, следовательно, предсказание Лазерсона для горномарийского языка не выполняется.

Второй подход к глагольной множественности представлен в работе [Tatevosov 2007], где анализируется суффикс чувашского дисконтинуатива *-kala-*. Согласно идеям, изложенным в этой работе, чувашский дисконтинуатив можно рассматривать как параметрическое наречие, которое берет в свою сферу действия событие, обозначаемое глаголом, и модифицирует некоторую шкалу, характеризующую этот глагол. Формальное представление семантики суффикса выглядит следующим образом:

$$(36) \parallel -kala- \parallel = \lambda P \lambda e \exists d [F_c(P)(e) = d \wedge d < \text{STANDARD}(F_c)(C)]$$

Это выражение содержит в себе переменную F_c , которая специфицирует степень d , до которой глагол обладает некоторым свойством; семантика суффикса *-kala-* заключается в спецификации значения этой степени: глагол, содержащий суффикс, обозначает действие, которое характеризуется меньшей степенью d по сравнению со стандартом. Поясним это на конкретных примерах. Значение глагола может характеризоваться разными параметрами — длительностью (*танцевать*, *пахать*), степенью выраженности градуируемого признака (*краснеть*), качеством действия и т. д. Форма с показателем множественности означает «занижение» значения такого параметра по сравнению со стандартным. В примере (35) подобной модификации подвергается параметр качества действия (‘Вася пахал поле с перерывами, а не непрерывно, как ожидалось’), в примере (36) — длительности действия (‘он попел недолго, меньше, чем ожидалось’):

- (37) Vas'a uj-a suxala-kala-r-e.
 V. поле-DA пахать-KALA-PFV-3SG
 'Вася пахал поле время от времени.'
- (38) vyl jurla-kala-r-e.
 он петь-KALA-PFV-3SG
 'Он немного попел.'

Не вдаваясь в особенности механизма взаимодействия значения суффикса и глагольной основы, которое весьма нетривиально, отметим, что подобный анализ, однако, неприменим для суффикса *-əl-* в горномарийском языке. Причина этого заключается в том, что в общем случае горномарийский суффикс не обозначает никакого отклонения от стандарта ни в большую, ни в меньшую сторону. Не стоит обходить вниманием, однако, случаи, когда суффикс обозначает частотное, но не редкое событие, как в следующем примере:

- (39) samol'ot moskva-škā čongešt-əl-eš
 самолет Москва-IN лететь-SEM-NPST.3SG
 'Самолет регулярно/*редко летает в Москву'.

Стоит признать, что семантический элемент 'много раз', по-видимому, все же является частью значения суффикса *-əl-*: всякий раз, когда к глаголу добавляется суффикс множественности, речь идет о частом, но не о редком событии. Вместе с тем, неверно считать, что суффикс *-əl-* в качестве элемента своей семантики содержит указание на относительную частоту события. Один из аргументов в пользу этого — сочетаемость с суффиксом *-kal-*, который в горномарийском языке может быть анализирован как модификатор степени, как и чувашский *-kala-*, когнатом которого он, предположительно, является (о дискуссии по этому вопросу см. [Галкин 1966: 105], [Лыткин и др. 1976: 366]; о семантике суффикса *-kal-* см. [Дьячков, Стрыгина (в печати)]). Этот суффикс обозначает ситуацию,

которая развивается с отклонением от некоторого ожидаемого стандарта этой ситуации, ср. следующие примеры:

- (40) Vas'ilij St'eṗan-êṃ pälë-käl-êṃ
 В. С.-ACC знать-DISC-PRET.3SG
 'Василий был немного знаком со Степаном'.
 (41) Vas'a kuštê-kal-a
 В. танцевать-DISC-NPST.3SG
 'Вася то попляшет, то посидит
 [=пляшет с перерывами]'.

Как и в цитирувавшихся выше чувашских примерах, речь в (38) и (39) идет о действиях, отклоняющихся от стандарта в сторону меньшего ему соответствия. Если бы суффикс *-êl-* означал отклонение от стандарта множественности в большую сторону ('делать более V, чем ожидается'), а суффикс *-kal-* — в меньшую, их совместная сочетаемость была бы недопустима, поскольку событие не может происходить одновременно с большей и меньшей частотой, чем обычно. Это ожидание, однако, нарушается, поскольку суффиксы сочетаются друг с другом:

- (42) Vas'a pi-m azdar-êl-kal-êṃ
 В. собака-ACC дразнить-ITER-DISC-PRET.3SG
 'Вася собаку (время от времени) дразнил'.

Этот факт делает наше предположение о суффиксе *-êl-* лишенным оснований — как минимум приходится констатировать, что сравнение со стандартом не является частью семантики суффикса, хотя значение повышенной частотности иногда, по-видимому, может привноситься контекстом.

Таким образом, исследуемый суффикс должен анализироваться некоторым способом, отличным от упоминавшихся нами. В лингвистической теории известны разработки, которые связаны в первую очередь с языком каритиана

(см. [Müller & Sanchez-Mendes 2007], [Henderson 2010], [Ward 2012]). В каритиана показатели множественности «умножают» не части события, а события целиком (итерация события выражается редупликацией глагольной основы):

- (43) pikom kɔn na-ɔn-ɔn ðwã
 обезьяна POS 3.DECL-стрелять-RDP.NFUT ребенок
 ‘Ребенок стрелял в обезьян’.
- (44) ðwã naka-m-’a-m-’a-dn
 ребенок 3.DECL-CAUS-строить-CAUS-строить-NFUT
 gooj
 каноэ
 ‘Дети строили (много) каноэ’.

В указанных работах множественность анализируется как выделение некоторых атомарных событий. Для определения атомарного события используется функция под названием *atom*, которая выделяет из события его фрагменты следующим образом:

$$(45) \text{atom}_{\leq}(x) \leftrightarrow \forall y(y \leq x \rightarrow y = x)$$

Данное определение позволяет выделить среди множества событий такие события *y*, являющиеся частью события *x*, что они также являются *x*. Не вдаваясь подробно в описание формального механизма функционирования определения (о котором см. [Ward 2012]), отметим существенные для нашего рассуждения следствия данного выше определения. В теории, изложенной в [Henderson 2010] и [Ward 2012], *atom* есть функция, которая выделяет единичные события и не выделяет деятельности и состояния. Это происходит потому, что функция не производит никаких операций над внутренней структурой события, обозначаемого глаголом: таким образом, могут быть выделены не внутренние подынтервалы ситуации, а целые события. Из подобного понимания следует,

что функция может выделить атомы события, описываемые как семельфактивы, свершения и достижения. Глаголы каждого из этих трех классов обозначают ситуации, имеющие естественный предел.

Таким образом, выделение атомарных событий с помощью функции *atom* есть, по сути, квантование кумулятивных (в терминологии Крипки) предикатов. Квантованию могут быть подвержены не все предикаты — так, в каритиана не могут быть квантованы деятельности и состояния (они, соответственно, не присоединяют показатели множественности), но могут семельфактивы, свершения и достижения. Каждый квант обозначает совершение события, обозначенного основой, от начала до конца. Нетрудно заметить, что такая ситуация в точности соответствует ситуации в горномарийском языке, в котором действуют те же самые ограничения на аспектуальные свойства глаголов, присоединяющих показатель *-ǎl-*.

В трактовке вышеупомянутых работ значение суффикса сводится не только к выделению атомарных событий, но и к добавлению требования, чтобы предикат не был атомом (т. е. чтобы он содержал два или больше подсобытия); мы не знаем, является ли такой анализ множественности в каритиана верным, но для нас важна мысль о квантовании предиката как об основополагающей операции над исходной глагольной основой. Следующая операция, которая должна быть произведена над выделенными атомами, — это некоторая операция умножения атомарных событий. Мы оставляем за рамками данной работы вопрос о том, как она должна быть представлена формально — возможно, это некоторый оператор умножения атомов; для нас важнее вопрос о том, почему и как это происходит.

Формальный механизм такого рода, однако, также известен в литературе — он описан в работе [Rothstein 2008], посвященной формальной семантике семельфактивов. Не углубляясь в описание сложного доказательства положений, отстаиваемых в этой работе, отметим ее основную мысль: она

заключается в том, что семельфактивные суффиксы могут в определенных контекстах употребляться как деятельности (в вендлеровском смысле). Подобные контексты для другого класса квантованных предикатов — в частности, достижений, которых объединяет с семельфактивами мгновенный характер обозначаемых действий, — известны, в частности, в английском языке (см. подробное обсуждение в [MacDonald 2006]):

- (46) *Jerry caught the raccoon for an hour.*
'Джерри ловил енота час [= много раз].'
(47) *George shelved the book for an hour.*
'Джордж ставил книгу на полку час [=много раз].'
[MacDonald 2006: 48]

Данные предложения иллюстрируют механизм возникновения итеративного значения. Он состоит в том, что исходно квантованные предикаты класса свершений типа *catch* 'поймать' или *shelf* 'поставить на полку' начинают обозначать итеративные события в присутствии операторов длительности. В примере (40) таким оператором является оператор *for an hour* 'в течение часа', который сигнализирует, что описываемое событие было длительным. Иными словами, семантика длительности «навязывается» подобными операторами, и удлинение семельфактивного события или свершения естественным образом приводит к тому, что такое событие просто начинает повторяться — иначе между показателем семельфактива и оператором длительности возникает конфликт, поскольку первый обозначает мгновенное событие, а второй такое событие модифицировать не может.

Все сказанное, однако, носит характер не более чем гипотезы в отсутствие непосредственных эмпирических данных. Принятие данной гипотезы позволяет встать на точку зрения работы [Лыткин и др. 1976: 367–368], где считается, что двух разных когнатов у семельфактивного и итеративного суффиксов *-əl-* нет. В пользу этой точки зрения имеется еще

один независимый аргумент, и он касается еще одного суффикса множественности в горномарийском языке, а именно суффикса *-âšt-*. В горномарийском языке этот суффикс имеет только значение множественного события, обозначаемого глагольной основой:

- (48) Vas'a paškudê-m ik gänä jad-âšt-en
 В. сосед-ACC 1 раз спросить-ITER2-PRET.3SG
 'Вася соседа один раз расспросил [=задал много вопросов один раз]'.
 '*Вася соседу задал один вопрос'.

Вместе с тем, по-видимому, когнатный ему суффикс *-išt-* в коми-зырянском имеет в основном семельфактивное значение, см. [Кузнецова и др. 2010]:

- (49) мёд пом-сэ вунд-ышт-ан
 другой конец-ACC.POSS3 резать-SEM-NPST.2
 'Другой конец надрезешь'.
 [корпус]

Изредка этот суффикс имеет множественное значение, как в следующем примере, где представлены оба значения — и семельфактивное, и итеративное:

- (50) понм-ыс уут-ишт-ис.
 собака.OBL-POSS.3SG лаять-SEM-PST.3SG
 'Собака полаяла/тявкнула'.
 [Кузнецова и др. 2010: 231]

Безусловно, развитие семельфактивного суффикса в итеративный, которое на этот раз эмпирически наблюдается внутри генетически родственных языков, должно получить правдоподобное объяснение, и мы считаем, что случаи типа (48) являются пограничными между

семельфактивным и итеративным значениями. В выражении (48) есть итеративный компонент, и он выражен морфологическим нулем. Возможно, именно наличие морфологического нуля облегчает переинтерпретацию подобных выражений как выражений, обозначающих множественные события.

Независимое подтверждение существования двух противоположных значений в одном суффиксе содержится и в уже цитировавшейся работе [Серебренников 1960: 98–99]: «Исследование видовых значений в коми языке позволяет установить интересный внутренний закон, выражающийся в поляризации значений видовых суффиксов. На существование этого закона прежние исследователи почему-то не обращали внимания. Сущность его состоит в том, что суффиксы *-лы-* (*-ыв-*) и *-ышт-* фактически могут выражать мгновенное, однократное и в то же время длительное действие». Значения суффикса *-âšt-*, как следует из примеров, приводимых в работе, могут быть охарактеризованы как значения продолжительного действия, не характеризующегося большой интенсивностью:

- (51) *зэр-ышт-ö* ‘слегка дождит, моросит’
дзирд-ышт-ö ‘слегка блестит’

В работе также отмечается, что глагольные формы с суффиксами *-âl-* и *-âšt-* в своем однократном употреблении «почти тождественны по значению и обе выражают кратковременное действие».

Еще одним заслуживающим внимания фактом является то, что как остаточное явление, по-видимому, суффикс *-âšt-* в своем семельфактивном значении фиксируется и в марийских языках: в [Галкин 1966: 98] упоминается два глагола — *чывышташ* ‘ущипнуть’ и *тöргэштäш* ‘прыгнуть’ (см., впрочем, там же замечание о том, что однократные и многократный суффиксы могли иметь разное происхождение). В работе

признается, что вероятность того, что оба суффикса все же имеют одно и то же происхождение, все же есть, поскольку когнатов многократного *-äšt-* в родственных языках не обнаруживается.

Таким образом, сразу несколько фактов указывают на то, что сценарий, согласно которому суффиксы множественности в финно-угорских языках являются и суффиксами семельфактива, и суффиксами итератива, как минимум имеет некоторую вероятность. Эти факты следующие: 1) в горномарийском языке (как и в коми-зырянском) суффикс *-äI-* может иметь значение как единичности, так и множественности действия; 2) в коми-зырянском, а также, возможно, в бесермянском суффикс может иметь делимитативное значение, семантически близкое к семельфактивному; 3) семантическое развитие итеративного значения в семельфактивное как минимум в горномарийском требует серьезного семантического обоснования, эмпирических подтверждений которому нет; 4) если предположить, что множественность является средством квантования предикатов, то семантический элемент итеративности действия может вноситься (нулевым) итеративным оператором; 5) именно это, по-видимому, происходит в случае некоторых других суффиксов множественности, в частности, коми-зырянских *-(ä)I-* и *-äšt-*: в случае этих суффиксов мы эмпирически наблюдаем совмещение единичности и множественности в одном показателе. Таким образом, возможность случайного совпадения двух значений у горномарийского *-äI-* требует пристального изучения в свете высказанных соображений и может быть подвергнута вероятностной оценке.

Впрочем, дальнейшая разработка этой модели должна учитывать ряд факторов, однако подобная работа уже не входит в планы данной статьи. Вместе с тем, еще раз отметим, что, по нашему мнению, подобный параллелизм в поведении разных суффиксов отнюдь не случаен.

Выводы

Итак, в данной статье мы кратко рассмотрели семантику и дистрибуцию суффикса *-əl-* в горномарийском языке в попытке решить вопрос, являются ли омонимичные суффиксы *семельфактива* и *итератива* одним и тем же суффиксом или разными. Мы выяснили, что суффикс плохо сочетается с глаголами-действиями и состояниями, и показали, что для описания семантики суффикса параметр *внутри- vs. внешне-событийности* несуществен, т. е. суффикс может обозначать как события, происходящие в одно и то же место и время, так и события, отстоящие друг от друга в пространстве и времени. Важным же для описания семантики суффикса является то, что он выделяет некоторое атомарное событие, обозначаемое глаголом, и производит с ним операцию умножения этого атома. Атомарное событие, согласно существующим формальным теориям глагольной множественности, определяется на множестве свершений, достижений и *семельфактивов*, что в целом соответствует ситуации в горномарийском языке.

Вместе с тем, данные родственных языков позволяют утверждать, что суффикс *-əl-* ведет себя в полном соответствии с типологическими предсказаниями, то есть развивает все значения, которые часто развивают показатели множественности — *хабитуалис*, *узитатив* и т. д. Рассмотренные родственные языки различаются набором значений суффикса, однако настоящим вызовом для теорий множественности является развитие итеративного значения из *семельфактивного*. Мы предложили для данного явления некоторые объяснения из области формальной семантики и аспектологии *семельфактивов*, и эти данные подкрепляются сведениями о поведении других суффиксов множественности в родственных языках. Таким образом, у нас есть основания полагать, что два суффикса связаны друг с другом диахронически и что явление переинтерпретации *семельфактива* в итератив является вполне вероятным сценарием развития событий.

Мы еще раз подчеркиваем, что представленные рассуждения носят гипотетический характер и могут быть подвергнуты вероятностной оценке — особенно в свете реально наблюдаемой полисемии не только суффикса *-əl-*, но и других суффиксов в близкородственных языках. Окончательное решение вопроса, безусловно, невозможно без данных сравнительно-исторического языкознания.

Условные обозначения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

ABL — аблатив

ACC — аккузатив

CAUS — каузатив

COM — комитатив

DA — датив/аккузатив

DAT — датив

DECL — утвердительное спряжение

DEM — указательное местоимение

DETR — детранзитив

DISC — дисконтинуатив

EL — элатив

EXT — наращение глагольной основы

FUT — будущее время

GEN — генитив

ILL — иллатив

IMP — императив

IN — инэссив

INDEF — неопределенное местоимение

INS — инструменталис

INSTR — инструменталис

ITER — итератив

KALA — суффикс *-kala-*

LOC — локатив

NFUT — небудущее время

NPST — непрошедшее время
OBL — косвенная основа
PL — множественное число
POS — послелог
POSS — посессив
PRES — настоящее время
PRET — претерит
PRF — перфект
PST — прошедшее время
Q — вопросительная частица
RDP — редупликация
RETR — ретроспективный сдвиг
SEM — семельфактив

Литература

Вострикова Н.В. Типология средств выражения экспериментивного значения. Дисс... канд. филол. наук. Москва, 2010.

Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II. Йошкар-Ола, 1966.

Дьячков В.В., Стрыгина М.О. Семантические и синтаксические свойства показателей глагольной множественности в горномарийском языке. (в печати)

Кузнецова А.И. и др. (ред.) Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург, 2010.

Лыткин В.И. и др. (ред.) Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар, 1962.

Лыткин В.И., Майтинская К.Е., Рёдей К. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. Москва, 1976.

Перевоицков П.Н. и др. Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Саваткова А.А. Горное наречие марийского языка. Savariae, Szombathely, 2002.

Сердобольская Н.В. Глагольная множественность и аспект в бесермянском диалекте удмуртского языка: множественность показателей множественности // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том VIII, часть II.* Санкт-Петербург, 2012.

Серебрянников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. Москва, 1960.

ТИК 1989 — *Храковский В.С.* (ред.) Типология итеративных конструкций. Ленинград, 1989.

Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // ТИК 1989.

Храковский В.С. Типология семельфактива // *Черткова М.Ю.* (ред.) Типология вида: проблемы, поиски, решения. Москва, 1998, 485–489.

Шлуинский А.Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс... канд. филол. наук. Москва, 2005.

Cusic D. Verbal Plurality and Aspect. Ph.D. Dissertation. Stanford, 1981.

Henderson R. Structuring pluralities and dependencies in NL. Qualifying Exam, University of California at Santa Cruz, June 2010.

Lasersohn P. Plurality, Conjunction, and Events. Dordrecht, 1995.

MacDonald J.E. The syntax of inner aspect. Ph.D. Dissertation, 2006, Stony Brook University.

Müller A., Sanchez-Mendes L. The meaning of pluractionality in Karitiana. Proceedings of SULA. 2007, 4, 1–17.

Rothstein S. Two puzzles for a theory of lexical aspect: semelfactives and degree achievements // *J. Dölling, T. Heyde-Zybatow, M. Schäfer* (eds.) Event Structures in Linguistic Form and Interpretation. 2008, 8, 175–198.

Tatevosov S. Pluractionality vs. discontinuity // Proceedings of the Sixteenth Amsterdam Colloquium. 2007, 217–222.

Ward K.S. A Micro-Typology of Pluractionality. Thesis, UCLA, 2012.

Wood E.J. The semantic typology of pluractionality. PhD Dissertation. University of California, Berkeley, 2007.

References

Cusic D. Verbal Plurality and Aspect. Ph.D. Dissertation. Stanford, 1981.

Dyachkov V.V., Strygina M.O. Semanticheskie i sintaksicheskie svoystva pokazatelei glagol'noi mnozhestvennosti v gornomariiskom yazyke. (in print) (In Russ.)

Galkin I.S. Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. Morfologiya Part II. Ioshkar-Ola, 1966. (In Russ.)

Henderson R. Structuring pluralities and dependencies in NL. Qualifying Exam, University of California at Santa Cruz, June 2010.

Khrakovskii V.S. Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii i ikh estestvennaya klassifikatsiya // TIK 1989. (In Russ.)

Khrakovskii V.S. Tipologiya semel'faktiva // *Chertkova M.Yu.* (red.). Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya. Moscow, 1998, 485–489. (In Russ.)

Kuznetsova A.I. et al. (eds.) Slovar' muzhevskogo govora izhemskego dialekta komi-zyryanskogo yazyka. Ekaterinburg, 2010. (In Russ.)

Laserson P. Plurality, Conjunction, and Events. Dordrecht, 1995.

Lytkin V.I. et al. (eds.) Komi-permyatskii yazyk. Vvedenie, fonetika, leksika i morfologiya. Kudymkar, 1962. (In Russ.)

Lytkin V.I., Maitinskaya K.E., Rédei K. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Mariiskii, permskie i ugorskie yazyki. Moscow, 1976. (In Russ.)

MacDonald J.E. The syntax of inner aspect. Ph.D. Dissertation. 2006, Stony Brook University.

Müller A., Sanchez-Mendes L. The meaning of pluractionality in Karitiana. Proceedings of SULA. 2007, 4, 1–17.

Perevoshchikov P.N. et al. Grammatika sovremennogo ud-murtskogo yazyka: fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962. (In Russ.)

Rothstein S. Two puzzles for a theory of lexical aspect: semelfactives and degree achievements // *J. Dölling, T. Heyde-Zybatow, M. Schäfer* (eds.) *Event Structures in Linguistic Form and Interpretation*. 2008, 8, 175–198.

Savatkova A.A. Gornoe narechie mariiskogo yazyka. Savariae, Szombathely, 2002. (In Russ.)

Serdobol'skaya N.V. Glagol'naya mnozhestvennost' i aspekt v besermyanskom dialekte udmurtskogo yazyka: mnozhestvennost' pokazatelei mnozhestvennosti // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii*. V. VIII, part II. Saint-Petersburg, 2012. (In Russ.)

Serebrennikov B.A. Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskikh yazykakh permskoi i volzhskoi grupp. Moscow, 1960. (In Russ.)

Shluinskii A.B. Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual'nye znacheniya. Ph.D. Dissertation. Moscow, 2005. (In Russ.)

Tatevosov S. Pluractionality vs. discontinuity // *Proceedings of the Sixteenth Amsterdam Colloquium*. 2007, 217–222.

ТИК 1989 — *Khrakovskii V.S.* (ed.) *Tipologiya iterativnykh konstruksii*. Leningrad, 1989. (In Russ.)

Vostrikova N.V. Tipologiya sredstv vyrazheniya eksperientivnogo znacheniya. Ph.D. Dissertation. Moscow, 2010. (In Russ.)

Ward K.S. *A Micro-Typology of Pluractionality*. Thesis, UCLA, 2012.

Wood E.J. *The semantic typology of pluractionality*. PhD Dissertation. University of California, Berkeley, 2007.

Дьячков Вадим Викторович,
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Dyachkov Vadim Viktorovich
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
hypocentaurus@mail.ru

**Семантические типы
каузативных глаголов хантыйского языка
(на материале казымского диалекта)**

***Semantic categories of causative verbs
in the Kazym dialect of the Khanty language***

Молданова И.М.

Moldanova I.M.

В статье рассматриваются семантические типы каузативных глаголов казымского диалекта хантыйского языка. Каузативные глаголы образуются от именных, наречных, глагольных основ и основ с затемненной семантикой. Выделены следующие семантические типы каузации: фактитивный, пермиссивный, фактитивно-дистантный, фактитивно-контактный, комитативный. Выявлен и уточнён инвентарь каузативных суффиксов хантыйских глаголов. Суффикс $=\text{ə}\lambda\text{t}\text{ə}=\text{}/=\text{ə}\lambda\text{t}=\text{}$ является наиболее продуктивным, суффикс $=\text{a}\lambda\text{t}=\text{}$ непродуктивный, образует одну модель.

Ключевые слова: хантыйский язык, каузативный глагол, каузативный суффикс, каузативная семантика

This paper examines the various semantic categories of causative verbs that occur in the Kazym dialect of Khanty. Causative verbs are formed from nominal, adverbial, and verbal stems, as well as from stems whose semantics is fully not clear. The following causative semantic categories have been found expressed: factitive, permissive, direct factitive (contact-causative), indirect factitive (distant-causative), comitative-causative. The paper determines the inventory of all causative suffixes found in Khanty verbs. The suffix $=\text{ə}\lambda\text{t}\text{ə}=\text{}/=\text{ə}\lambda\text{t}=\text{}$ is the most productive, while the suffix $=\text{a}\lambda\text{t}=\text{}$ is the least productive and is used to express only a single semantic relation.

Key words: Khanty language, causative verbs, suffixes, semantics

Каузативность относится к универсальным понятийным категориям и находит выражение в различных языках. Понудительный (побудительный) залог (каузатив) указывает, что действие наряду с реальным субъектом имеет и так называемый каузирующий субъект, то есть лицо, которое побуждает реального субъекта к выполнению действия [ЛЭС 1990: 160]. На материале казымского диалекта хантыйского языка нет специальных работ, посвящённых данной группе глаголов. В грамматиках по хантыйскому языку, а также в исследованиях, посвящённых глаголу, приводится лишь перечень суффиксов, которые вносят залоговую модификацию в значение глагольной основы. Например, в учебнике для педучилищ отмечается, что переходные глаголы образуются от непереходных глаголов с помощью суффиксов *-ma-*, *-al-* [ХЯ 1988: 121]. В монографии А.Д. Каксина перечислены суффиксы со значением переходности, каузативности *-t*, *-ət (-at)*, *-tə (-tā)*, *-əlt (-ält)*, *-ltə (-ltā)*, *-əpta (-upta)* [Каксин 2007: 45]. В.Н. Соловар приводит ряд глагольных суффиксов, увеличивающих количество валентностей: *=mäl*, *=ltə*, *=ša*, *=łšə*, *=əł*, *=ŋəł*, *=ält*, и отмечает, что «общий состав суффиксов хантыйского языка, их семантика, функции и сочетаемость ещё слабо изучены» [Соловар 2009: 25]. На материале васюганского диалекта наиболее распространёнными суффиксами залоговой семантики, придающими действию каузативный характер, являются *-lm-* и *-vm-*. Оба суффикса служат для преобразования непереходных глаголов в переходные [Осипова, Шаламова 2001: 34–46]. В диссертации [Вальгамова 2002: 109] на материале шурышкарского диалекта выявлено две модели *Tv=əlt=/*əltə*=*, *Tv=pt=/*əptə*=* с каузативным значением. В статье [Кошкарёва 2014: 37–39] на материале сургутского диалекта группа каузативных глаголов представлена 11 словообразовательными моделями *=əltə=*, *=ltə=*, *=tə=*, *=əptə=*, *=altə=*, *=təptə=*, *=kəptə=*, *=məltə=*, *=təptə=*, *=əł=*, *=əylə=*. Таким образом, формы каузатива и их значения на материале казымского диалекта требуют описания для установления

специфики подсистемы казымских каузативных глаголов на фоне других хантыйских диалектов.

В данной работе на материале казымского диалекта хантыйского языка выявляется и уточняется инвентарь каузативных суффиксов, а также рассматриваются типы каузативных значений.

Различаются следующие типы общей каузации: фактитивная ~ пермиссивная; дистантная ~ контактная; а также более конкретные значения: 1) собственно каузативное значение; 2) комитативно-каузативное значение; 3) антирефлексивно-каузативное; 4) инструментативно-каузативное значение; 5) приложительно-каузативное значение; 6) адресивное значение; 7) приложительное (антиабсолютное) [Холодович 1969: 28–37].

На материале казымского диалекта хантыйского языка нашли выражение следующие разновидности каузации: фактитивная, пермиссивная, фактитивно-дистантная и фактитивно-контактная, комитативная. При фактитивной каузации каузирующий субъект делает так («заставляет»), чтобы каузируемый субъект выполнил действие, например: *Я велел ему прийти*. При пермиссивной каузации каузирующий субъект либо (а) делает так, либо (б) не делает так («позволяет»), чтобы каулируемый субъект не «выполнил» действие, например: *с̄о̄η̄χ̄i=t=t̄i* ‘дать обгореть, подгореть, подпалить’. Пермиссивная каузация всегда дистантна. При фактитивно-дистантной каузации связь между каузирующим субъектом и каулируемым состоянием опосредствованная. Данные признаки отсутствуют при контактной каузации. Фактитивная контактная каузация может осуществляться как при одушевленном, так и при неодушевленном объекте. Каузативные суффиксы выражают и более частное значение, например: комитативное проявляется в дериватах от глаголов со значением движения или совместного действия (*nawr=ə̄l̄tə=t̄i* ‘привезти, доставить’ от *nawər=t̄i* ‘прыгать’).

На материале казымского диалекта хантыйского языка мы выделяем восемь суффиксов с каузативным значением: $=\text{əltə}/=\text{əlt}=\text{,}=\text{ptə}/=\text{əptə}=\text{,}=\text{ŋəlt}=\text{,}=\text{t}/=\text{ət}/=\text{tə}=\text{,}=\text{at}=\text{,}=\text{əłšə}=\text{,}=\text{ałə}=\text{,}=\text{əlt}=\text{.}$ Как отмечает К.Е. Майтинская на материале венгерского языка, «для большинства суффиксов, выражающих переходность глаголов, характерным является наличие в них согласного -t» [Майтинская 1959: 97]. Данный формант представлен и в суффиксах хантыйского языка казымского диалекта.

В хантыйско-русском словаре [Соловар 2014] представлено 114 глаголов с каузативным значением. Каузативные глаголы образуются от именных, наречных, глагольных основ и основ с затемнённой семантикой. В результате исследования нами выявлены продуктивные и непродуктивные словообразовательные модели. В данной статье мы опираемся на понятие словообразовательной модели, данное М.Д. Степановой: «Словообразовательная модель — это стабильная структура, обладающая обобщенным лексико-категориальным значением и способная наполняться разным лексическим материалом» [Степанова 1975: 55–63]. Мы рассмотрим семантические типы каузативных глаголов, опираясь на классификацию приведённую в монографии [Холодович 1969: 28–37]. Производящая основа глаголов имеет семантику некаузирванного действия.

При присоединении каузативных аффиксов $=\text{t}/=\text{ət}/=\text{tə}=\text{,}=\text{at}=\text{,}=\text{əlt}/=\text{əltə}=\text{,}=\text{ŋəlt}=\text{}$ к именам прилагательным передаются следующие семантические значения: фактитивно-дистантная и фактитивно-контактная каузация, комитативность. Производящие основы данных моделей называют разнородные качества, состояния предметов.

1) словообразовательная модель: основа имени прилагательного + суффикс $=\text{t}/=\text{ət}/=\text{tə}=\text{}$ со значением фактитивно-контактной каузации:

łłəŋ ‘живой’ \rightarrow $\text{łłŋ}=\text{ət}=\text{tī}$ ‘оживить’: *Śi pirəs iki pa mōj wūrən nōχ łłŋ=ət=tī?* ‘Этого старика как оживить (заставить ожить)?’;

măkarɛŋ ‘горбатый, сутулый’ → *măkkər=t=tī* ‘нагибать, согнуть’: *Ma jūχ il măkər=t=s=əm* ‘Я дерево вниз согнул’;

2) словообразовательная модель: основа имени прилагательного + суффикс =*at*= со значением фактитивно-контактной каузации:

jīlɔp ‘новый’ → *jīlp=at=tī* ‘оживить’: *Ma nəŋtī jīlp=at=λ=em* ‘Я тебя оживлю’;

mōltas ‘остаток, лишний’ → *mōls=at=tī* ‘сделать лишним’: *Ewem tām jernasəl mōls=at=s=əle* ‘Дочь отказалась от платья (букв.: сделала лишним)’;

jām ‘хороший, хорошо’ → *jām=at=tī* ‘поправить’;

3) словообразовательная модель: основа имени прилагательного + суффикс =*at*= со значением комитативности:

χārśi ‘проворный’ → *χārś=at=tī* ‘гнать быстрее’: *Lūw χoptīlal jellī χārś=at=λ=əle* ‘Он оленье (быков) дальше гонит быстрее’;

4) словообразовательная модель: основа имени прилагательного + суффикс =*əlt*=/*əltə*= со значением фактитивно-контактной каузации:

ňāš ‘тупой’ → *ňāš=m=əlt=tī* ‘сделать тупым (о металлическом предмете), затупить’: *Kešem ewenən ŋāš=m=əlt=s=a* ‘Нож дочь затупила (сделала тупым)’;

rās ‘редко расположенные ягоды на кустах; редкий’ → *rās=m=əlt=tī* ‘оставить на кустах редкие ягоды’: *Wōńsətmōtlam χōjatən rās=m=əlt=əm=ət* ‘Ягоды на кустах стали редкими (букв.: ягоды=наши кем-то сделаны редкими)’;

līləŋ ‘живой’ → *līləŋ=λə=tī* ‘ожить’ → *līlŋ=əltə=tī* ‘оживить’: — *Katra wɔlmanən tām, tām aj iken ewəlt ŋōχi-sōχ mōrta lawəntsəw, — lōpəl, — nōχ līlŋ=əltə=λ=ew, kim pōška ewəlt esəlləle* ‘В старину от этого мальчика мясо-шкуру много ели, — говорит, — оживим=его, наружу из бочки выпускает’;

5) словообразовательная модель: основа имени прилагательного + суффикс =*əlt*=/*əltə*= со значением фактитивно-дистантной каузации:

ser ‘глухой, дремучий (о лесе)’ → *ser=m=əlt=tī* ‘заставить испытать большое горе’: *Ma sāmem ser=m=əlt=s=en* ‘Ты заставила меня испытать большое горе (букв.: сердце=мое заставила испытать большое горе)’;

б) словообразовательная модель: основа имени прилагательного + суффикс =*ηəlt*= со значением фактитивно-контактной каузации. Каузативный суффикс =*ηəlt*= выделяют на материале обдорского диалекта [Николаева 1995], казымского диалекта [Соловар 2009; Каксин 2010]. И.А. Николаева относит его к редким и непродуктивным суффиксам [Николаева 1995: 68]:

rāni ‘плохой, небрежный’ → *rān=ηəlt=tī* ‘ссыпать, рассыпать, ронять’: *Aj wōχlam χōltī pēla rān=ηəlt=s=əlam* ‘Мелочь куда-то рассыпала’.

С помощью наречий образованы две словообразовательные модели с суффиксом =*ptə*=/=*əptə*=, =*at*=. Производящие основы выражают абстрактное значение:

1) словообразовательная модель: основа наречия + суффикс =*ptə*=/=*əptə*= со значением фактитивно-дистантной каузации:

pitās ‘надоело, скучно’ → *pit’l’=əptə=tī* ‘надоедать, вести разговор в тупик’. От глагола *pit’l’əptətī* образовано существительное *pit’ləpsī* ‘докучная сказка’;

2) словообразовательная модель: основа наречия + суффикс =*at*= со значением фактитивно-дистантной каузации:

māšja ‘молчаливо, молча’ → *māš=at=tī* ‘поставить в затруднительное положение, доконать, оспорить’: *Ma nāηəttī māš=at=λ=em* ‘Я тебя поставлю в затруднительное положение’.

Следующая группа представлена каузативными глаголами, образованными от имён существительных с помощью суффиксов =*at*=, =*əlt*=/=*əltə*=, =*t*=/=*ət*=/=*tə*=, =*ηəlt*=, =*əλšə*=, =*aλə*=. Данная группа реализует фактитивно-контактную и фактитивно-дистантную каузацию. Производящая основа обозначает конкретные или абстрактные имена существительные.

1) Словообразовательная модель: основа имени существительного + суффикс =at= со значением фактитивно-контактной каузации:

šqk ‘горе, мучение’ → *šqk=at=tī* ‘обижать, мучать’: *Ajen mōj šqk=at=λ=en* ‘Зачем ты братишку обижаешь’;

wūr ‘кровь’ → *wūr=at=tī* ‘добить, уничтожить’: *Nāḡat tata šī wūr=at=λ=em* ‘Я тебя здесь добыю’;

šūk ‘крошка, кусочек’ → *šūk=at=tī* ‘ломать, сломать, разрушить, повреждать, разбить’: *Jūntōtəl šūk=at=s=əle* ‘Игрушку сломал’;

pār ‘пепел (какие-либо мелкие частицы)’ → *pār=at=tī* ‘уничтожить, убить’: например: *Pqnem šī pār=at=s=əle* ‘Морду (ловушка для рыбы) сломал (букв.: уничтожил)’;

2) словообразовательная модель: основа имени существительного + суффикс =əlt=/*əltə*= со значением фактитивно-контактной каузации:

mqš ‘болезнь’ → *mqš=it=tī* ‘болеть’ → *mqš=m=əlt=tī* ‘ранить, испортить, сделать больным’: *Kūrəλ mqš=m=əlt=sa* ‘В ногу его ранили’;

kāšas ‘чехол’ → *kāš=m=əlt=tī* ‘продымить (пропитать дымом)’: *Ma nīrḡalam kāš=m=əlt=λ=əm* ‘Я кожаные тапочки=свои пропитываю дымом’;

3) словообразовательная модель: основа имени существительного + суффикс =əlt=/*əltə*= со значением фактитивно-дистантной каузации:

līk ‘злость, гнев’ → *līk=m=əlt=tī* ‘сердить, рассердить, злить, разозлить’: *Lūwattī al līk=m=əlt=e* ‘Его не зли’;

līḡam ‘хлам’ → *līḡ=m=əlt=tī* ‘привадить, приучить’: *Sašajen nemḡōjat tīw ān līḡ=m=əltə=s* ‘Саша никого сюда не привадил’;

4) словообразовательная модель: основа имени существительного + суффикс =t=/*ət*=/tə= со значением фактитивно-контактной каузации:

l’āḡi ‘щекотка’ → *l’āḡi=t=tī* ‘щекотать’: *Jetən nāwremen al l’āḡi=t=e* ‘Вечером ребёнка не щекоти’;

5) словообразовательная модель: основа имени существительного + суффикс $=t/=at/=tə=$ со значением фактитивно-дистантной каузации:

$\lambda'ipi$ 'состояние напряжённости (нутро)' $\rightarrow \lambda'ipi=t=t\ddot{i}$ 'потребовать, настаивать, приставать': *Iməltiĵən jajlələn ši* $\lambda'ipi=t=s=a$ 'Однажды братья пристали к нему';

6) словообразовательная модель: основа имени существительного + суффикс $=\etaəlt=$ со значением фактитивно-дистантной каузации:

miĵəp 'пучок, связка' $\rightarrow miĵ=\etaəlt=t\ddot{i}$ 'манить';

7) словообразовательная модель: основа имени существительного + суффикс $=ə\lambda\check{s}ə=$ со значением фактитивно-контактной каузации:

mənə 'изгиб' $\rightarrow mən=\lambdaə=t\ddot{i}$ 'гнутья (о растении)' $\rightarrow mən=ə\lambda\check{s}ə=t\ddot{i}$ 'заставить гнутья': *Ŋar naŋk, ħar ħə\lambda t\ddot{i}\lambda\lambda ewə\lambda t kat\lambda sə\lambda\lambda e i\lambda\ddot{i} mən=ə\lambda\check{s}ə=s=\lambda e* 'За верхушки голой лиственницы, голой ели схватился, согнул вниз (заставил согнуться)';

8) словообразовательная модель: основа имени существительного + суффикс $=a\lambdaə=$ со значением фактитивно-контактной каузации:

χr 'бык' $\rightarrow \chi rj=a\lambdaə=t\ddot{i}$ 'грабить, отбирать'. В данной модели наблюдается вставка согласного *j*, данный элемент служит для соединения корневой морфемы с суффиксом и в какой-то степени придаёт значение интенсивности действия.

При присоединении каузативных суффиксов $=ə\lambda t/=ə\lambda tə=$, $=əptə/=ptə=$, $=\etaəlt=$, $=a\lambdaə=$ к основам глаголов с акциональной семантикой реализуются следующие каузативные значения: фактитивно-дистантная каузация, фактитивно-контактная каузация, комитативность.

1) Словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=ə\lambda t/=ə\lambda tə=$ \rightarrow глагол со значением фактитивно-дистантной каузации:

wer=t\ddot{i} '(с)делать' $\rightarrow wer=ə\lambda t=t\ddot{i}$ 'поручить сделать', например: *Wəntpə\lambda imi kəznesə mənəs, pəška wer=ə\lambda t=əs* 'Свекровь пошла к кузнецу, поручила сделать бочку';

jańsi ‘пить’ → *jańs=əltə=tī* ‘(на)поить’: *Jəx wūnəjən jańs=əltə=s=le* ‘Гостей вином напоил’;

2) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=əlt=$ / $=əltə=$ → глагол со значением фактитивно-контактной каузации:

pewəl=tī ‘купаться’ → *pewəl=əlt=tī* ‘купать, выкупать’: *Səpən pəxijel rewəl=əlt=tī pitəl* ‘В берестяной куженьке сыночка будет купать’;

sawl=i=tī ‘греметь, звенеть’ → *sawl=əlt=tī* ‘идти (букв.: идти звякая, брякая)’: *Təm wəš ələŋa sawl=əlt=λ=əle* ‘В другой конец деревни идёт (букв.: идёт со звяканьем, бряканьем)’;

3) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=əptə=$ / $=ptə=$ → глагол со значением фактитивно-контактной каузации:

katλ=tī ‘держать’ → *katλ=əptə=tī* ‘дать держать’, например: *A lūw ewel ji jəšəl həxijən katλ=əptə=λ=le, ji jəšəl pətəm wəjən katləptəλλe* ‘А она дочери в одну руку даёт мясо, в другую руку застывшее сало’;

mānšə=tī ‘рвать’ → *mānšə=ptə=tī* ‘дать вырвать, содрать’: *Pəl'nitsaja jəŋxətm pənket mānš=əptə=tī* ‘В больницу сходила зуб вырвать’;

tānəl=tī ‘мять шкуру животного’ → *tānəl=əptə=tī* ‘дать кому-либо мять шкурку’, например: *Wəxsar səxem tānəl=əptə=tī māsəm* ‘Лисью шкурку заказала мять’;

məjlə=tī ‘дарить’ → *məjlə=ptə=tī* ‘ударить’: *Məšəkən ši məjlə=ptə=λ=em* ‘Кулаком сейчас ударю’;

4) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=ŋəlt=$ → глагол со значением фиктитивно-контактной каузации:

ləsət=tī ‘открыть, разобрать’ → *ləs=ŋəlt=tī* ‘распечатать (издавая звуки)’: *Təpəm əsel sərhī əwpi lapət xət əw ši ləs=ŋəlt=s=əle, pūnšəle* ‘Небесный отец с золотыми дверями семи домов двери распечатал, открыл=их’;

$л'ăс=ĩ=tĩ$ ‘лязгать, звякать’ → $л'ăс=ηəлт=tĩ$ ‘заставлять лязгать’: *In əwλən śi χəλλəле tōmanən л'ăс=ηəлт=tĩ śi pitsəηən* ‘Эти двери, слышит, замками лязгать стали’;

$лōт=ĩ=tĩ$ ‘шелестеть, стучать’ → $лōт=ηəлт=tĩ$ ‘щелкать, производить глухие звуки при ударах металла или дерева’: *Mōlteλ lūw lōт=ηəлт=əλ* ‘Чем-то он гремит (букв.: что-то он заставляет греметь)’;

5) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс = $ηəлт=$ → глагол со значением комитативности:

$χōr=tĩ$ ‘снимать, сдирать’ → $χōr=ηəлт=tĩ$ ‘вести очень быстро’: *Lūwət jūχi χōr=ηəлт=s=əле* ‘Привёл его домой’;

6) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс = $əлə=$ → глагол со значением фактитивно-контактной каузации:

$ńār=tĩ$ ‘тянуть, выдёргивать’ → $ńārj=əлə=tĩ$ ‘отобрать, грабить’: *Pōrməsλλλ ńārj=əлə=s=ij=ət* ‘Вещи=его отобрали’.

При присоединении каузативных суффиксов = $əлт=$ / $=əлтə=$, = $t=$ / $=tə=$ / $=ət=$, = $əлšə=$, = $ptə=$ / $=əptə=$, = $ηəлт=$ к основам стальной семантики реализуются следующие каузативные значения: фактитивно-дистантная каузация, фактитивно-контактная каузация, пермиссивность, комитативность.

1) Словообразовательная модель: основа глагола + суффикс = $əлт=$ / $=əлтə=$ → глагол со значением фактитивно-дистантной каузации:

$want=tĩ$ ‘смотреть’ → $wan=əлтə=tĩ$ ‘показывать, демонстрировать’, например: *Tām śāχa, in lūw mōltĩ šqr wqs, əл χqn nōχ χəwemiləs, χōrasəλ śi wan=əлт=əs=ле mineməna* ‘Это какое-то существо было, не просто так всплывало, образ-свой показало нам’;

$əл'=əт=tĩ$ ‘заглядеться, уставиться’ → $əл'=m=əлт=tĩ$ ‘сделать так, чтобы загляделись, пристально смотрели’, например: *Mir əл'm=əлт=tĩ* ‘Заставить народ заглядеться, пристально смотреть’;

$χəл'=тə=tĩ$ ‘услышать, прислушаться’ → $χəл'=т=əлт=tĩ$ ‘дать услышать’;

$\acute{s}\acute{o}r=\acute{i}=t\acute{i}$ 'галдеть (о детях)' → $\acute{s}\acute{o}r=\acute{\alpha}lt=t\acute{i}$ 'спугнуть (испугав, согнать с места, заставить уйти, убежать, улететь)': *Nar xoptel* $\acute{s}\acute{o}r=\acute{\alpha}lt=\acute{\alpha}s$ 'Белого быка (оленья) испугнул';

$\lambda\acute{o}j=t\acute{i}$ 'щебетать' → $\lambda\acute{o}j=\acute{\alpha}lt=t\acute{i}$ 'заставлять щебетать';

$ja\eta=i=t\acute{i}$ 'обгореть' → $ja\eta=\acute{\alpha}lt=t\acute{i}$ 'ругать очень сильно (букв.: дать обгореть)': *Jajəman jəməs si jaη=\acute{\alpha}lt=s=aj=əm* 'Брат очень сильно меня отругал (букв.: дал обгореть)';

$p\acute{a}k=t\acute{i}$ 'терпеть' → $p\acute{a}k=\acute{\alpha}lt=t\acute{i}$ 'терпеть (заставлять себя терпеть)', например: *Apši: — Pálləm, pálləm, wera pálləm! — Pāk=\acute{\alpha}lt=ił=a, pāk=\acute{\alpha}lt=ił=a* 'Младший братишка: — Боюсь, боюсь, сильно боюсь! — Терпи, терпи'. Глагол $p\acute{a}k=t\acute{i}$ 'терпеть' присоединяет два суффикса: каузативный $=\acute{\alpha}lt=$ и многократный $=i\acute{j}\acute{\alpha}l=$. Во втором лице единственного числа повелительного наклонения суффикс $=i\acute{j}\acute{\alpha}l=$ подвергается стяжению.

$je\lambda m=t\acute{i}$ 'застыдиться, стыдиться' → $je\lambda m=\acute{\alpha}lt=t\acute{i}$ 'стыдить': *lojηemən je\lambda m=\acute{\alpha}lt=s=aj=əm* 'Подруга меня стыдила';

$pa\kappa n=t\acute{i}$ 'испугаться' → $pa\kappa n=\acute{\alpha}lt=t\acute{i}$ 'испугать, заставить испугаться (вызвать испуг)': *Pūpi-pōxije pa\kappa n=\acute{\alpha}lt=s=\acute{\alpha}le* 'Медвежонка испугал';

$p\acute{o}t=i\acute{i}$ 'зябнуть, мёрзнуть' → $p\acute{o}t=\acute{\alpha}lt\acute{\alpha}=t\acute{i}$ 'остудить', *Ma pūtem p\acute{o}t=\acute{\alpha}lt\acute{\alpha}=\lambda=em* 'Я котёл остужаю (букв.: делаю так, чтобы остыл)';

$jiš=əm=t\acute{i}$ 'оттаять чуть-чуть' → $jišm=\acute{\alpha}lt=t\acute{i}$ 'довести до таяния': *Nōxem jəma jiš=m=\acute{\alpha}lt=\lambda=em* 'Мясо доведу до таяния';

$r\acute{a}x\eta n=t\acute{i}$ 'поперхнуться' → $r\acute{a}x\eta=\acute{\alpha}lt=t\acute{i}$ 'сделать так, чтоб задохнулись': *Aiw pqsəηən si r\acute{a}x\eta=\acute{\alpha}lt=s=aj=ət* 'Они задохнулись от дыма';

$x\acute{o}x\acute{\alpha}t=t\acute{i}$ 'раскалываться, растрескиваться (от нагревания)' → $x\acute{o}x\acute{\alpha}t=\acute{\alpha}lt=t\acute{i}$ 'высушить (на солнце, у огня)': *Ma tūηk, sār, x\acute{o}x\acute{\alpha}t=\acute{\alpha}lt=\lambda=əm* 'Я сушу мох (табак)';

$s\acute{o}r=t\acute{i}$ 'сохнуть, сушиться' → $s\acute{o}r=\acute{\alpha}lt=t\acute{i}$ 'сушить': *Jiηki s\acute{o}x\lambda am s\acute{o}r=\acute{\alpha}lt=\lambda=əm* 'Мокрое белье высушу';

2) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=t/=t\acute{\alpha}=/\acute{\alpha}t=$ → глагол со значением фактитивно-дистантной каузации:

$\chi i\check{s}=t\check{i}$ ‘приказать’ → $\chi i\check{s}=t\check{\alpha}=t\check{i}$ ‘прикрикнуть’, *Ankelan siw*
 $\chi i\check{s}=t\check{\alpha}=\lambda=i$ ‘Мама его заставляет замолчать’;

$pa\check{m}\check{\alpha}t=t\check{i}$ ‘дать наказ’ → $pa\check{m}\check{\alpha}t=t\check{\alpha}=t\check{i}$ ‘наставлять’: *Ma ki*, — *l\check{o}p\check{\alpha}\lambda*, — *n\check{a}j itana* $\chi\check{o}na$ $w\check{o}s\check{\alpha}m$, *ma* $\lambda\check{o}\lambda\check{\alpha}n$ *pit’\lambda\check{o}psai* *ar*
ja\check{s}\check{\alpha}j *pa* $\lambda\check{o}\lambda\check{\alpha}n$ *je\check{s}\check{\alpha}* $pa\check{m}\check{\alpha}t=t\check{\alpha}=s=\check{\epsilon}m$ ‘Я, — говорит, — если бы был царём как ты, я бы много придирчивых слов тоже понавставлял’;

$r\check{o}n=t\check{i}$ ‘задерживаться, находиться в ожидании’ → $r\check{o}n=\check{\alpha}t=t\check{i}$
‘задерживать’: *Liiw k\check{i}\check{s}* $r\check{i}n=\check{\alpha}t=s=\check{\alpha}\lambda\epsilon$, *j\check{o}\chi i* $t\check{o}s\lambda\epsilon$, *\check{s}i\check{i}\check{i}* *\check{s}i* *m\check{\alpha}n\check{\alpha}s*
‘Она хоть и задерживала, отговаривала, он так и ушёл’;

$n\check{i}\check{\alpha}\chi=t\check{i}$ ‘смеяться’ → $n\check{i}\check{\alpha}\chi=\check{\alpha}\lambda t=t\check{i}$ ‘смешить’: *\check{A}\lambda* $n\check{i}\check{\alpha}\chi=\check{\alpha}\lambda t=e$
‘Не смеши’;

3) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс
 $=\check{\alpha}\lambda t/= \check{\alpha}\lambda t\check{\alpha}=$ со значением фактитивно-контактной каузации:

$w\check{o}j=\check{\alpha}m=t\check{i}$ ‘уснуть’ → $w\check{o}j=\check{\alpha}\lambda t\check{\alpha}=t\check{i}$ ‘усыплять’: *Nawremem*
\check{o}nt\check{\alpha}pa $\chi\check{o}\check{s}\check{s}em$, *i\lambda* $w\check{o}j=\check{\alpha}\lambda t\check{\alpha}=t\check{i}$ *p\check{\alpha}ta* ‘Ребёнка в люльку уложила,
чтобы усыпить’;

4) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс
 $=t/=t\check{\alpha}=/\check{\alpha}t=$ → глагол со значением пермиссивности:

$\check{s}\check{o}j\chi i=t\check{i}$ ‘подгореть, обгореть’ → $\check{s}\check{o}j\chi i=t\check{\alpha}=t\check{i}$ ‘дать обгореть,
подгореть, подпалить’: $\chi\check{o}\lambda\epsilon m$ $\check{s}\check{o}j\chi i=t\check{\alpha}=s=\check{\epsilon}m$ ‘Рыба подгорела’;

5) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс
 $=pt\check{\alpha}=\check{\alpha}pt\check{\alpha}=$ → глагол со значением пермиссивности: $\check{s}\check{\alpha}\chi\lambda\check{\alpha}=t\check{i}$
‘наполниться дымом’ → $\check{s}\check{\alpha}\chi\lambda\check{\alpha}=pt\check{\alpha}=t\check{i}$ ‘наполнить дымом’,
\chi\check{o}t\check{\alpha}\lambda *\check{s}i* *m\check{o}rta* $p\check{o}s\check{\epsilon}j\check{\alpha}$ $\check{s}\check{\alpha}\chi\lambda\check{\alpha}=pt\check{\alpha}=s=\lambda\epsilon$, *nem\check{\alpha}\lambda t* *\check{a}nt* *pa* *k\check{\alpha}\lambda* ‘Дом
до такой степени наполнил дымом (дать наполниться), ничего не видно’;

6) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс
 $=\eta\check{\alpha}\lambda t=$ → глагол со значением пермиссивности:

$\check{s}\check{\alpha}r=i\check{\alpha}=t\check{i}$ ‘обгореть’ → $\check{s}\check{\alpha}r=\eta\check{\alpha}\lambda t=t\check{i}$ ‘дать обгореть’: *\check{s}i\check{i}\check{i}* *k\check{o}ren*
\check{\alpha}\lambda sen, *wej* *p\check{\alpha}t\check{i}\lambda an* *isa* $\check{s}\check{\alpha}r=\eta\check{\alpha}\lambda t=s=\check{\alpha}\lambda an$ ‘Так печку натопил,
подожвы кисов совсем обгорели (букв.: дал обгореть)’;

7) словообразовательная модель: основа глагола + суф-
фикс $=\check{\alpha}\lambda\check{s}\check{\alpha}=\check{\alpha}$ → глагол со значением фактитивно-дистантной
каузации:

$\chi i\check{s}=t\check{i}$ ‘приказывать’ → $\chi i t=\acute{\alpha} l \check{s} \acute{\alpha}=t\check{i}$ ‘прикрикнуть, чтоб остановить чье-либо действие’: *Aηκελαν σί χιτ=αλσά=λ=ι* ‘Мать прикрикнула на него’. У глаголов $\chi i\check{s}=t\acute{\alpha}=t\check{i}$, $\chi i t=\acute{\alpha} l \check{s} \acute{\alpha}=t\check{i}$ есть небольшие различия в семантике: в лексеме $\chi i\check{s}=t\acute{\alpha}=t\check{i}$ преобладает более выраженная степень понудительности. В корневой морфеме глагола $\chi i t=\acute{\alpha} l \check{s} \acute{\alpha}=t\check{i}$ происходит чередование конечной согласной \check{s}/t , так как в суффиксе присутствует элемент \check{s} .

8) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=pt\acute{\alpha}=/\acute{\alpha}pt\acute{\alpha}=\rightarrow$ глагол со значением фактитивно-дистантной каузации:

$pak\acute{\alpha}n=t\check{i}$ ‘испугаться’ → $pakn=\acute{\alpha}pt\acute{\alpha}=t\check{i}$ ‘напугать (внушить испуг или страх)’: *Katra, wante, pakn=\acute{\alpha}pt\acute{\alpha}=t\check{i} \acute{o}t ar w\acute{o}s, \acute{s}it ew\acute{\alpha}lt law\lambda\acute{\alpha}s\check{i}j\acute{\alpha}lt\check{i} p\acute{\alpha}ta \acute{s}i aj \acute{o}t\acute{\alpha}t w\acute{o}n\lambda t\acute{\alpha}l\check{i}j\acute{\alpha}t* ‘Раньше, видишь ли, существ, которые пугали, было много, поэтому учили детей остерегаться этого’. Глаголы $pakn=\acute{\alpha}l t=t\check{i}$ ‘испугать’ и $pakn=\acute{\alpha}pt\acute{\alpha}=t\check{i}$ ‘напугать’ имеют различные семантические оттенки. Глагол $pakn=\acute{\alpha}l t=t\check{i}$ имеет значение ‘неожиданно, резко испугать (вызвать испуг)’. Лексема $pakn=\acute{\alpha}pt\acute{\alpha}=t\check{i}$ выражает значение ‘напугать (внушить испуг или страх)’;

$am\acute{\alpha}t=t\check{i}$ ‘радоваться’ → $am t=\acute{\alpha}pt\acute{\alpha}=t\check{i}$ ‘обрадовать’: *Jernasen l\check{i}w\acute{e}l am t=\acute{\alpha}pt\acute{\alpha}=sen?* Платье=свое ей подарила? (букв.: обрадовала);

$\chi\acute{o}l\lambda\acute{\alpha}=t\check{i}$ ‘плакать’ → $\chi\acute{o}l\lambda\acute{\alpha}=pt\acute{\alpha}=t\check{i}$ ‘оплакивать, заставлять плакать’, например: *Ap\acute{s}en m\acute{o}ja \chi\acute{o}l\lambda\acute{\alpha}=pt\acute{\alpha}=\lambda en* ‘Зачем доводишь братишку до плача’;

$\chi\acute{o}r\acute{\alpha}t=t\check{i}$ ‘лаять’ → $\chi\acute{o}r t=\acute{\alpha}pt\acute{\alpha}=t\check{i}$ ‘заставлять лаять’, *Ampen n\acute{\alpha}j \acute{\alpha}l \chi\acute{o}r t=\acute{\alpha}p t=e* ‘Собаку не заставляй лаять’;

$g\check{u}t\acute{\prime}s\acute{\alpha}=t\check{i}$ ‘отдыхать’ → $r\check{u}t\acute{\prime}s\acute{\alpha}=pt\acute{\alpha}=t\check{i}$ ‘дать возможность отдохнуть’;

$\chi\acute{\alpha}s=t\check{i}$ ‘остаться’ → $\chi\acute{\alpha}s=\acute{\alpha}pt\acute{\alpha}=t\check{i}$ ‘оставить’: *T\acute{\alpha}m w\check{i}l\acute{e}w pa \acute{o}l w\acute{o}nta \chi\acute{\alpha}s=\acute{\alpha}p t\acute{\alpha}=\lambda=ew* ‘Этого оленя до следующего года оставим’;

$t\acute{\alpha}r=\acute{\alpha}m=t\check{i}$ ‘хватать, быть достаточным’ → $t\acute{\alpha}r=\acute{\alpha}p t\acute{\alpha}=t\check{i}$ ‘выронить; потерять’: *N\acute{\alpha}j n\acute{o}m\acute{\alpha}s\lambda en, n\acute{\alpha}j ap\acute{s}en t\acute{\alpha}r=\acute{\alpha}p t\acute{\alpha}=s=en, ap\acute{s}en l\acute{i}l\acute{\alpha}na \acute{s}i w\acute{o}l* ‘Ты думаешь, братишку потерял, он живой’;

9) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс =*əpt*=/ =*əptə*= со значением фактитивно-контактной каузации:

məstə=tī ‘годиться, быть пригодным’ → *məstə=ptə=tī* ‘пристроить’: *Šiw məstə=ptə=sī, lūw wəltī tāxel* ‘Туда пристроили, его место для житья’;

10) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс =*ηəlt*= со значением фактитивно-дистантной каузации:

χəš=i=tī ‘ныть’ → *χəš=ηəlt=tī* ‘сделать так, чтобы сердце ныло’: *Ma sātem kūš χəš=ηəlt=s=en, nāη sāmen isitī χəšηəlləm* ‘Ты сделала так, чтобы сердце моё ныло, я тоже сделаю так, чтобы твоё сердце ныло’;

lōp=i=tī ‘иметь намерение что-либо делать’ → *lōp=ηəlt=tī* ‘подзуживать (подстрекать ребячески, подзадоривать)’: *Eweηəlan lōp=ηəlt=λ=a* ‘Девочки её подзуживают’;

11) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс =*ηəlt*= со значением фактитивно-контактной каузации:

pūt=i=tī ‘издавать глухой звук (о сердце)’ → *pūt=ηəlt=iǰə=tī* ‘издавать глухие звуки предметами’: *Χōjat šī pūt=ηəlt=iǰə=λ* ‘Кто-то издаёт глухие звуки’;

pūs=i=tī ‘пыхтеть’ → *pūs=ηəlt=tī* ‘дымить (заставлять дымить)’: *Lūw pa χəmsa pūs=ηəlt=man šī əməsəl* ‘Он сидит и дымит сигаретой’;

sāl=i=tī ‘звенеть’ → *sāl=ηəlt=tī* ‘заставлять бренчать, звякать’: *Məs, al sāl=ηəlt=e šī ōten* ‘Хватит, не бренчи этим своим предметом’;

t’āl=i=tī ‘звенеть’ → *t’āl=ηəlt=tī* ‘заставлять звенеть, звонить’: *Mōjen t’āl=ηəlt=λ=ən* ‘Чем звенишь?’;

wōj=əm=tī ‘уснуть’ → *wōj=ηəlt=tī* ‘усыплять’: *Nawreməl wōj=ηəlt=man arijəl* ‘ребёнка усыпляя поёт’. От глагола *wōj=əm=tī* образуются два каузативных глагола: *wōj=əltə=tī*, *wōj=ηəlt=tī*. Суффикс =*ηəlt*= придаёт большую степень понудительности глаголу *wōj=əm=tī*;

χōl=i=tī ‘литься’ → *χōl’=ηəlt=tī* ‘лить; собирать берёзовый сок’: *Liηk al χōl’=ηəlt=a* ‘Воду не лей’;

$p\oslash s=i=t\ddot{i}$ ‘капать’ → $p\oslash s=\eta\lambda t=i\ddot{j}\lambda=t\ddot{i}$ ‘сделать так, чтобы капало’: ...*χάντι ηε, χάντι χρ ewəλt kálĭ sem änt p\oslash s=\eta\lambda t=i\ddot{j}\lambda=s=\alpha\eta\eta\alpha n* ‘... у хантыйской женщины, хантыйского мужчины каплю крови не выпустили’;

$t\oslash r=i=t\ddot{i}$ ‘дрожать’ → $t\oslash r=\eta\lambda t=t\ddot{i}$ ‘трясти, заставлять дрожать’;

$m\ddot{a}r=i=t\ddot{i}$ ‘греметь’ → $m\ddot{a}r=\eta\lambda t=t\ddot{i}$ ‘греметь’: *Iməłtĭjə\alpha n pa śi mĭwĭjə\alpha m \eta\alpha t\alpha n t\oslash r=\eta\lambda t=\lambda=a, jĭ\eta kĭjə\alpha m \eta\alpha t\alpha n m\ddot{a}r=\eta\lambda t=\lambda=a* ‘Вдруг опять землю трясут (вверху заставляют дрожать), вода гремит (вверху заставляют греметь). Глаголы $t\oslash r=\eta\lambda t=t\ddot{i}$, $m\ddot{a}r=\eta\lambda t=t\ddot{i}$ можно отнести и к дистантной, и к контактной каузации;

12) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=\alpha\lambda t=$ со значением фактитивно-контактной каузации:

$g\oslash p s=\epsilon m\alpha=t\ddot{i}$ ‘хлопать, стучать, издавать глухие звуки (о предметах)’ → $r\oslash p s=\alpha\lambda t=t\ddot{i}$ ‘качать люльку, потряхивая’: *Nawrem \alpha nt\alpha p r\oslash p s=\alpha\lambda t=t\ddot{i}* ‘Качать люльку ребёнка, потряхивая’. Глагол $r\oslash p s=\alpha\lambda t=t\ddot{i}$ выражает более интенсивное покачивание детской люльки, с потряхиванием, в отличие от глагола $t'\oslash j=\eta\lambda t=t\ddot{i}$ ‘качать люльку’.

13) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=\alpha\lambda t/= \alpha\lambda t\alpha=$ глагол со значением комитативности:

$p\oslash s\eta=i=t\ddot{i}$ ‘дымить’ → $p\oslash s\eta=\alpha\lambda t=t\ddot{i}$ ‘нестись на чем-либо (животном, транспорте), двигаться очень быстро’: *Ma śi p\oslash s\eta=\alpha\lambda t=s=\epsilon m* ‘Я нёсся (букв.: дымился)’.

При присоединении каузативных суффиксов $=\alpha\lambda t/= \alpha\lambda t\alpha=$, $=t/= \alpha t/= t\alpha=$, $=p t\alpha/= \alpha p t\alpha=$, $=\alpha\lambda\check{s}\alpha=$, $=\eta\lambda t=$ к основам пространственной семантики реализуются следующие каузативные значения: фактитивно-дистантная каузация, фактитивно-контактная каузация, комитативность и фактитивность.

1) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=\alpha\lambda t/= \alpha\lambda t\alpha=$ со значением фактитивно-дистантной каузации:

$\varepsilon\lambda=\varepsilon m=t\dot{i}$ ‘находиться на поверхности, всплыть’ → $\varepsilon\lambda=m=\varepsilon\lambda t=t\dot{i}$ ‘заставить подняться тесто’: *náñem* $\varepsilon\lambda=m=\varepsilon\lambda t=\lambda=\varepsilon m$ ‘Тесто подняться заставляю’;

2) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=\varepsilon\lambda t=/\varepsilon\lambda t\theta=$ со значение фактитивно-контактной каузации:

$\alpha\lambda=\varepsilon m=t\dot{i}$ ‘поднять’ → $\alpha\lambda=m=\varepsilon\lambda t=t\dot{i}$ ‘нагрузить, взвалить’: *Lawərt χir māñem* $\alpha\lambda m=\varepsilon\lambda t=s=\varepsilon\lambda e$ ‘Тяжёлый мешок на меня взвалил’;

$\varepsilon m\alpha s=t\dot{i}$ ‘сесть’ → $\varepsilon m s=\varepsilon\lambda t=t\dot{i}$ ‘посадить’: *Šitəlan χint lǐrija* $\varepsilon m s=\varepsilon\lambda t=\varepsilon s=\lambda e$, *wənta ši tɔsle* ‘Затем в берестяной кузов посадила=его, в лес унесла’;

$p\alpha\chi\alpha n=t\dot{i}$ ‘лопнуть, разорваться’ → $p\alpha\chi n=\varepsilon\lambda t\theta=t\dot{i}$ ‘сделать так, чтобы лопнуло (что-либо)’;

$\chi\alpha n t=t\dot{i}$ ‘приклеить’ → $\chi\alpha n=\varepsilon\lambda t\theta=t\dot{i}$ ‘приклеить, прикрепить’: *Məj nǔχi pǔlǐje*, *məj lǔw pǔlǐje χǔlta mɔstəs ši w χɔn=\varepsilon\lambda t\theta=s=\lambda e* ‘Кусочек мяса, кусочек кости, куда подошёл, туда приложил, приклеил’;

3) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=t=/\varepsilon t=/\varepsilon t\theta=$ со значение фактитивно-дистантной каузации:

$\lambda\dot{u}t=\lambda\varepsilon=t\dot{i}$ ‘выскользнуть, ускользнуть, вырваться’ → $\lambda\dot{u}t=t\theta=t\dot{i}$ ‘упустить’: *Ši kūtən wewtam amp tǎjtǐ χɔjem ampəl* $\lambda\dot{u}k j\ddot{u}rijən \lambda\dot{u}t=t\theta=\lambda=\lambda e$, *laŋki jǔkana mǔrta šɔk wantəl* ‘В это время, если плохая собака у хозяина, собаку=свою упустит за глухарём вместо белки, столько горя увидит’;

$k\dot{i}\lambda=t\dot{i}$ ‘встать’ → $k\dot{i}\lambda=t\theta=t\dot{i}$ ‘разбудить (вынудить проснуться)’, например: *Jǔχi lǔŋəs*, *ikel nǔχ kil=t\theta=s=\lambda e* ‘Домой зашла, мужа подняла’. Глагол $k\dot{i}\lambda=t\theta=t\dot{i}$ выражает и контактную, и дистантную каузацию;

4) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=\varepsilon\lambda t=/\varepsilon\lambda t\theta=$ со значение комитативности:

$\lambda\delta\eta=t\dot{i}$ ‘зайти’ → $\lambda\delta\eta=\varepsilon\lambda t\theta=t\dot{i}$ ‘занести’: *Ja ši, imel imi kim* $\varepsilon t\lambda\varepsilon s$, *nǔχəs pɔrɔχa*, *wɔj pɔrɔχa jǔχi lǔŋ=\varepsilon\lambda t=\varepsilon s* ‘Тётушка на улицу вышла, соболиную шубу, звериную шубу домой занесла’;

$\varepsilon t=t\dot{i}$ ‘выйти’ → $\varepsilon t=\varepsilon\lambda t\theta=t\dot{i}$ ‘заставить выйти’: *Misew mis-χɔt ewəlt kim* $\varepsilon t=\varepsilon\lambda t=\varepsilon s=ew$ ‘Корову заставили выйти из

коровника'. Глагол $et=\acute{a}lt\acute{a}=t\acute{i}$ используется также в переносном значении для обозначения вынужденной приостановки речи, например: *Šwrije pitī šwjtije jōxi jōxtas, isat nemalt jasəw ant et=\acute{a}lt=\acute{a}s, xōtisa wōxsar imel lepəltəsalle* 'Зайчиха чёрный хвостик домой пришла, ни слова не сказала (не позволила выйти), как лисицу обманула';

$mān=t\acute{i}$ 'идти' → $mān=\acute{a}lt=t\acute{i}$ 'заставлять идти';

$jōx\acute{a}t=t\acute{i}$ 'прийти' → $jōxt=\acute{a}pt\acute{a}=t\acute{i}$ 'принести, доставить': *Íski wətat pōllat, lōhśat jōxt=\acute{a}pt\acute{a}=l=\acute{a}t* 'Холодные ветра дуют, снег приносят';

$naw\acute{e}g=t\acute{i}$ 'скакать, прыгать' → $nawr=\acute{a}lt=t\acute{i}$ 'скакать на чем-либо, доставить быстро', *Ōmler əwa in xūllaləw si tōsī, nawr=\acute{a}lt=s=s a šiwel* 'В прорубь увезли её рыбы, утащили';

$xōx\acute{a}l=t\acute{i}$ 'бежать' → $xōxl=\acute{a}lt\acute{a}=t\acute{i}$ 'бежать с предметом': *Jōxi xōxl=\acute{a}lt=\acute{a}s=l\acute{e}*: "Imi, tǎxa! Piršemōman wənta ewi ən tǎjsəmən, pōx ən tǎjsəmən, sərñeŋ kūrəp, sərñeŋ jōšəp pōxijenəw pa ši māšijmən" 'Домой принёс: «Жена! До старости дочь не имели, сына не имели, с золотыми ногами, с золотыми руками сына нам дали»';

5) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=pt\acute{a}=/\acute{a}pt\acute{a}=\acute{a}$ со значением фактитивно-контактной каузации:

$šqj\acute{a}l=t\acute{i}$ 'погрузиться' → $šqj\acute{a}l=pt\acute{a}=t\acute{i}$ 'погрузить; потопить': *xəlar talit jelpijən jinja šqj\acute{a}l=pt\acute{a}=t\acute{i} məsəl* 'Прежде чем тянуть сети, их нужно погрузить в воду';

6) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс $=pt\acute{a}=/\acute{a}pt\acute{a}=\acute{a}$ со значением комитативности:

$ir\acute{a}t=t\acute{i}$ 'свернуть' → $irt=\acute{a}pt\acute{a}=t\acute{i}$ 'дать возможность свернуть': *Maksəmən wūlilal irt=\acute{a}pt\acute{a}=s* 'Максим дал возможность оленям свернуть';

$xōnt=a=t\acute{i}$ 'убегать' → $xōnt=\acute{a}pt\acute{a}=t\acute{i}$ 'увезти, унести убегая', *Aj mit-xōjən aj wəp xō pōxije xōnt=\acute{a}pt\acute{a}=s=i* 'Младший батрак, сына младшего ненца увез';

$wūnš\acute{i}$ 'переезжать, перейти через какую-либо преграду' → $wūnš=\acute{a}pt\acute{a}=t\acute{i}$ 'перевезти через водное пространство': *Wəw Hettaja jōxətsəw, qxəlləw jirsəw pa kāt pōr wərsəw. Letōtləw*

kūrən wūnš=əptə=s=λəw ‘На большую Хетту приехали, нарты привязали, сделали два плота. Продукты перевезли’;

kasλ=tī ‘кочевать, перекочевать, переехать’ → *kasλ=əptə=tī* ‘перевозить’, например: *Pūpi śaśi kasλ=əptə=tī mānəl* ‘Поедет медведицу перевести’;

7) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс =*ptə* /=*əptə*= со значением фактитивности:

χoχəl=tī ‘бежать’ → *χoχλ=əptə=tī* ‘заставить литься бодро, хорошо (о песне)’, например: *Χoχλəη wūlī χoχλəpsīja arijem ta śi χoχλ=əptə=λ=em* ‘Я спою песню хорошо, бодро (букв.: я заставлю бежать песню бегом бегущего оленя)’. Значение фактитивности образует глагол движения: сочетаясь с именем существительным *ap* ‘песня’, он приобретает переносное значение. О глаголах образной характеристики движения на материале казымского диалекта хантыйского языка, подробнее см. [Соловар 2016: 58–67].

8) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс =*əλšə*= со значением комитативности:

wūnšī ‘переезжать, перейти через какую-либо преграду’ → *wūn=əλšə=tī* ‘перевезти, перевести’: *Λūw nōrəl jōχan śora śi wūn=əλšə=s=λe* ‘Он лосёнка через речку перевёз’;

śotśi ‘шагать’ → *śqt=əλšə=tī* ‘вести’: *Ewem śqt=əλšə=λ=əm* ‘Веду дочь (помогать перемещаться при совместном движении)’;

9) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс =*t* /=*ət* /=*tə*= со значением комитативности:

nōχ=a=tī ‘шевелиться’ → *nōχ=tə=tī* ‘двинуть, заставить двинуться’: *Aləηaja pa sōjəp werla, pa anas χoptīləw katllajət, kirsasλəw pa jellī śi nōχ=tə=λ=ew* ‘Утром делают загон, быков обозных наших выловят, запрягаем оленей и двигаемся дальше’;

wəχəl=tī ‘спуститься, сходить’ → *wəχəl=tə=tī* ‘спустить, переместить по направлению вниз’, например: *Λūw χoptīləl jōχana wəχəl=tə=s* ‘Он оленей к реке спустил (вынудил спуститься)’;

10) словообразовательная модель: основа глагола + суффикс =*ηαλt*= со значением фактитивно-контактной каузации:

t'oj=i=tī ‘висеть, не прислоняясь к чему-либо, качаться’ → *t'oj=ηαλt=tī* ‘качать люльку’: *Jontəstəl kaša kūrən ontpəj nawreməl t'oj=ηαλt=əl* ‘Когда шьёт платье, ногой качает люльку’;

pār=i=tī ‘сыпаться, падать (о мелких предметах)’ → *pār=ηαλt=tī* ‘рассыпать, сыпать’: *I mōjəl pār=ηαλt=λ=əle?* ‘Что хоть сыплет?’;

lār=i=tī ‘катиться, крутяться’ → *lār=ηαλt=tī* ‘заставлять крутиться, крутить’: *Sitəl in χot līpījən tīw lār=ηαλt=λ=əle, tōχi lārηαλtīləle* ‘Этот предмет он по дому сюда катит, туда катит’.

В словах *pal=m=əlt=tī* ‘привести в чувство’, *χimli=t=tī* ‘требовать настойчиво, надоедливо’, *rūk=əptə=tī* ‘вручить’, *sār=m=əlt=tī* ‘известить, измучить’, *sār=aλə=tī* ‘навязать, заставить взять, принять что-либо против желания, воли’ каузативный суффикс выделяется, но на синхронном уровне нет слова, от которого они образовались.

Каузативный суффикс может сочетаться с аспектуальными суффиксами =*emə*=, =*ijəl*=, =*əm*=/*mə*=, например: *Śi pešet χōrtal pa, śi sōr=əlt=emə=t=al pa nōllələle, — λomətsōχα werlələle* ‘Этих оленят забивает, сушит, мнёт шкуры и шьёт одежду’; *...Aηkel-aśelən sōrəj pāsana, mawəj pāsana əms=əlt=ijəl=λ=a, λelət-janślət* ‘Мать с отцом за стол с медовыми яствами его садят, едят-пьют’; *līwel al χol=m=əlt=te* ‘Ему не дай услышать’.

При словообразовании на стыке морфем происходят различные морфонологические процессы: выпадение редуцированной гласной, усечение основы, выпадение суффикса производящей основы:

1) выпадение редуцированного: если во втором слого производящей основы есть редуцированный гласный, то при присоединении каузативного аффикса, начинающегося

с редуцированного, редуцированный гласный основы выпадает, например: $\chi\phi\lambda=m=\acute{\alpha}\lambda t=t\ddot{i}$ ‘дать услышать’ < $\chi\phi\lambda=m\acute{\alpha}=t\ddot{i}$ ‘услышать, прислушаться’;

2) усечение основы: $wan=\acute{\alpha}\lambda t\acute{\alpha}=t\ddot{i}$ ‘показывать, демонстрировать’ < $want=t\ddot{i}$ ‘смотреть’; $r\check{\alpha}\chi=\acute{\alpha}\lambda t=t\ddot{i}$ ‘сделать так, чтоб задохнулись’ < $r\check{\alpha}\chi\acute{\alpha}n=t\ddot{i}$ ‘поперхнуться’; $\chi\phi n=\acute{\alpha}\lambda t\acute{\alpha}=t\ddot{i}$ ‘прикрепить’ < $\chi\phi nt=t\ddot{i}$ ‘приклеить’. При образовании глагола $m\ddot{o}\lambda s=at=t\ddot{i}$ у существительного $m\ddot{o}\lambda tas$, образованного от местоимения $m\ddot{o}\lambda t\ddot{i}$ подвергается усечению суффиксальный элемент $=a=$ суффикса $=as=$, а также конечный согласный основы t ;

3) выпадение суффикса производящей основы: $jan\eta=\acute{\alpha}\lambda t=t\ddot{i}$ ‘ругать очень сильно (букв.: дать обгореть)’ < $jan\eta=i=t\ddot{i}$ ‘ругать’, $s\check{\alpha}l=\eta\acute{\alpha}\lambda t=t\ddot{i}$ ‘заставлять брэнчать, звякать’ < $s\check{\alpha}l=i=t\ddot{i}$ ‘звенеть’, $m\phi\check{s}=m=\acute{\alpha}\lambda t=t\ddot{i}$ ‘ранить, испортить, сделать больным’ < $m\phi\check{s}=\acute{\alpha}t=t\ddot{i}$ ‘болеть’ < $m\phi\check{s}$ ‘болезнь’; $sawl=\acute{\alpha}\lambda t=t\ddot{i}$ ‘идти (букв.: идти звякая, брякая)’ < $sawl=i=t\ddot{i}$ ‘гремять, звенеть’; $\chi\ddot{o}nt=\acute{\alpha}pt\acute{\alpha}=t\ddot{i}$ ‘увезти, унести убегая’ < $\chi\ddot{o}nt=a=t\ddot{i}$ ‘убегать’; $\acute{n}\ddot{o}\chi=t\acute{\alpha}=t\ddot{i}$ ‘двинуть, заставить двинуться’ < $\acute{n}\ddot{o}\chi=a=t\ddot{i}$ ‘двигаться’; $mi\acute{n}=\eta\acute{\alpha}\lambda t=t\ddot{i}$ ‘манить’ < $mi\acute{n}\acute{\alpha}p$ ‘пучок, связка’; $l\ddot{u}t=t\acute{\alpha}=t\ddot{i}$ ‘упустить’ < $l\ddot{u}t=\lambda\acute{\alpha}=t\ddot{i}$ ‘выскользнуть, ускользнуть, вырваться’; $k\check{\alpha}\check{s}=m=\acute{\alpha}\lambda t=t\ddot{i}$ ‘продымить (пропитать дымом)’ < $k\check{\alpha}\check{s}as$ ‘чехол’.

Итак, мы выделяем в казымском диалекте хантыйского языка восемь суффиксов с каузативным значением $=\acute{\alpha}\lambda t\acute{\alpha}=/\acute{\alpha}\lambda t=$, $=pt\acute{\alpha}=/\acute{\alpha}pt\acute{\alpha}=$, $=\eta\acute{\alpha}\lambda t=$, $=t=/t\acute{\alpha}=/\acute{\alpha}t=$, $=at=$, $=\acute{\alpha}\lambda\check{s}\acute{\alpha}=$, $=\acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}=$, $=\acute{\alpha}\lambda t=$. Каузативные суффиксы присоединяются к именам прилагательным, наречиям, именам существительным, к основам глаголов с акциональной, статальной, пространственной семантикой. Анализ каузативных глаголов позволил выявить семантические типы, возникающие в процессе создания новой лексической единицы. При образовании словообразовательных моделей с помощью каузативных суффиксов выделяют-

ся пять семантических типов: значение фактитивности, пермиссивности, фактитивно-дистантная каузация, фактитивно-контактная каузация, комитативность. При присоединении к наречиям каузативных суффиксов передается значение фактитивно-дистантной каузации; к именам существительным — фактитивно-контактная и фактитивно-дистантная каузация; от имен прилагательных реализуется значение фактитивно-контактной, фактитивно-дистантной каузации, комитативность; глаголы с акциональной семантикой образуют значения фактитивно-дистантной, фактитивно-контактной каузации и комитативность; основы глаголов статальной семантики передают значения фактитивно-дистантной, фактитивно-контактной каузации, пермиссивность и комитативность; основы пространственной семантики реализуют значения фактитивно-дистантной, фактитивно-контактной каузации, комитативность и фактитивность. Результаты исследования представлены в таблице. Наиболее продуктивной является словообразовательная модель с суффиксом $=\lambda t\theta=$ / $=\lambda t=$, с помощью которой образуется 39 единиц; непродуктивной является модель с суффиксом $=\alpha l t=$. В процентном соотношении части речи, образующие семантические типы, представлены следующим образом: глаголы составляют 76,14 %; имена существительные — 11,9 %; имена прилагательные — 10,09 %; наречия — 1, 83 %.

Семантические типы, выражаемые каузативными глаголами хантыйского языка

Таблица 1

суффикс сем. тип	=элтэ= =элт=	=птэ= =эртэ=	=ηэлт=	=т/=эт= =тэ=	=ат=	=элšэ=	=алэ=	=алт=
фактитивность		1						
пермиссивность		1	1	1				
фактитивно- дистантная	20	8	3	7	1	1		
фактитивно- контактная	12	6	16	3	7	1	2	1
комитативность	7	4	1	2	1	2		
итого	39	20	21	13	9	4	2	1

Литература

[БТСРГ] — Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты. Под ред. проф. *Л.Г. Бабенко*. Москва, 2008.

Вальгамова С.И. Глагольное словообразование в хантыйском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.

Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2007, 45.

Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2010.

Кошкарёва Н.Б. Глагольное словообразование в сургутском диалекте хантыйского языка (по материалам «Словаря восточнохантыйских диалектов» Н.И.Терешкина) // Вестник угроведения. 2014, 1 (16), 23–45.

Кошкарёва Н.Б. Пропозиция и модель (на примере предложений перемещения в уральских и тунгусо-маньчжурских языках Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2004, 4, 70–80.

[ЛЭС] — Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990, 160.

Майтинская К.Е. Венгерский язык. Т. 2. Москва, 1959, 97.

Моськина С.И. Морфологические процессы в мокшанском глагольном словообразовании. Дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 1999.

Нёмысова Е.А. (ред.) Хантыйский язык: Учеб. для уч-ся пед. уч-щ. Ленинград, 1988, 121.

Николаева И.А. Обдорский диалект хантыйского языка. Москва–Гамбург, 1995, 68.

Осипова О.А., Шаламова Н.Н. Суффиксы залогового и видового значения в васюганском диалекте хантыйского языка // LINGUISTICA URALICA, 2001, 34–46.

Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск, 2009, 25.

Соловар В.Н. Семантическая классификация глаголов по способу осуществления движения (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник уgroведения, 2016, 4 (27), 58–67.

Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень, 2014.

Степанова М.Д. Вопросы моделирования в словообразовании и условия реализации моделей // Вопросы языкознания. 1975, 4, 55–63.

Холодович А.А. (отв. ред.) Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград, 1969.

References

[BTSRG] — Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy. Angliyskie ekvivalenty. *L.G Babenko* (ed.) Moscow, 2008. (In Russ.)

Kaksin A.D. Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyka. Khanty-Mansiysk, 2007, 45. (In Russ.)

Kaksin A.D. Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyka. Khanty-Mansiysk, 2010. (In Russ.)

Kholodovich A.A. (ed.) Tipologiya kauzativnykh konstruksiy. Morfoloicheskiy kauzativ. Leningrad, 1969. (In Russ.)

Koshkareva N.B. Glagol'noye slovoobrazovanie v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka (po materialam «Slovaryaya vostochnokhantyyskikh dialektov» N.I. Tereshkina) // Vestnik ugrovedeniya. 2014, 1 (16), 23–45. (In Russ.)

Koshkareva N.B. Propozitsiya i model' (na primere predlozheniy peremeshcheniya v ural'skikh i tunguso-man'chzhurskikh yazykakh Sibiri) // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk, 2004, 4, 70–80. (In Russ.)

[LES] — Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. Moscow, 1990, 160. (In Russ.)

Maytinskaya K.E. Vengerskiy yazyk. V. 2. Moscow, 1959, 97. (In Russ.)

Mos'kina S.I. Morfonologicheskie protsessy v mokshanskom glagol'nom slovoobrazovanii. PhD Dissertation. Saransk, 1999. (In Russ.)

Nemysova E.A. (ed.) Khantyyskiy yazyk: Ucheb. dlya uch-sya ped. uch-shch. Leningrad, 1988, 121. (In Russ.)

Nikolaeva I.A. Obdorskiy dialekt khantyyskogo yazyka. Moscow–Hamburg, 1995, 68. (In Russ.)

Osipova O.A., Shalamova N.N. Suffiksy zalogovogo i vidovogo znacheniya v vasyuganskom dialekte khantyyskogo yazyka // LINGUISTICA URALICA, 2001, 34–46. (In Russ.)

Solovar V.N. Khantyysko-russkiy slovar' (kazymskiyy dialekt). Tyumen', 2014. (In Russ.)

Solovar V.N. Paradigma prostogo predlozheniya v khantyyskom yazyke (na materiale kazymnskogo dialekta). Novosibirsk, 2009, 25. (In Russ.)

Solovar V.N. Semanticheskaya klassifikatsiya glagolov po sposobu osushchestvleniya dvizheniya (na materiale kazymnskogo dialekta khantyyskogo yazyka) // Vestnik ugrovedeniya, 2016, 4 (27), 58–67. (In Russ.)

Stepanova M.D. Voprosy modelirovaniya v slovoobrazovanii i usloviya realizatsii modeley // Voprosy yazykoznaneya. 1975, 4, 55–63. (In Russ.)

Val'gamova S.I. Glagol'noe slovoobrazovanie v khantyyskom yazyke. PhD Dissertation. Novosibirsk, 2002. (In Russ.)

Молданова Ирина Максимовна
Ханты-Мансийский технологический колледж
Ханты-Мансийск, Россия
Moldanova Irina Maksimovna
Khanty-Mansiysk Technical and Pedagogical Vocational College
Khanty-Mansiysk, Russia
Uil.gera@yandex.ru

**Полисемия признаковых лексем с семантикой
‘прямой’: данные горномарийского языка¹**
***Polysemy in Hill Mari lexemes expressing
the concept of ‘straight’***

Кашкин Е.В.

Kashkin E.V.

В статье на материале восточных говоров горномарийского языка рассматриваются лексемы, выражающие значение ‘прямой’ (о линии). Обсуждаются их прямые и метафорические употребления. Материал сопоставляется с опубликованными данными лугового марийского языка и с типологическими работами.

Ключевые слова: лексическая типология, признаковая лексика, метафора, горномарийский язык

The article deals with lexemes meaning ‘straight’ (about a line) in the Eastern local dialects of Hill Mari. We discuss their literal and metaphoric uses. The material is compared with the previously published data from Meadow Mari, as well as with papers dealing with language typology.

Key words: lexical typology, qualitative concepts, metaphor, Hill Mari language

1. Введение

В статье рассматриваются лексемы с семантикой ‘прямой (о линии)’ в горномарийском языке, а также соответствующие адвербиалы (‘прямо’). Мы рассмотрим их исходные и переносные употребления.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-012-00119.

В языках мира лексем со значениями 'прямой' и 'прямо' могут развивать богатую полисемию, ср. хотя бы примеры (1)–(5) из русского языка.

- (1) *Иногда надо держать язык за зубами, даже если Вы очень **прямой** человек.*
- (2) *Между Чебоксарами и Новосибирском нет **прямого** поезда.*
- (3) *Ребята спали **прямо** на земле.*
- (4) *Я приехал на работу **прямо** с вокзала.*
- (5) *Реформы были предложены **прямо** после выборов.*

Межъязыковое варьирование в развитии переносных употреблений у лексем рассматриваемой семантики обсуждалось в [Cienki 1998; Наний 2012; Лучина и др. 2013; Лучина 2014]. При рассмотрении горномарийских данных мы будем учитывать накопленные в этих работах типологические сведения.

Материал собран в 2017–2018 гг. в экспедициях ОТиПЛ МГУ, исследующих восточные говоры горномарийского языка в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и нескольких близлежащих деревнях (Апшак-Пеляк, Кожланангер, Кукшилиды, Никишкино, Паулкино, Тюманово, Яшпатрово).² При работе над данной темой использовался преимущественно метод анкетирования (в тексте статьи полученные таким образом примеры подаются без специальной пометы). В ходе экспедиций ведется также работа над корпусом расшифрованных устных текстов, однако при его текущем объеме (около 45000 словоупотреблений) он не содержит адекватного для статистических обобщений числа вхождений исследуемых лексем. При анализе материала учитывались также данные словарей, в первую очередь [Саваткова 2008; Словарь марийского языка]. Сопоставление с материалом лугового марийского языка, проводимое в

² Подробнее о проекте см. <http://hillmari-exp.tilda.ws/>

некоторых фрагментах дальнейшего обсуждения, привлекает словарные данные, а также сведения, изложенные в [Кашкин 2013].

Теоретической базой исследования служит фреймовый (сочетаемостный) подход Московской лексико-типологической группы под руководством Е.В. Рахилиной, см. [Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Рахилина, Резникова 2013; Rakhilina, Reznikova 2016] и приводимые в указанных работах ссылки. Этот подход предполагает сопоставление семантики лексических единиц на основе анализа их сочетаемости.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 характеризуются исходные употребления лексем поля. Раздел 3 посвящен рассмотрению метафорических употреблений. В разделе 4 обсуждается употребление одного из словообразовательных производных лексемы *tör* — центральной единицы исследуемого поля. Раздел 5 содержит основные итоги исследования.

2. Исходные употребления

2.1 Набор лексем

В [Саваткова 2008] приводятся следующие лексемы, которым приписывается релевантная для нас семантика: *tör* (*möp*)³ ‘равный, одинаковый, одинаково; ровный, равно;

³ Здесь и далее примеры, записанные нами от информантов, приводятся в фонологической транскрипции латиницей. Используемая в статье система транскрипции в целом совпадает с системой из [Саваткова 2002], за исключением следующих мест: (1) упередненный редуцированный гласный, отмечаемый в [Саваткова 2002] как *ə*, записывается нами как *ǎ*; (2) согласные, обозначаемые в [Саваткова 2002] как *β*, *δ*, *γ*, записываются в статье как *b/v*, *d*, *g* соответственно, что отражает наиболее распространенные в исследуемом идиоме варианты их произнесения. Цитаты из других источников приводятся в записи источника (в данном абзаце в скобках указаны лексемы в том виде, в котором они записаны в [Саваткова 2008]).

прямой, прямо; правдивый, справедливый, правдиво, справедливо' (с. 276), *viäš* (*виäш*) 'прямой' (с. 35), *tura* (*тура*) 'крутой, круто; прямой, прямо; резкий, резко' (с. 280), *vik* (*вик*) 'прямой, прямо' (с. 35), *viäkä* (*виäkä*) 'прямой, ровный, прямодушный' (с. 34).

Как было установлено в ходе полевой работы, в исследуемых говорах используются лексемы *tör* и *viäš* (их употребление будет подробно обсуждаться далее). Лексема *tura* имеет значения 'крутой, резкий', см. (6), но не имеет значения 'прямой' и не рассматривается далее. Лексемы *vik* и *viäkä* опрошенным нами носителям незнакомы.

- (6) *män'ä tura käräk-äš kuz-en*
 я крутой гора-ILL подниматься-CVB
a-m kert
 NEG.NPST-1SG мочь
 'Я не могу подняться по крутой горке'.

2.2 Исходные употребления лексемы *tör*

Основным средством выразить значение 'прямой' является лексема *tör*, которая может выступать как в роли приименного модификатора, так и в адвербиальной функции. Она применяется к любым предметам, имеющим форму прямой линии, независимо от их горизонтальной или вертикальной ориентации (*tör kornä* 'прямая дорога'⁴, *tör tup* 'прямая спина', *tör pandä* 'прямая палка', см. также (7)). Эта же лексема описывает перемещение по прямой линии (8).

- (7) *mängä tör šalg-en, a ände tärän'-ält-än*
 столб прямой стоять-PRET а теперь косо-MED-PRET
 'Столб стоял прямо, а теперь покосился'.

⁴ Возможно также понимание 'ровная дорога', см. об этом далее.

- (8) *tör* *ke,* *n'i-gâ-šk=at*
 прямой идти.IMP.2SG NEG-который-ILL=ADD
i-t *sär-n-äl*
 PRON-2SG вращать-DETR-ATT
 ‘Иди прямо, никуда не сворачивай’.

Помимо значения ‘прямой’, лексема *tör* имеет значение ‘ровный’, описывая в этом случае зрительно воспринимаемую поверхность, как в (9). По отношению к дороге эта лексема может иметь две интерпретации, описывая либо форму линии (10), либо свойство поверхности (11).

- (9) *u* *toma-štâ sedära tör*
 новый дом-IN пол ровный
 ‘В новом доме пол ровный’.

- (10) *kornâ tör,* *no kogo-n* *šukâ jâm-än*
 дорога прямой но большой-ADV много яма-PROP
 ‘Дорога прямая, но на ней очень много ям’.

- (11) *kornâ mâčkâ kžät u* *asfal't-âm*
 дорога по сейчас новый асфальт-ACC
šär-en-ät, *sedändonu kornâ piš tör*
 расстелать-PRET-3PL поэтому дорога очень ровный
 ‘На дороге сейчас постелили новый асфальт,
 поэтому дорога очень ровная’.

Типологически обозначение одной лексемой фреймов прямой линии и ровной поверхности достаточно распространено. Так, в базе данных CLICS в 11 языках мира зафиксированы лексемы, совмещающие значения ‘straight’ (‘прямой’) и ‘flat’ (‘плоский, ровный’). Вопрос о природе семантического сдвига между лексемами ‘прямой’ и ‘ровный’ не вполне прозрачен и требует дальнейшего теоретического анализа, ср. фактическое отсутствие решения этого вопроса и для русского языка

в [НОСС 2004: 985], где обсуждаются контексты *ровный пробор* и *ровная строчка*, в которых прилагательное *ровный* описывает прямую линию.

2.3 Исходные употребления лексемы *viäš*

Прилагательное *viäš* известно не всем носителям исследованных говоров. По-видимому, эта лексема принадлежит в первую очередь литературному горномарийскому языку. Так, она встречается в горномарийских текстах, доступных в поисковой системе Google (в частности в контекстах *viäš корны* ‘прямая дорога’, *viäš автобус* ‘прямой автобус’, *viäš эфир* ‘прямой эфир’). Некоторые грамотные информанты на вопрос о возможных контекстах ее употребления приводили в первую очередь сочетание *viäš šaja* ‘прямая речь’, знакомое им из учебных пособий по родному языку. Опрошенные носители восточных горномарийских говоров относительно устойчиво используют прилагательное *viäš* по отношению к гибким объектам – а именно, к волосам (12) и траве (13). Лексема *tör* в таких примерах тоже возможна.

- (12) *šändär tär-äštä viäš üp-än ädäräš*
 Сундырка край-IN прямой волосы-PROP девочка
šalg-a
 стоять-NPST.3SG
 ‘На берегу (реки) Сундырки стоит девочка с
 прямыми волосами’.

- (13) *aläk-äštä viäš šudä šalg-a*
 луг-IN прямой трава стоять-NPST.3SG
 ‘Трава на лугу растет прямо (букв.: На лугу
 прямая трава стоит)’.

Как следует из [Словарь марийского языка], в луговом марийском языке сфера употребления прилагательного *viäš* (когната горномарийского *viäš*) достаточно широка.

Так, в указанном источнике имеются примеры *вияш урем* ‘прямая улица’, *вияш корно* ‘прямая дорога’, *вияш линий* ‘прямая линия’, приводится ряд метафорических употреблений (например, использование *вияш* по отношению к человеку в значении ‘прямой, откровенный’). В [Саваткова 2008: 35] ограничений на сочетаемость горномарийской лексемы в явном виде не сформулировано. Согласно нашим полевым данным, в исследуемых говорах ее употребление ограничено контекстами гибких объектов. С горномарийскими соответствиями существительных из перечисленных выше лугомарийских примеров прилагательное *viäš*, как мы установили, не сочетается (кроме того, нельзя использовать его по отношению к прямой палке или прямой спине). Метафорических употреблений горномарийская лексема *viäš*, по нашим сведениям, не развивает.

В типологических работах, посвященных лексемам с семантикой ‘прямой’, особая категоризация гибких объектов описана пока не была. Поэтому горномарийский язык представляет интересный пример для исследований лексем с таким значением в языках мира. Интересно также, что в базе данных [Starling] лугомарийская лексема *вияш* связывается с протоуральским корнем **wojke* ‘прямой’, а ее когнаты в других языках имеют очень широкое употребление, ср., например, мокшанское прилагательное *виде* ‘прямой, ровный; стройный; правильный; справедливый, честный; откровенный; простой, бесхитростный’ [Серебренников и др. (ред.) 1998: 117] или эстонское *õige* ‘прямой; правильный; настоящий; истинный; подходящий; справедливый’ [EVS]. Как следует из словарных статей (для мокшанского языка подкрепляемых и нашими полевыми материалами, записанными в 2015–2016 гг. в с. Лесное Цибаево и Лесное Ардашево Темниковского района Мордовии), сочетаемости ограничений, развиваемых прилагательным *viäš* в исследуемых горномарийских говорах, его мокшанский

и эстонский когнаты не имеют. Наиболее вероятным, тем самым, представляется сценарий произошедшего сужения семантики горномарийского *viäš* в контексты описания гибких предметов.

3. Метафорические употребления

3.1 Предварительные замечания

В этом разделе мы рассмотрим метафорические употребления лексемы *tõr*. Лексема *viäš*, как уже было сказано, используется в исследуемых говорах в ограниченном круге контекстов, среди которых нет метафорических. В лексической типологии по отношению к метафорическим употреблениям ставятся задачи выявления устойчивых моделей сдвигов из заданного исходного значения либо сдвигов в заданное переносное значение (см. [Круглякова 2010; Zaluzniak et al. 2012; Rakhilina, Reznikova 2016] и др.). В нашем случае возникает, во-первых, вопрос о том, соответствуют ли переносные употребления, развиваемые лексемой *tõr*, выявленным в типологических работах моделям. Во-вторых, необходимо установить, с каким из значений *tõr* — со значением ‘прямой’ или со значением ‘ровный’ — связаны те или иные метафоры, т. е. совпадают ли они с моделями, которые выявлены в типологии для поля ‘прямой’, но не для поля ‘ровный’, или, напротив, с моделями, которые выявлены для поля ‘ровный’, но не для поля ‘прямой’ (о типологии метафорических расширений поля ‘ровный’ см. [Кашкин 2013]).

3.2 Метафоры, связанные со значением ‘прямой’

Лексема *tõr* развивает ряд метафор, которые, по типологическим данным, стандартны для лексем с исходным значением ‘прямой’. Так, по отношению к человеку эта лексема может выражать значения ‘прямой, прямолинейный’ (14), ‘честный’ (15), ‘следующий каким-либо правилам’ (16).

- (14) *tädä tör edem, so ma-m*
 тот прямой человек всегда что-ACC
šan-a, tädä-m pop-a
 думать-NPST.3SG тот-ACC говорить-NPST.3SG
 ‘Он прямой человек, всегда что думает, то и говорит’.
- (15) *vas’a tör edem, ik-tä-m=ät a-k*
 Вася прямой человек один-FULL-ACC=ADD NEG.NPST-3
altalâ
 обманывать
 ‘Вася честный человек, никого не обманывает’.
- (16) *vas’a tör edem, sedändon n’i-gânam=at*
 Вася прямой человек поэтому NEG-когда=ADD
ölicä-m jakšar cvet-äš a-k vanžâ
 улица-ACC красный цвет-ILL NEG.NPST-3 переходить
 ‘Вася правильный человек, поэтому никогда не переходит улицу на красный свет’.

Кроме того, *tör* может описывать прямое, откровенное высказывание (*tör jadmaš* ‘прямой вопрос’), правильное действие (17). Используясь в позиции вершины именной группы, *tör* означает ‘правда’ (18). В [Словарь марийского языка] приводятся луговомарийские примеры, где лексема *mör* означает ‘правильный’. По отношению к человеку в луговом марийском языке ей приписано значение ‘справедливый, правильный, действующий согласно правде’. Субстантивные употребления *mör* (как в (18)) помечены в словаре как горномарийские.

- (17) *mân’ än’än-em täm-dä-n tör*
 я надеяться-NPST.1SG вы-POSS.2PL-GEN прямой
ajâr-âmaš-lan-da
 выбирать-NMLZ-DAT-POSS.2PL
 ‘Я надеюсь на ваш правильный выбор’.

- (18) *mă-lăn-em tör-äm kelesä*
 я-DAT-POSS.1SG правда-ACC сказать.IMP.2SG
 ‘Скажи мне правду’.

Лексема *tör* не имеет значения, определенного в [Лучина 2014] как «ближний путь» (19)–(20). За ним стоят контексты перемещения из исходной точки в конечную точку без значимой остановки в каких-либо промежуточных пунктах (ср. в русском языке *прямой маршрут*, *прямой рейс*). Согласно типологическим данным, существенное число контекстов, в которых лексема ‘прямой’ удаляется от своего исходного значения и выступает в качестве фокусного оператора, развиваются на базе именно этого значения. Например, это контексты непосредственного следования (‘прямо после выступления’), непосредственного предшествования (‘прямо перед выступлением’), интенсификации некоторого признака или состояния (‘всё прямо чудесно’) и нек. др. В горномарийском языке подобных контекстов у слова *tör* не выявлено, что, тем самым, соответствует типологическим ожиданиям. Ряд контекстов, согласно [Лучина 2014], могут развиваться в языках мира у лексем с семантикой ‘прямой/прямо’, необязательно покрывающих фрейм «ближнего пути» — например, точное указание на конечную точку или направление (‘ехать прямо в Париж/прямо на север’), уточнение места или времени (‘прямо здесь/прямо сейчас’) и нек. др. Однако и такие употребления у горномарийской лексемы *tör* не развиваются.

- (19) **măn'ă kuzn'ecovo găc čeboksar-ăš*
 я Кузнецово EL Чебоксары-ILL
pâr-âde=ok tör kazan'-ăš
 входить-CVB.NEG=EMPH прямой Казань-ILL
kâdal-ân-am
 ехать-PRET-1SG
 Ожидаемое значение: ‘Я из Кузнецово поехал
 прямо в Казань, не заезжая в Чебоксары’.

- (20) **mänmän kězät čeboksar-âš tör aftobus*
 мы.GEN сейчас Чебоксары-ILL прямой автобус
kašt-eš
 ходить-NPST.3SG
 Ожидаемое значение: ‘У нас сейчас в Чебоксары ходит прямой автобус’.

3.3 Метафоры, связанные со значением ‘ровный’

Как было показано в разделе 2.2, лексема *tör* имеет и значение ‘прямой (о линии)’, и значение ‘ровный’ (о поверхности). Оказывается, вместе с тем, что в исследуемых говорах у *tör* нет метафор, типологически свойственных лексемам со значением ‘ровный’ (инвентарь этих метафор доступен в [Кашкин 2013]). Так, *tör* не может указывать на одинаковое значение какого-либо параметра (21), равномерное расположение статичных объектов (22), равномерно развивающийся процесс (23).

- (21) *mä vas'a don ikan' / *tör*
 мы Вася с одинаковый прямой
kät-aš=ok äl-äna
 рост-ATTR.MEAS=EMPH быть-NPST.1PL
 ‘Мы с Васей одинакового роста’.
- (22) *pöken-vlä-m tör šänd-ädä*
 стул-PL-ACC прямо сажать-IMP.2PL
 ‘Расставьте стулья прямо’.
 *‘Расставьте стулья ровно (в шахматном порядке)’.
- (23) *tän' kušt-äm-et god-äm*
 ты танцевать-PTCP.PASS/NMLZ-POSS.2SG время-ACC
*jal dono ikan' / *tör tašk-al*
 нога с одинаково прямо топтать-ATT.IMP
 ‘Ты, когда танцуешь, ногой равномерно постукивай’.

В луговом марийском языке у лексемы *tör* есть как метафоры, связанные со значением ‘прямой’ (см. раздел 3.2), так и метафоры, связанные со значением ‘ровный’⁵, см. следующие примеры из [Словарь марийского языка]: *tür дене tör* ‘ровень с краями’, *tör акан* ‘равноценный’, *tör вий* ‘равные силы’, *tör кужытан* ‘с равной длиной’, *tör ужалаш* ‘делить одинаково’, *tör шупшаш* ‘тянуть равномерно’. Тем самым, в исследованном нами горномарийском материале метафоры этой лексемы развиваются только на базе значения ‘прямой’, а в исследованном луговом марийском материале — и на базе значения ‘прямой’, и на базе значения ‘ровный’. Этот факт имеет возможное диахроническое объяснение. Согласно [Федотов 1990: 253; Moisiu, Saarinen 2008: 810] *tör* является заимствованием из чувашского языка, его источником оказывается чувашское прилагательное *türe/törë* ‘прямой’. Значение ‘ровный’ у данной чувашской лексемы не зафиксировано [Ашмарин 1937: 222]. Тем самым, у горномарийской лексемы метафоры развиваются только на базе ее первичного значения, а у луговомарийской лексемы — дополнительно на базе вторично развившегося значения.

Следует оговорить, вместе с тем, что привлеченные нами горномарийские и луговомарийские данные не полностью однородны с социолингвистической точки зрения. Горномарийский материал получен в первую очередь от носителей языка, тогда как основным источником луговомарийских данных по обсуждаемому вопросу послужил [Словарь марийского языка], где преобладают примеры из художественных текстов на литературном языке. Поэтому нельзя полностью исключать, что в литературных примерах, во-первых, более продуктивно развита метафоризация, во-вторых, могло произойти калькирование полисемии русских лексем *ровный* и *ровно* — и тогда в реальности существует различие не между

⁵ Полисемия этой лексемы в луговом марийском языке обсуждается также в [Кашкин 2013: 184–185].

луговомарийской и горномарийской системами, а между различными регистрами употребления марийских языков в целом. На данный момент у нас имеются два аргумента против такого сценария. Во-первых, среди опрошенных носителей горномарийского языка были грамотные люди, хорошо владеющие не только местным говором, но и литературным языком (некоторые из них также изучали в высших учебных заведениях луговой марийский язык). Однако даже такие информанты отвергли примеры со словом *tör*, где оно развивало бы метафоры на основе значения 'ровный'. Во-вторых, в корпусе текстов горномарийской Википедии, доступном в коллекции корпусов KОРP, где содержится 50 вхождений лексемы *tör*, нам не удалось обнаружить ее метафорических употреблений, связанных с фреймом ровной поверхности.⁶ В то же время, для окончательного прояснения данной проблемы необходим, с одной стороны, детальный опрос носителей лугового марийского языка, не владеющих или плохо владеющих литературным языком (или по крайней мере не использующих его активно); с другой стороны, анализ горномарийских художественных текстов. Всё это может быть предметом дальнейших исследований.

4. Лексема *tör*: словообразование

В наших материалах, помимо рассмотренных выше лексем *tör* и *viäš*, встретилась и лексема *török*, образованная от лексемы *tör*, вероятнее всего, с добавлением энклитики *=ok*.⁷ Ее значение можно, несколько упрощая, определить как

⁶ В одном из примеров встретилось словосочетание *tör кертыжан*, там же в скобках поясненное по-русски как 'равноправный'. Однако соответствующее предложение принадлежит луговому марийскому языку и попало в горномарийский корпус ошибочно.

⁷ Некоторая проблема такого анализа заключается в том, что энклитика *=ok* в нормальном случае не подвергается гармонии гласных ни в литературном горномарийском языке, ни в исследованных говорах. Для *török* при названном сценарии

‘именно’, ‘действительно’, соотносима она и с употреблениями русского *прямо* в контекстах типа *прямо сейчас* или *прямо как Вася*. Более подробно семантика =ok описана в [Saarinen 1986; Кашкин и др. 2017; Козлов 2017].

В [Словарь марийского языка] данная лексема (*török* в орфографической записи) помечается как горномарийская. Ей приписаны значения ‘сразу, тотчас; в тот же момент’ (*török ужаш* ‘тотчас увидеть’, *török ядаш* ‘сразу спросить’); ‘прямо; в прямом направлении’ (*török ашкедаш* ‘идти прямо’); ‘прямо; откровенно, открыто’ (*török манаш* ‘сказать прямо’).

В исследованных говорах перемещение по прямой линии лексема *török* не описывает (24). Не может она и вводить семантику прямого, откровенного высказывания (25).

(24) а. **tör** *ašked*

прямо шагать.IMP.2SG
‘Шагай прямо’.

б. **török** *ašked*

сразу шагать.IMP.2SG
‘Шагай сразу’.
*‘Шагай прямо’.

(25) а. **tör** *keles-emä,* *ma tälät*

прямо говорить-PTCL.IMP что ты.DAT
kel-eš
быть.нужным-NPST.3SG
‘Скажи прямо, что тебе нужно’.

б. **török** *keles-emä,* *ma tälät*

сразу говорить-PTCL.IMP что ты.DAT

приходится предполагать нерегулярный фонетический переход, возможно, сопряженный с процессом лексикализации.

kel-eš

быть.нужным-NPST.3SG

‘Скажи сразу, что тебе нужно’.

Как видно уже из (24)–(25), лексема *török* вводит семантику непосредственного следования во времени (26). В контекстах перемещения эта семантика трудноотличима от семантики «ближнего пути» в терминах [Лучина 2014], ср. (27).

(26) *päšä-m pätar-ämäkä män'ä török*

работа-ACC заканчивать-CVB.POST я сразу

xala-škâ kâdal'-âm

город-ILL ехать-AOR.1SG

‘Закончив работу, я сразу поехала в город’.

(27) *mâ do-c-ân-na aftobus čeboksar-âš*

мы от-EL-FULL-POSS.1PL автобус Чебоксары-ILL

török kâdal-eš

сразу ехать-NPST.3SG

‘От нас автобус сразу едет в Чебоксары’.

Кроме того, *török* может использоваться в пространственных контекстах, обозначая отсутствие промежуточных пунктов. Такие употребления допустимы только в сочетании с наименованием исходной точки (28)–(29), но не локализации (30) и не конечной точки (31). При этом *török* может располагаться как до, так и после модифицируемой составляющей, ср. (28a, b). Употребления типа (28)–(29) предсказуемо развиваются на основе значения «ближнего пути», которое возникает в (27) и подобных примерах.

(28) a. *vas'a piš jü-äš tängäl-än,*

Вася очень пить-INF начинать-PRET

äräkä-m jamdar gäc török jü-eš

алкоголь-ACC бутылка EL сразу пить-NPST.3SG

‘Вася сильно запил, водку пьет прямо из

бутылки’.

b. *vas'a piš jü-äš tängäl-än, äräkä-m*
 Вася очень пить-INF начинать-ПРЕТ алкоголь-ACC
török jamdar gäc jü-eš
 сразу бутылка EL пить-NPST.3SG
 '=(28a)'.

(29) *män' päšä gäc török tol-än-am*
 я работа EL сразу приходить-ПРЕТ-1SG
 'Я пришел с работы, никуда не заходя'.

(30) **t'et'ä török rok vāl-nä šänz-ä*
 ребенок сразу земля на-IN2 сидеть-NPST.3SG
 'Ребенок сидит прямо на земле'.

(31) **oxotn'ik vāz-ämšä gänä möskä-n sänzä-š*
 охотник пять-ORD раз медведь-GEN глаз-ILL
török popaz-en
 сразу попада'ть-ПРЕТ
 Ожидаемое значение: 'Охотник с пятого раза
 попал медведю прямо в глаз'.

5. Заключение

В статье рассмотрены в рамках лексико-типологического подхода лексемы с семантикой 'прямой' (о линии) в восточных говорах горномарийского языка.

В области исходных значений центральная лексема поля — *tör* — сочетает значения 'прямой' (о линии) и 'ровный' (о поверхности), что довольно частотно типологически.

Другая лексема, *viäš*, широко употребляемая в луговом марийском языке и, насколько можно судить по опубликованным данным, в литературном горномарийском языке, в исследованных говорах оказывается периферийной и может описывать только гибкие объекты (как волосы или траву). В типологических работах такое сужение семантики не отмечалось.

В области метафорических употреблений лексема *tör* развивает ряд типологически ожидаемых переносов. В то же время интересно, что в опубликованных материалах лугового марийского языка она имеет как метафоры, связанные со значением ‘прямой’, так и метафоры, связанные со значением ‘ровный’. В наших же горномарийских данных метафор, связанных со значением ‘ровный’, у *tör* не имеется.

У лексемы *tör* есть и производное *török*, обозначающее следование во времени (‘сразу’) либо отсутствие промежуточных пунктов в сочетании с наименованием исходной точки. Это сочетание фреймов тоже ожидаемо типологически. Любопытно, однако, что семантика движения по прямой линии, зафиксированная у *török* в словарях, в обследованных говорах этой лексемой не выражается, и, тем самым, она закрепляется за зоной переносных употреблений.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

ACC — аккузатив

ADD — аддитивная частица

ADV — адвербиализатор

AOR — аорист (1-е прошедшее время)

ATT — аттенуатив

ATTR — атрибутивизатор

ATTR.MEAS — атрибутивизатор с семантикой меры

CVB — конверб

CVB.POST — конверб с семантикой следования

DAT — датив

DETR — детранзитивизатор

EL — элатив

EMPH — эмфатическая частица

FULL — полная форма

GEN — генитив

ILL — иллатив

IMP — императив
IN — инессив
IN2 — второй инессив (непродуктивный)
INF — инфинитив
MED — медиопассив
NEG — отрицание
NMLZ — номинализация
NPST — непрошедшее время
ORD — порядковое числительное
PL — множественное число
PRET — претерит (2-е прошедшее время)
PROH — прохибитив
PROP — проприетив
PTCL — частица
PTCP.PASS — пассивное причастие
SG — единственное число.

Литература

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. XIV (Т). Чебоксары, 1937.

Кашкин Е.В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дисс ... к. ф. н. Москва, 2013.

Кашкин Е.В., Сидорова М.А., Мордашова Д.Д., Гарейшина А.Р., Учитель И.К. Всё =ok: о семантике одной горномарийской энклитики // Доклад на конференции «Малые языки в большой лингвистике» (Москва, МГУ, 2–3 ноября 2017 г.).

Козлов А.А. Горномарийская частица =ok и грани эмфатической идентичности // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». Москва, 2017, 240–254.

Круглякова В.А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс... к.ф.н. Москва, 2010.

Лучина Е.С., Резникова Т.И., Стенин И.А. Атрибутивы как источник грамматикализации: ‘прямой’ и ‘ровный’ в русском, немецком и финском языках // *Tirado R. Guzmán, I. Votyakova* (eds.) *Tipología léxica*. Granada, 2013, 123–129.

Лучина Е.С. Пути грамматикализации лексем со значением ‘прямой’. Дипломная работа. Москва, 2014.

Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. Москва, 2007.

Наний Л.О. «Прямой», «кривой» и «косой» как источники признаков метафор (на материале китайского и русского языков). Дипломная работа. Москва, 2012.

НОСС 2004 — Апресян Ю.Д. (ред.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва–Вена, 2004.

Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*. 2013, 2, 3–31.

Саваткова А.А. Горное наречие марийского языка. Savariae, 2002.

Саваткова А.А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола, 2008.

Серебрянников Б.А., Феоктистов А.П., Поляков О.Е. (ред.) Мокшанско-русский словарь. Москва, 1998.

Словарь марийского языка. В 10 т. *Гл. ред. И.С. Галкин*. Йошкар-Ола, 1990–2005. Электронная версия. [www.marlamuter.org/muter/]

Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990.

Cienki A. STRAIGHT: an image schema and its metaphorical extensions // *Cognitive Linguistics*, 1998, 9–2, 107–149.

CLICS – Database of Cross-Linguistic Colexifications. [<http://clics.lingpy.org/>]

EVS — Eesti-vene sõnaraamat (Эстонско-русский словарь). [<http://www.eki.ee/dict/evs/>]

KORP — Коллекция корпусов на сайте Университета Тромсё. [<http://gtweb.uit.no>]

Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches Wörterbuch / Aufgezeichnet von *V. Porkka, A. Genetz, Y. Wichmann, M. Räsänen, T. Uotila, E. Itkonen.* Helsinki, 2008.

Rakhilina E., Reznikova T. A frame-based methodology for lexical typology // *P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm* (eds.). The lexical typology of semantic shifts. Berlin–Boston, 2016, 95–129.

Saarinen S. Über einige tscheremissische Enklitika // *Ural-Altäische Jahrbücher*, Band 6, 1986, 37–46.

Starling — Этимологическая база данных, составленная *C.A. Старостиньм.* [<http://starling.rinet.ru/indexru.htm>]

Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *Linguistics*, 2012, 50–3, 633–669.

References

Ashmarin N.I. Slovar' chuvashskogo yazyka. Vol. XIV (T). Cheboksary, 1937. (In Russ.)

Cienki A. STRAIGHT: an image schema and its metaphorical extensions // *Cognitive Linguistics*, 1998, 9–2, 107–149.

CLICS – Database of Cross-Linguistic Colexifications. [<http://clics.lingpy.org/>]

EVS — Eesti-vene sõnaraamat (Estonian-Russian dictionary). [<http://www.eki.ee/dict/evs/>]

Fedotov M.R. Chuvashsko-mariyskie yazykovye vzaimosvyazi. Saransk, 1990. (In Russ.)

Kashkin E.V. Yazykovaya kategorizatsiya faktury poverkhnostey (tipologicheskoe issledovanie naimenovaniy kachestvennykh priznakov v ural'skikh yazykakh). PhD Dissertation. Moscow, 2013. (In Russ.)

Kashkin E.V., Sidorova M.A., Mordashova D.D., Gareyshina A.R., Uchitel' I.K. Vse =ok: o semantike odnoy gornomariyskoy enklitiki // *Doklad na konferentsii «Malye yazyki v bol'shoy lingvistike»* (Moscow, MGU, November 2–3, 2017). (In Russ.)

KORP — Collection of corpora at the website of the University of Tromsø. [<http://gtweb.uit.no>]

Kozlov A.A. Gornomariyskaya chastitsa =ok i grani emfaticheskoy identichnosti // Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Vyp. 4. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2017». Moscow, 2017, 240–254. (In Russ.)

Kruglyakova V.A. Semantika glagolov vrashcheniya v tipologicheskoy perspektive. PhD Dissertation. Moscow, 2010. (In Russ.)

Luchina E.S. Puti grammatikalizatsii leksem so znacheniem ‘pryamoy’. Diploma paper. Moscow, 2014. (In Russ.)

Luchina E.S., Reznikova T.I., Stenin I.A. Atributivy kak istochnik grammatikalizatsii: ‘pryamoy’ i ‘rovnyy’ v russkom, nemetskom i finskom yazykakh // *Tirado R. Guzmán, I. Votyakova* (eds.) Tipología léxica. Granada, 2013, 123–129. (In Russ.)

Maysak T.A., Rakhilina E.V. (eds.) Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya. Moscow, 2007. (In Russ.)

Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches Wörterbuch / Aufgezeichnet von *V. Porkka, A. Genetz, Y. Wichmann, M. Räsänen, T. Uotila, E. Itkonen.* Helsinki, 2008.

Naniy L.O. «Pryamoy», «krivoy» i «kosoy» kak istochniki priznakovykh metafor (na materiale kitayskogo i russkogo yazykov). Diploma paper. Moscow, 2012. (In Russ.)

NOSS 2004 — *Apresyan Yu.D.* (ed.) Novyy ob’yasnitel’nyy slovar’ sinonimov russkogo yazyka. Moscow–Vienna, 2004. (In Russ.)

Rakhilina E., Reznikova T. A frame-based methodology for lexical typology // *P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm* (eds.) The lexical typology of semantic shifts. Berlin–Boston, 2016, 95–129.

Rakhilina E.V., Reznikova T.I. Freymovyy podkhod k leksicheskoy tipologii // *Voprosy yazykoznaniya.* 2013, 2, 3–31.

Saarinen S. Über einige tscheremissische Enklitika // *Ural-Altäische Jahrbücher, Band 6,* 1986, 37–46.

Savatkova A.A. Gornoe narechie mariyskogo yazyka. Savariae, 2002. (In Russ.)

Savatkova A.A. Slovar’ gornomariyskogo yazyka. Yoshkar-Ola, 2008. (In Russ.)

Serebrennikov B.A., Feoktistov A.P., Polyakov O.E. (eds.)
Mokshansko-russkiy slovar'. Moscow, 1998. (In Russ.)

Slovar' mariyskogo yazyka. V 10 t. Ed. *I.S. Galkin*. Yoshkar-Ola, 1990–2005. Online version. [www.marlamuter.org/muter/]
(In Russ.)

Starling — An Etymological Database Project by *S.A. Starostin*.
[<http://starling.rinet.ru/indexru.htm>]

Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., May-sak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *Linguistics*, 2012, 50–3, 633–669.

Кашкин Егор Владимирович
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
Kashkin Egor Vladimirovich
Institute of Russian Language of the Russian Academy of
Sciences
Moscow, Russia
egorkashkin@rambler.ru

Глаголы колебательного движения в горномарийском языке

Verbs of oscillation in the Hill Mari language

Давидюк Т.И.

Davidyuk T.I.

В данной статье исследуется семантическое поле колебательного движения в горномарийском языке; рассматриваются только непереходные глаголы в их прямом значении. Цель настоящего исследования — выявить параметры колебания, которые влияют на выбор той или иной глагольной лексемы в горномарийском языке. Для сравнения привлекается также полученный предшественниками материал по другим уральским языкам.

Ключевые слова: глаголы колебательного движения, лексическая типология, горномарийский язык

This paper investigates the semantic field of oscillation in Hill Mari, with the analysis limited to intransitive verbs in their literal meanings. The purpose of this study is to determine the parameters of oscillation that affect the use of the verbs. The semantic features of oscillation verbs are evaluated from the typological perspective.

Key words: verbs of oscillation, lexical typology, Hill Mari language

1. Введение

Глаголы колебательного движения, к которым, например, относятся русские *качаться*, *колыхаться*, *шататься*, *болтаться* и др., входят в группу глаголов способа движения. Они обозначают циклические движения, производимые сверху вниз или из стороны в сторону, как правило на месте.

Существует немало работ, описывающих данное семантическое поле в языках мира. Глаголам колебательного движения в русском языке посвящена работа Л.В. Ибрагимовой [1982]. Сравнение русских и польских глаголов качания было проведено Е.В. Рахилиной и И.А. Прокофьевой [2005], чья работа опирается на фреймовый подход к лексической типологии (впоследствии использованный и во многих других работах, см. их обзор [Рахилина, Резникова 2013]).¹ Исследование было продолжено Т.В. Велейшиковой [2010], рассмотревшей поведение глаголов колебательного движения в немецком и английском языках. Глаголы колебательного движения вибрационного характера в немецком и русском языках были описаны в диссертации Л.В. Дворниковой [2011]. Работа М.М. Шапиро [2013] посвящена типологии глаголов рассматриваемого нами семантического поля и содержит информацию по следующим языкам: финскому, коми-зырянскому (ижемский диалект), ненецкому, корейскому, японскому, французскому и итальянскому. Кроме того, в этой работе исследуются метафорические переносы, возможные в системе глаголов колебательного движения. Информация по корейскому языку подробно освещается также в работе Е.Л. Рудницкой [2014]. Данные по уральским языкам систематизированы М.М. Шапиро в более поздней статье [2015]. Система глаголов колебательного движения в одном из тюркских языков, хакасском, описана в диссертации А.Н. Чугуневой [2016: 148–151]. Недавно вышедшая работа В.Н. Соловар [2018] исследует

¹ Фрейм — это простейшая, прототипическая ситуация. В структуре семантической зоны качания можно выделить довольно много фреймов: качание на подвесе, качание по типу кресла-качалки, качание на опоре (дерево), колебание поверхностей, качание по причине деформации и т. д. Заметим, что принятое в Московской лексико-типологической группе понимание фрейма отличается от его канонического определения, применяемого, например, Ч. Филлмором.

систему глаголов рассматриваемого семантического поля в диалектах хантыйского языка и тем самым дополняет более раннюю работу М.М. Шапиро [2010] о тегинском говоре хантыйского языка.

Настоящая статья описывает непереходные глаголы колебательного движения в горномарийском языке (без рассмотрения метафорических употреблений). Ранее система горномарийских глаголов колебания никем не рассматривалась. Материал для данного исследования был собран нами в ходе экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ в 2017–2018 гг. в Горномарийский район Республики Марий Эл (с. Кузнецово, д. Тюманово, Апшак-Пеляк, Никишкино и Кожланангер).² В статье используется фонологическая запись, принятая в экспедиционном проекте.

Информантам давались на перевод предложения из типологической анкеты, описывающие различные ситуации колебания (см. [Шапиро 2013: 121–122]). Кроме того, мы демонстрировали носителям языка несколько взятых из сети Интернет видеозаписей, в которых присутствует колебание какого-либо предмета, и просили описать их с использованием наиболее подходящей лексемы из списка выше. Наконец, мы провели с тремя парами информантов игру в «шляпу»: один человек должен объяснить значение слова на горномарийском языке другому человеку, чтобы тот понял и назвал это слово (об использовании игры в «шляпу» в полевой лингвистике см. также [Усачёва 2017]). Этот способ помогает выявить контексты употреблений, в первую очередь приводимые носителями, которым предъявлена та или иная лексема.

Отличительной особенностью глаголов колебательного движения является отсутствие у них обязательных

² Исследование поддержано грантами РФФИ № 17-04-18036е и № 16-06-00536. Более подробно о лингвистической экспедиции в Горномарийский район см. на сайте <http://hillmari-exp.tilda.ws>.

валентностей на Исходную точку и Конечную точку³, характерных для большинства глаголов движения. Таким образом, при описании глаголов качания внимание следует обращать на субъект движения и различные физические характеристики самого движения. Свойств, характеризующих колебательные движения и оказывающихся важными при выборе той или иной глагольной лексемы в языках мира, обнаруживается довольно много. Наиболее подробно они разобраны в работе М.М. Шапиро [2013], на которую мы в дальнейшем и будем опираться. Среди важных характеристик субъекта колебания стоит выделить, во-первых, его одушевленность или неодушевленность. Также оказывается существенным, является ли объект жестким или нет: колебание каких-либо мягких поверхностей характером движения разительно отличается от колебания жестких предметов. Наконец, может быть важна ориентация объекта в пространстве, место его закрепления к поверхности, является ли он подвешенным или нет. Для качания в целом играют большую роль амплитуда и частота движений. Характер колебательного движения описывается его направленностью (вверх-вниз или из стороны в сторону) и тем, является ли оно равномерным или же, наоборот, беспорядочным. Кроме того, система глаголов колебательного движения в языках мира антропоцентрична, т. е. оказывается важным, является ли качание для субъекта функциональным (качели) или нет (сломанный стул). В середине подобной шкалы оказываются объекты, у которых может наблюдаться качание, не являющееся для них основной функцией и не вызванное какой-либо деформацией. Шкала функциональности, включающая в себя различные топологические типы объектов, представлена в Таблице 1.

³ За исключением единичных случаев вроде *качаться из стороны в сторону*, однако и в этом словосочетании присоединяемые к глаголу зависимые описывают скорее характер движения, а не его целевую направленность, ср. с *приехать из Петербурга в Москву*.

Таблица 1.
Шкала функциональности для объектов колебания
[Шапиро 2013: 20]

+ функция		– функция
маятник, качели, колыбель, человек на качелях	дерево, флаг, занавеска, белье на веревке, подвесной фонарь	стул, мост, зуб, топор на рукоятке, пьяный человек

Такое количество различительных признаков объясняет тот факт, что системы глаголов колебательного движения оказываются достаточно обширными: самые бедные системы имеют минимум четыре лексемы, а в богатых системах насчитывается до пятнадцати единиц [Шапиро 2013: 8]. Горномарийский язык не является исключением: в настоящем исследовании затрагиваются 13 непереходных глагольных лексем. В Таблице 2 представлены рассматриваемые лексемы вместе с их толкованиями, взятыми из словаря А.А. Саватковой [2008]. Два глагола из этого списка, *madaš* и *tärvänä läš*, в основном массиве своих употреблений не связаны с колебательными движениями, однако ниже будет показано, что они могут описывать некоторые ситуации из этой семантической зоны. Также две из представленных лексем, *käčäjältäš* и *šatajaltaš*, заимствованы из русского языка. В составе большинства глаголов из представленного списка присутствует детранзитивный суффикс —*alt-/ -ält-*; переходные варианты этих глаголов существуют в горномарийском языке без указанного суффикса (за исключением глагола *löngältäš*, не имеющего переходных аналогов).

Таблица 2.
Горномарийские лексемы,
описывающие колебательные движения

лексема	словарное описание [Саваткова 2008]
<i>vâ l'gâžaltaš</i>	<i>Выльгыжаш</i> — 1) развеваться, колыхаться; 2) блеснуть
<i>käčäjältäš</i>	качаться
<i>koestältäš</i>	1) волноваться (движение волн на воде), плескаться; 2) колыхаться (о ниве)
<i>lamajaltaš</i>	раскачиваться от чего-л., ломать
<i>lôngältäš</i>	качаться, трестись
<i>lâpšaltaš</i>	1) развеваться, раскачиваться (от ветра), качаться; 2) раскатываться (на скользкой дороге); 3) плескаться (о воде) <i>лыпшаш</i> — 1) хлестать, хлопать, ударять чем-л.; 2) махать (крыльями); 3) биться, плескаться (о волнах)
<i>madaš</i>	1) играть; 2) сыграть во что-л.; 3) забавляться, обращаться легкомысленно; 4) бегать (о глазах, игре света)
<i>mâ l'galtaš</i>	<i>мыльгаш</i> — трестись, шевелиться, шататься
<i>răpšältäš</i>	качаться в чем-л., на чем-л. (<i>напр.</i> в зыбке)
<i>tărvănă läš</i>	двигаться, шевелиться, передвигаться; <i>tărvănăiš</i> — шевельнуться, шелохнуться, передвинуться
<i>šatajaltaš</i>	<i>шăтăйăiš</i> — шататься, болтаться, бродить
<i>că tărăš</i>	1) трестись от чего-л.; 2) дрожать от холода, болезни; 3) трепетать (от страха)
<i>ărzältäš</i>	1) трестись; 2) отряхиваться, отряхнуться, встряхиваться, встряхнуться

В работе [Рахилина, Прокофьева 2005], посвященной русским и польским глаголам колебательного движения, было показано, что системы данного семантического поля

даже в близкородственных языках могут сильно различаться. Так, наиболее интересно расхождение лексем *колыхаться* и *kołysać się*: русский глагол употребляется в настоящее время для описания колебаний мягких объектов (например, *трава колышется*), тогда как его польский когнат с подобными фреймами не используется, описывая любого рода колебания (поверхность, маятник, дерево, люстра и др.), но с небольшой амплитудой. Кроме того, в польском языке существуют такие глаголы качания, аналогов которых в русском языке нет — это *chybotać (się)* и *bujać (się)*. Учитывая подобные различия, мы будем также обращать внимание на работы предшественников, где рассматриваются лексемы данного поля в других уральских языках (это работы М.М. Шапиро [2010; 2013; 2015] и В.Н. Соловар [2018]).

2. Система горномарийских глаголов колебательного движения

2.1 Глагол *m̄ l'galtāš*:

колебание с небольшой амплитудой

Глагол *m̄ l'galtāš* является довольно употребительным в горномарийском языке. Он описывает колебание объектов различных топологических классов: столбов, деревьев, натянутого провода, подвесного фонаря, пламени свечи, лодки на волнах. Однако для данного глагола важна небольшая амплитуда колебания, ср. примеры (1) и (2), где в первом случае предпочтительно употребление заимствованного глагола *käčäjäläs̄*⁴.

⁴ Различия в контекстах употребления русского *качаться* и горномарийского *käčäjäläs̄* на данный момент не обнаружены (в отличие, например, от коми-зырянского языка, где заимствованный глагол *качатчыны* охватывает только фреймы с прототипически качающимися предметами вроде качелей и колыбели) [Шапиро 2015: 43].

- (1) *štorṁâ godâṁ korabl' káčäj-ält-eš/*
 шторм во.время корабль качать-DETR-NPST.3SG
 ??*mâ l'g-alt-eš*
 качать-DETR-NPST.3SG
 'Во время шторма корабль качается'
- (2) *pâš koe-vlä-eš olen káčäjälteš/*
 лодка волна-PL-LAT медленно качать-DETR-NPST.3SG
mâ l'g-alt-eš
 качать-DETR-NPST.3SG
 'Лодка медленно качается на волнах'

2.2 Глагол *lamajaltaš*:

колебание с большой амплитудой

Для описания качания деревьев и других закрепленных сверху или снизу вытянутых объектов с достаточно большой амплитудой используется глагол *lamajaltaš*, см. пример (3), для которого большинство носителей отвергают приемлемость адвербиала *izin* 'немного', предполагающего незначительную амплитуду колебания. В процессе игры в «шляпу» информанты типично связывали этот глагол с ситуацией качания деревьев. Возможно, из-за созвучия⁵ с русским глаголом *ломать*, в употреблении горномарийского *lamajaltaš* в некоторых случаях присутствует идея деструкции (4). Впрочем, этот факт можно также объяснить тем, что данный глагол описывает колебания с большой амплитудой.

- (3) *pušängä/ stolmâ/ l'ustra (??izi-n)*
 дерево/ столб/ люстра маленький-ADV
lamaj-alt-eš
 качать-DETR-NPST.3SG
 'Дерево/ столб/ люстра (??слабо) качается'

⁵ Информации об этимологической связи русского *ломать(ся)* и горномарийского *lamajaltaš* у нас нет.

- (4) *pušängä mardež-eš kogo-n*
 дерево ветер-LAT большой-ADV
lamaj-alt-eš
 качать-DETR-NPST.3SG
 ‘Дерево на ветру сильно качается’
 Комментарий информанта: «вот-вот сломается».

2.3 Способы описания функционального колебания

Для описания функционального колебания (это, например, колебание качелей или маятника) в горномарийском языке, по имеющимся у нас данным, нет специального глагола. В [Шапиро 2013: 22] для исследуемых финно-угорских идиомов отмечается наличие специальных лексем с такой сферой употребления — это *keinua* в финском языке, *pijker-* в ненецком и заимствование *качатчины* в коми-зырянском (см. также [Шапиро 2015]). В горномарийском языке в контекстах, связанных с колебанием качелей и маятника, могут употребляться глаголы *käčäjältäš*, *lamajalataš*, *mä l'galtäš* и в некоторых идиолектах *ärzältäš* (5). В целом для описания движения качелей носители горномарийского языка предпочитают использовать конструкцию с переходным глаголом *madä ktaš*, образованным от глагола *madaš* ‘играть’ с помощью каузативного суффикса (6). При этом непереходный глагол *madaš* не всеми носителями языка воспринимается как глагол колебательного движения, и он нуждается в дальнейших исследованиях.

- (5) *utikä käčäj-ält-eš/ lamaj-alt-eš/*
 качели качать-DETR-NPST.3SG/ качать-DETR-NPST.3SG
mä l'g-alt-eš/
 качать-DETR-NPST.3SG/
 ?*ärz-ält-eš*
 трясти-DETR-NPST.3SG
 ‘Качели качаются’

- (6) *t'et'ä* *utikä-m* *mad-â kt-a*
 ребенок качели-ACC играть-CAUS-NPST.3SG
 'Ребенок раскачивает качели'

2.4 Нефункциональное колебание:

глагол *šatajaltaš*

Контексты с объектами, колебание которых обусловлено потерей функциональности, описываются заимствованным глаголом *šatajaltaš* (7). В целом данный глагол в горномарийском языке употребляется в тех же случаях, что и русский глагол *шататься*. Заимствованный глагол *käčäjältäš* также используется в контекстах, характерных для его русского источника (в отличие, например, от коми-зырянского языка, где заимствованный глагол *качатчины* охватывает только фреймы с прототипически качающимися предметами вроде качелей и колыбели).

- (7) *pü/* *pičä* *šataj-alt-eš*
 зуб/ забор шатать-DETR-NPST.3SG
 'Зуб/ забор шатается'

2.5 Глагол *räpšältäš*: равномерное колебание

Глагол *räpšältäš* описывает равномерное покачивание вверх-вниз. Типичным фреймом для данного глагола является колыбель (8) и лодка на волнах (9), причем в последнем случае поступательное движение может как присутствовать, так и отсутствовать (т. е. лодка может плыть или быть привязанной возле берега). В контекстах, где представлено неравномерное движение (как, например, качание лодки во время шторма) данная лексема не используется (10). Некоторые информанты допускают употребление глагола *räpšältäš* по отношению к горизонтальным качелям. Возможно, данный горномарийский глагол может быть связан с хантыйским глаголом *räpsemäti*, описывающим как раз качание подвешенных предметов.

Исходно хантыйская лексема обозначала, судя по всему, звук, издаваемый при колебании объектов на подвесе [Шапиро 2010: 179; Соловар 2018: 304], однако, по нашим сведениям, у носителей горномарийского языка не возникает никаких звуковых ассоциаций с глаголом *rəpšältäš*.

- (8) *šipkă* *rəpš-ält-eš*
 колыбель качать-DETR-NPST.3SG
 ‘Колыбель качается’
- (9) *pâš* *koe-vlä-eš* *rəpš-ält-eš*
 лодка волна-PL-LAT качать-DETR-NPST.3SG
 ‘Лодка на волнах качается’
- (10) *šstormâ* *godâm* *pâš* *käčäj-ält-eš/*
 шторм во.время лодка качать-DETR-NPST.3SG
 **rəpš-ält-eš*
 качать-DETR-NPST.3SG
 ‘Во время шторма лодка качается’

2.6 Глаголы *koeštältäš* и *vê l'gâ žaltaš*: колебание мягких поверхностей

Колебание мягких горизонтальных поверхностей вроде поля или водоема описывается глаголом *koeštältäš*, образованным от слова *koe* ‘волна’ (11). Некоторые информанты используют этот глагол также для колебания больших фрагментов ткани, см. (12)–(13), где в последнем примере лексема *koeštältäš* невозможна, так как поверхность платка намного меньше поверхности флага, из-за чего волны на ней являются не такими заметными. Заметим, что глагольные образования от слов со значением ‘волна’, которые описывают волнообразные движения какой-либо поверхности, не редкость в языках мира, ср. рус. *волноваться*, англ. *waver*, фин. *aaltoilla* [Шапиро 2015: 36–37], коми-зыр. *вальёоны* [Шапиро 2015: 42].

- (11) *vă d/ nâr koešt-ält-eš*
 вода/ поле колыхать-DETR-NPST.3SG
 ‘Вода/ поле волнуется’
- (12) *mardež-eš kogo flag*
 ветер-LAT большой флаг
koešt-ält-eš
 колыхать-DETR-NPST.3SG
 ‘На ветру большой флаг колышется’
- (13) *mardež-eš savâc vâ l'gâž-ält-eš/*
 ветер-LAT платок колыхать-DETR-NPST.3SG
 **koešt-ält-eš*
 колыхать-DETR-NPST.3SG
 ‘На ветру платок колышется’

Другой глагол, используемый для мягких объектов, — *vâ l'gâžaltaš*. Он описывает волнообразные движения какой-либо ткани (14), но запрещается информантами в контекстах, связанных с полем и водоемом (15). Во время игры в «шляпу» носители языка объясняли *vâ l'gâžaltaš* как слово, описывающее колебания флага и платка. Возможно, данный глагол связан с глаголом *vâ l'gâžas* ‘блестеть’, так как многие носители горномарийского языка часто описывали колебание тканей как нечто блестящее, утверждая, что во время колебания поверхность ткани неким образом блестит, переливается, меняет цвет в некоторых своих частях. Также в горномарийском языке существует звукоподражательное слово *vâ l'ge* ‘о шелесте (листьев)’, однако на данный момент неясно, как оно может соотноситься с рассматриваемым глаголом.

- (14) *savâc/ flag mardež-eš vâ l'gâž-ält-eš*
 платок/ флаг ветер-LAT колыхать-DETR-NPST.3SG
 ‘Платок/ флаг на ветру колышется’

- (15) *nâr* *koešt-ält-eš/* **vâ l'gâž-alt-eš*
 поле колыхать-DETR-NPST.3SG колыхать-DETR-NPST.3SG
 'Поле колышется'

Таким образом, в горномарийском языке по-разному лексикализуется колебание мягких горизонтальных и вертикальных поверхностей. Подобное лексическое разграничение присутствует и в финском языке. В нем глаголы *lainehtia* и *aaltoilla* описывают поверхности воды и поля, а глаголы *liehua* и *hulmuta* используются для описания колебаний мягких вертикальных поверхностей (флаг и занавески), а также гибких стеблей (водоросли, камыши, волосы) [Шапиро 2015: 36–37]. Такое же разделение прослеживается в немецком языке, где глагол *schwingen* употребляется, в частности, при колебании мягких горизонтальных поверхностей, а глагол *schaukeln* — при колебании мягких вертикальных поверхностей [Велейшикова 2010: 57]. Особый глагол, выделяющий колебание мягких горизонтальных поверхностей, отмечается также в коми-зырянском языке — это уже упоминавшийся здесь глагол *валъёоны* [Шапиро 2015: 42]. В ненецком языке есть глагол с основой *lâbna-*, употребляющийся по отношению к мягким вертикальным поверхностям [Шапиро 2015: 46]. В тегинском говоре хантыйского языка, судя по всему, доминирующий глагол *ǰwälti* объединяет фреймы мягких горизонтальных и вертикальных объектов (так же ведет себя и русский глагол *колышаться*) [Шапиро 2010].

2.7 Глагол *lõngältäš*: колебание в процессе езды

Глагол *lõngältäš*, который известен не всем опрошенным носителям, также связан с зоной дрожания. Образован он от существительного *lõngä* 'ухаб (на дороге)' и обозначает тряску при езде по плохой дороге (16) или на лошади (17). Колебания, производимые лодкой, видимо, обладают слишком маленькой частотой и, тем самым, не могут описываться

рассматриваемым глаголом (18). В контекстах, где употребляется *löngältäš*, обязательно должно присутствовать поступательное движение (19).

- (16) *mašinä löng-ält-eš*
 машина трястись-DETR-NPST.3SG
 ‘Машина трясется’
- (17) *mān’ imn’i-eš löng-ält-∅*
 я лошадь-LAT трястись-DETR-CVB
kā dal-am
 ехать-NPST.1SG
 ‘Я еду, трясутся на лошади.’
- (18) **pāš löng-ält-eš*
 лодка трястись-DETR-NPST.3SG
 ‘Лодка трясется’
- (19) *mašinä-štä motor ärz-ält-eš/*
 машина-IN мотор дрожать-DETR-NPST.3SG
**löng-ält-eš*
 трястись-DETR-NPST.3SG
 ‘Двигатель в машине трясется’

2.8 Глагол *lāpšaltaš*: нефункциональное колебание при направленном движении

В горномарийском языке есть ещё один глагол, для которого важно наличие направленного движения — это *lāpšaltaš*, образованный от *lāpšaš* ‘бить, махать’ (о глаголах стука и удара в горномарийском языке см. подробнее [Студеникина 2017]). Глагол *lāpšaltaš* используется для обозначения ходьбы пьяного или больного человека или любого другого больного живого существа (20)–(21). Шатание пьяного человека без направленного движения обозначается упомянутым выше глаголом *mā l’galtaš* (22). Он же описывает переваливающуюся

походку здоровых животных (23). Заметим, что одно из значений переходного глагола *lâpš-aš* также связано с колебательными движениями: этот глагол описывает взмахи крыльев птицы (24).

- (20) *jükšä edem lâpš-alt-Ø*
 пьяный человек бить-DETR-CVB
ašked-eš
 идти-NPST.3SG
 ‘Пьяный человек, шатаюсь, идёт’
- (21) *xvoroj/ *zdorova lâ dâ lâpš-alt-Ø*
 больной здоровый утка бить-DETR-CVB
ašked-eš
 идти-NPST.3SG
 ‘Больная/ *здоровая утка, шатаюсь, идёт’
- (22) *jükšä edem mâ l'g-alt-Ø/ *lâpš-alt-Ø*
 пьяный человек качать-DETR-CVB бить-DETR-CVB
šalg-a
 стоять-NPST.3SG
 ‘Пьяный человек стоит, шатаюсь’
- (23) *pingvin mâ l'g-alt-Ø/ *lâpš-alt-Ø*
 пингвин качать-DETR-CONV бить-DETR-CVB
ašked-eš
 идти-NPST.3SG
 ‘Пингвин идет, переваливаясь’
- (24) *kek šâ ldâr-žâ-m lâpš-a*
 птица крыло-POSS.3SG-ACC бить-NPST.3SG
 ‘Птица машет крыльями’
 [Студеникина 2017: 192]

2.9 Глаголы *ä rzältäš*, *cä täräš*, *tärvänä läš*: колебание со сверхмалой амплитудой

Основное значение глагола *tärvänä läš* — ‘двигаться, шевелиться’ (см. Таблицу 2), однако он обозначает и колебание листьев на деревьях (с небольшой амплитудой и скоростью) и волос (25). Коми-зырянский глагол *vörny*, исходным значением которого является ‘шевелиться’, также используется для описания колебаний с небольшой амплитудой, но сочетается он с наименованием большего количества объектов [Шапиро 2015: 40]. Подобным образом обстоит ситуация и с глаголом *нухаты* из казымского диалекта хантыйского языка (или *нохаты* из шурышкарского диалекта [Соловар 2018: 304–305]).

(25) <i>ä läštäš-vlä/</i>	<i>üp-vlä</i>	<i>mardež-eš</i>
лист-PL/	волос-PL	ветер-LAT
<i>tärvän-äl-ät</i>		
шевелиться-SEM-NPST.3PL		
‘Листья/ волосы на ветру колышутся’		

Глаголы *ä rzältäš* и *cä täräš* обозначают колебания со сверхмалой амплитудой и высокой скоростью и относятся скорее к семантической зоне дрожания, которая, как правило, не рассматривается с глаголами колебательного движения (см. [Рахилина, Прокофьева 2005], [Шапиро 2013]). Данные глаголы различаются по одушевленности или неодушевленности совершающего движения объекта: дрожь живых существ может быть описана только лексемой *cä täräš* (26), а подобные движения неодушевленных предметов описываются как глаголом *ä rzältäš*, так и глаголом *cä täräš* (27)–(29). Два глагола семантической зоны дрожания в хантыйском языке, *торыты* и *овиты* [Соловар 2018: 305], судя по всему, также различаются по (не)одушевленности объекта движения: первый глагол связан с колебаниями живых и неживых объектов, тогда как второй глагол ограничивается только неживыми

предметами. В работе Л.В. Дворниковой [2011] для немецких глаголов колебательного движения вибрационного характера тоже отмечается фактор (не)одушевленности объектов.

- (26) *män' lüd-mä gäc cätär-em/*
 я страх-NMLZ EL дрожать-NPST.1SG
**ärz-ält-äm*
 трясти-DETR-NPST.1SG
 'Я дрожу от страха'

- (27) *miskä-štä lem šol-eš dä*
 кастрюля-IN суп кипеть-NPST.3SG и
leväš-äžä cätär-ä/
 крыша-POSS.3SG дрожать-NPST.3SG
ärz-ält-eš⁶
 трясти-DETR-NPST.3SG
 'В кастрюле суп кипит, и крышка дрожит'

- (28) *älštäs-vlä mardež-eš ärz-ält-ät*
 лист-PL ветер-LAT трясти-DETR-NPST.3SG
 'Листья на ветру дрожат'

- (29) *pušängä ärz-ält-eš*
 дерево трясти-DETR-NPST.3SG
 'Деревья дрожат'
 Комментарий информанта: «как будто поезд рядом прошел».

3. Итоги

В статье были рассмотрены непереходные горномарийские глаголы колебательного движения. Выявлен набор семантических параметров, по которым противопоставлены лексемы поля.

⁶ Разница между двумя глаголами в данном предложении пока не выяснена.

Значимой в горномарийском языке оказывается амплитуда колебания: глагол *mâ l'galtas̄* связан с небольшими колебаниями, а глагол *lamajaltaš* описывает колебания с большой амплитудой. Этот параметр колебательных движений довольно часто оказывается различительным в паре глаголов, ср. англ. *swing vs. dangle*, нем. *schwingen vs. pendeln* [Велейшикова 2010], пол. *kiwać się vs. huścić się* [Рахилина, Прокофьева 2005]. В коми-зырянском языке также существует специальный глагол для обозначения движений с небольшой амплитудой — *vörnъ* [Шапиро 2015: 40].

Для равномерного колебания вверх-вниз существует специальный глагол *răpšältäs̄*, который охватывает фреймы, связанные с колебанием люльки и горизонтальных качелей. Финский глагол *keinua* и ненецкий глагол *piŋker-* также описывают колебание люльки, однако они описывают и вертикальные качели, в отличие от горномарийского глагола.

Горномарийский язык обособляет движение мягких поверхностей: для горизонтальных используется глагол *koeštältäs̄*, а для вертикальных — *vâ l'gâžaltaš*, что встречается и в других уральских языках.

Интересно, что специального глагола для колебаний прототипически качающихся объектов в горномарийском языке, по имеющимся данным, нет, хотя в других уральских языках, затронутых в предыдущих исследованиях, такой глагол имеется [Шапиро 2013: 22]. Обычно в контексте с качелями носители языка предпочитают конструкцию с переходным глаголом *madâ ktaš* (< *madaš* 'играть').

Также в горномарийском языке нет исконного глагола, покрывающего широкий класс контекстов с нефункциональным колебанием, — они описываются заимствованным глаголом *šatajaltaš*. Однако в данной семантической зоне выделяется глагол *lâpšaltaš*, обозначающий походку пьяного или нездорового живого существа.

Для описания колебательных движений со сверхмалой амплитудой в горномарийском языке существует три глагола:

ärzältäš, cä täräš и *tärvänä läš*. Употребление первых двух зависит от одушевленности или неодушевленности колеблющегося объекта; фактор (не)одушевленности объекта колебательного движения вибрационного характера действительно может играть роль при выборе того или иного глагола данного семантического поля [Дворникова 2011]. Глагол *tärvänä läš* с основным значением ‘двигаться, шевелиться’ обозначает колебание листьев и волос; глагол с таким же основным значением, но входящий в зону колебательного движения, зафиксирован и в коми-зырянском языке [Шапиро 2015]. С зоной дрожания оказывается также связан глагол *löngältäš*, который обозначает тряску при езде.

Список сокращений

- ACC — аккузатив
ADV — адвербиализатор
CAUS — каузатив
CVB — конверб
DETR — непереходность
EL — элатив
IN — инессив
LAT — латив
NMLZ — номинализация
NPST — непрошедшее время
PL — множественное число
POSS — посессивность
SEM — семельфактив
SG — единственное число

Библиография

Велейшикова Т.В. Глаголы колебания: семантика и типология (на материале германских и славянских языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010, 7(97), 55–60.

Дворникова Л.В. Семантика и типология русских и немецких глаголов колебательного движения вибрационного характера // Вестник Московского государственного областного университета. 2011, 1, 165–171.

Ибрагимова Л.В. Семантические классы глаголов колебательного и вращательного движения в русском языке // Исследования по семантике. Уфа, 1982, 66–74.

Рахилина Е.В., Прокофьева И.А. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // В.Н. Топоров (ред.) Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой. Москва, 2005, 304–314.

Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013, 2, 3–31.

Рудницкая Е.Л. Глаголы колебательного движения в корейском языке // Вестник российского корееведения. 2014, 6, 141–153.

Саваткова А.А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола, 2008.

Соловар В.Н. Глаголы колебательного движения в лексико-семантической системе хантыйского языка // Вестник угроведения. 2018, 2, 301–308.

Студеникина К.А. Глаголы стука и удара в горномарийском языке // Проблемы компьютерной лингвистики и типологии. Воронеж, 2017, 186–193.

Усачёва М.Н. Эксперименты в поле: опыт описания пермских языков. Тезисы и материалы конференции «Малые языки в большой лингвистике». Москва, 2017.

Чугунцова А.Н. Категория пространства в хакасском языке (в сравнительно-типологическом аспекте) (дисс. на соискание уч. ст. д. ф. н.). Абакан, 2016.

Шапиро М.М. Семантика глаголов колебательного движения в тегинском говоре хантыйского языка // Материалы Седьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 2010, 176–180.

Шапиро М.М. Глаголы колебательного движения в типологической перспективе (дипломная работа). Москва, 2013.

Шапиро М.М. Глаголы колебательного движения в уральских языках (на материале финского, коми-зырянского и ненецкого языков): семантика и типология // Урало-алтайские исследования, 2015, 1 (16), 29–52.

References

Chugunekova A.N. Kategoriya prostranstva v khakasskom yazyke (v sravnitel'no-tipologicheskom aspekte). PhD Dissertation. Abakan, 2016. (In Russ.)

Dvornikova L.V. Semantika i tipologiya russkikh i nemetskikh glagolov kolebatel'nogo dvizheniya vibratsionnogo kharaktera // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2011, 1, 165–171. (In Russ.)

Ibragimova L.V. Semanticheskie klassy glagolov kolebatel'nogo i vrashchatel'nogo dvizheniya v russkom yazyke // Issledovaniya po semantike. Ufa, 1982, 66–74. (In Russ.)

Rakhilina E.V., Prokof'eva I.A. Russkie i pol'skie glagoly kolebatel'nogo dvizheniya: semantika i tipologiya // *V.N. Toporov* (red.) Yazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik statey k 70-letiyu T.M. Nikolaevoy. Moscow, 2005, 304–314. (In Russ.)

Rakhilina E.V., Reznikova T.I. Freymovy podkhod k leksicheskoy tipologii // Voprosy yazykoznaniya. 2013, 2, 3–31. (In Russ.)

Rudnitskaya E.L. Glagoly kolebatel'nogo dvizheniya v koreyskom yazyke // Vestnik rossiyskogo koreevedeniya. 2014, 6, 141–153. (In Russ.)

Savatkova A.A. Slovar' gornomariyskogo yazyka. Yoshkar-Ola, 2008. (In Russ.)

Shapiro M.M. Glagoly kolebatel'nogo dvizheniya v tipologicheskoy perspektive (diplomnaya rabota). Moscow, 2013. (In Russ.)

Shapiro M.M. Glagoly kolebatel'nogo dvizheniya v ural'skikh yazykakh (na materiale finskogo, komi-zyryanskogo i nenetskogo yazykov): semantika i tipologiya // Uralo-altayskie issledovaniya, 2015, 1 (16), 29–52. (In Russ.)

Shapiro M.M. Semantika glagolov kolebatel'nogo dvizheniya v teginskom govore khantyyskogo yazyka // Materialy Sed'moy konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovately. St. Petersburg, 2010, 176–180. (In Russ.)

Solovar V.N. Glagoly kolebatel'nogo dvizheniya v leksiko-semanticheskoy sisteme khantyyskogo yazyka // Vestnik ugrovedeniya. 2018, 2, 301–308. (In Russ.)

Studenikina K.A. Glagoly stuka i udara v gornomariyskom yazyke // Problemy komp'yuternoy lingvistiki i tipologii. Voronezh, 2017, 186–193. (In Russ.)

Usacheva M.N. Eksperimenty v pole: opyt opisaniya perm-skikh yazykov. Tezisy i materialy konferentsii «Malye yazyki v bol'shoy lingvistike». Moscow, 2017. (In Russ.)

Veleyshikova T.V. Glagoly kolebaniya: semantika i tipologiya (na materiale germanskikh i slavyanskikh yazykov) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2010, 7(97), 55–60. (In Russ.)

Давидюк Татьяна Игоревна
МГУ им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
Davidyuk Tatiana Igorevna
Moscow State University
Moscow, Russia
rachekit@yandex.ru

***Краткий обзор переводов Библии
на калмыцкий язык***
A brief overview of Kalmyk Bible translations

Кондаков А.П.

Kondakov A.P.

В статье представлен краткий обзор известных на данный момент переводов Библии на калмыцкий язык, выполненных в период с XVIII в. по настоящее время. Рассмотрены главные особенности ранних и современных переводов, переводческие стратегии, некоторые ключевые термины, способы передачи библейских имен собственных и географических названий, а также влияние переводов на развитие калмыцкого языка.

Ключевые слова: Библия, перевод, переводчики, калмыцкий язык, *тодо бичиг*, ключевые библейские термины, архаизмы, заимствования, неологизмы, имена собственные, географические названия

The paper presents a brief overview of currently known translations of the Bible into the Kalmyk language, beginning from the 18th century to the present. It deals with the main features of the early and new translations, translation strategies, some key terms, rendering of proper names and geographical names, and the influence of Bible translation on the development of the Kalmyk language.

Key words: Bible translation, translators, Kalmyk language, *todo bichig*, key biblical terms, archaisms, borrowings, neologisms, proper names, geographical names

1. Введение

Калмыцкий язык (самоназвание *хальмг келн*, код ISO 639-3: *hal*) принадлежит к монгольской языковой семье и в настоящее время является национальным языком калмыков, проживающих на юге европейской части России. Он тесно связан с языком ойратов северо-западного Китая и западной Монголии — территорий, являющихся исторической родиной калмыков.

Перемещение калмыков-ойратов из Джунгарии в сибирские пределы России и далее на Нижнюю Волгу и в Северный Прикаспий началось с конца XVI в. в силу различных социально-экономических и политических причин. Установление контактов калмыков с русскими шло постепенно, возникали между ними и конфликты. Тем не менее, и у русского правительства, и у калмыков были веские причины для установления обоюдных торгово-экономических и политических связей: России было необходимо обеспечение мира на границах, а калмыки, в свою очередь, были глубоко заинтересованы в союзе «с русским централизованным, сильным государством» [Эрдниев 1985]. Так было положено начало процессу вхождения калмыков в состав Русского царства, который завершился в XVII в.

Основной религией современных калмыков является тибетский буддизм (*шар шажн* или «желтая вера»). Несмотря на то что первое знакомство ойратов с буддизмом произошло еще, возможно, в XIII в., массовое распространение этой религии среди них началось не ранее конца XVI – начала XVII вв. Добуддийские верования калмыков (*хар шажн* или «черная вера») прошли несколько стадий развития: анимизм, тотемизм и шаманизм [Бакаева 1994]. Отдельные элементы этих верований в обрядности калмыков сохранились и по сей день [Бакаева 2003]. Кроме того, некоторая часть калмыков исповедует христианство, представленное православием и протестантизмом. Нельзя также исключить возможность

более ранних контактов ойратов с христианами-несториянами (начиная с XI в.) и первыми католическими миссиями при хане Хубилае в конце XIII в. [Церинг 2011].

На калмыцком языке существует многовековая литература, включающая в себя эпические сказания, исторические хроники, фольклорные произведения и переводы индо-тибетских буддийских произведений. Перевод Библии также оставил свой глубокий след в письменной истории калмыцкого языка. Данная статья представляет собой небольшой обзор всех известных нам переводов — от ранних до современных, а также рассказывает о ключевых личностях, благодаря которым переводы появились. Кроме того, в статье обсуждаются особенности данных переводов, принципы выбора библейских терминов, написания имен собственных и географических названий, а также влияние, которые они оказали на сохранение и развитие письменного калмыцкого языка.

2. История ранних калмыцких переводов

Самые ранние попытки перевода христианских текстов на калмыцкий язык датируются началом XVIII в. Одним из первых переводчиков был иеромонах Никодим (Ленкеевич), отправленный в 1725 г. для миссионерской деятельности в калмыцкую степь. Он тесно общался с новокрещеным калмыцким князем Петром Тайшиным (до крещения тайша Бакдасай-Дорджи). Никодим перевел на калмыцкий язык Молитву Господню, Символ веры и Десять заповедей с комментариями [Православная энциклопедия].

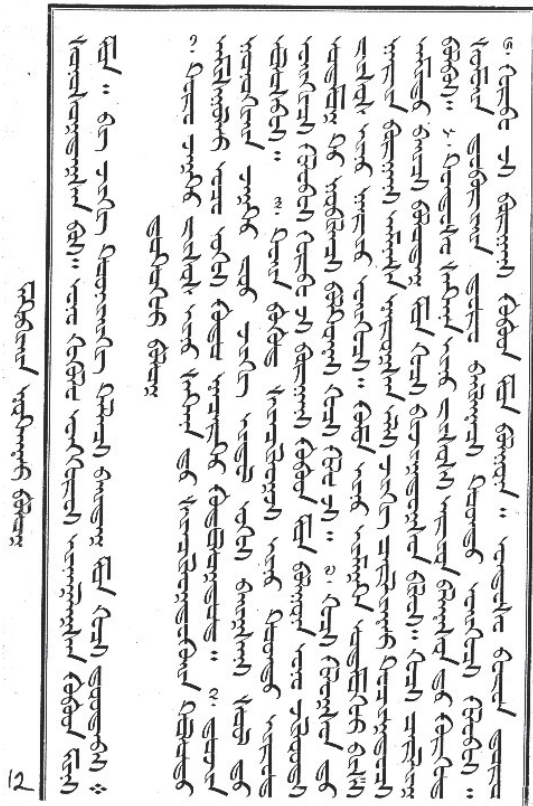
Около 1737 г. крещеному калмыку Ивану Кондакову, служившему еще при покойном Петре Тайшине, было поручено перевести на калмыцкий язык Новый Завет и Символ веры. Его переводы так же, как и переводы Никодима, по-видимому, не сохранились [Шуграева 2011; Полное собрание законов Российской Империи 1737–1739].

В 1765 г. моравские братья (гернгутеры) основали колонию Сарепта к югу от Царицына с целью проповеди Евангелия среди кочевых и горских народов юго-востока России. Некоторые из них хорошо изучили калмыцкий язык, а брат Й. Мач (J. Matsch) даже перевел отдельные части Евангелия [Bawden 1980: 74]. Эти переводы, по-видимому, не сохранились. После его смерти работу над переводом продолжил Конрад Нейтц (Konrad Neitz), который к тому времени хорошо изучил язык и быт калмыков [Rosén 2008–2009; Баянова 2016]. Из его переводов сохранилась молитва «Отче наш», записанная на латинице с надстрочным переводом на немецкий язык и опубликованная в 1806 г. в труде И.К. Аделунга «Митридат, или Всеобщее языкознание». Текст латиницы, вероятно, является транскрипцией изначального варианта, записанного на используемом в то время особом вертикальном письме *тодо бичиг*, т. е. «ясном письме».¹

В начале XIX в. русский и немецкий ученый Исаак Якоб Шмидт начал перевод Евангелий и в 1815 г. в Санкт-Петербурге опубликовал Евангелие от Матфея. Это была первая печатная книга на калмыцком языке. Остальные Евангелия и Деяния апостолов были опубликованы к 1821 г., а полностью Новый Завет вышел в свет в 1827 г. [Брокгауз и Ефрон 1890–1907].

В период с 1819 по 1823 гг. в Сарепте трудился шведский миссионер Корнелиус Рамн (Cornelius Rahmn). Имея отличную лингвистическую подготовку, он за короткое время освоил калмыцкий язык и начал переводить на него Библию. Однако объем его переводов и их местонахождение неизвестны. Работая над переводом Библии, Рамн составил словарь, словарь и грамматику калмыцкого языка, рукописи которых в настоящее время хранятся в библиотеке Университета Упсалы [Баянова 2016; Svantesson 2009].

¹ Оригинальная ойратская письменность *тодо бичиг* была создана в XVII в. буддийским монахом по имени Зая Пандита на основе старомонгольского письма, которое, в свою очередь, восходит к древнему сирийскому письму (через уйгурское и согдийское).

Страница из Евангелия от Матфея в переводе А.М. Позднеева

В середине XIX в. над переводами христианских текстов трудился священник Пармен Смирнов. Проживая среди калмыков, он изучил их язык и письменность и перевел основные христианские молитвы, евангельские чтения и Житие святого Николая Чудотворца. Тексты, написанные рукой этого миссионера, сохранились в Калмыцком республиканском музее [Православие в Калмыкии].

В 1880 г. над переводом Нового Завета трудились профессор Санкт-Петербургского университета Алексей Матвеевич Позднеев и вышеупомянутый священник Пармен Смирнов.

Уже в 1887 г. было издано переведенное Четвероевангелие. После смерти Смирнова профессору Позднееву оказывал помощь в переводе Дорджи-Джап Кутузов — преподаватель Санкт-Петербургского университета, который к тому же являлся носителем языка. Полностью Новый Завет был напечатан в 1895 г. при поддержке Британского и Иностранного Библейского Общества. Данный перевод выполнен «съ греческаго подлинника», как заявлено на титульной странице издания, и напечатан на старокалмыцком письме.

Еще одним переводчиком XIX в. был Иван Шигиденов — крещеный калмык и миссионер. Он работал учителем калмыцкого языка в селе Большая Джалга Ставропольской губернии и перевел 19 глав из Евангелия от Матфея.

В Синьцзяне (Китай) над переводом Библии на ойрат-калмыцкий язык трудился некто Перси Мейдер (Percy Mather). Впрочем, неизвестно, сохранились ли его работы до нашего времени или были утеряны.

3. Особенности ранних переводов

Для ранних переводов Библии на калмыцкий язык характерны следующие черты: они используют вертикальное письмо *тодо бичиг*; в них присутствуют архаизмы, слова высокого стиля, заимствования из монгольского, тибетского языков и санскрита, архаичные грамматические формы.

Ниже приводятся ключевые лексемы, которые встречаются в ранних переводах:

*жѣбхулаң*² (от монг. *жавхлан*) — слава;

мангалам (от санскр. «блаженство, счастье; пожелание благословения») — в завершение молитвы, «аминь»;

огторьои — в смысле «небо»; в настоящее время современная форма этого слова *оьтрьу* чаще

² Здесь и далее калмыцкие термины приведены в транскрипции с письма *тодо бичиг* и с латиницы.

означает «гром», а для обозначения понятия «небо» обычно используется слово *теңср*;
өдөгө (соврем. *өдгә*) — «этот, нынешний, настоящий»;
соирхо (от *сойрх* — «соблаговолить») — в почтительном обращении к Богу;
судур (соврем. *судр*, от санскр. *сутра*) — книга религиозного содержания, писание;
таалал (соврем. *таал*) — «воля», «благоволение»; иногда под этим же значением используется слово *дуран* (соврем. *дурн* — «желание, стремление; любовь»);
тежили (соврем. *тежэл*) — «пища, питание» (соврем. *хот*);
тогтоол (от *тогтах* «устанавливать, учреждать») — «завет» (в смысле «договор»).

Целый ряд библейских терминов перешел в калмыцкий язык из греческого и еврейского языков посредством прямого транскрибирования и/или частичной адаптации с очевидным использованием русских форм, например:

аңгил — ангел (от греч. *ἄγγελος*);
апостол — апостол (от греч. *ἀπόστολος*);
баптислх — крестить в воде (от греч. *βαπτίζω*);
киристос — Христос (от греч. *Χριστός*);
эваңгели — Евангелие (от греч. *εὐαγγέλιον*);
пропид — пророк (от греч. *προφήτης*);
сатанаа — сатана (греч. *Σατανᾶς*, евр. *שָׂטָן*).

В то же время многие термины были взяты из живого калмыцкого языка, переосмыслены и использованы уже в новом, христианском контексте:

барица — в буддизме: подношение духовному лицу
→ дар, жертва Богу;
лам — буддийский лама → иудейский священник;
Эзен — господин → Господь;
эрлиг — владыка подземного царства → дьявол.

Во многих случаях были созданы неологизмы с использованием уже имеющихся в калмыцком языке и культуре понятий:

Бурхани көбөөн ('бога сын') — Сын Божий;
Бурхани төлгө ('бога ягненок') — Агнец Божий;
зугеер хаиран ('даром милость') — благодать
ном заагчи ('учение → наставник') — книжник;
тонильагчи — Спаситель;
хамуг аха лам ('самый старший священник') —
первосвященник.

В передаче имен собственных не наблюдается определенной последовательности: хотя большинство из них так или иначе адаптировано к калмыцкому произношению, например: *Йаков, Йуда, Пилиб* (т.е. *Филипп*), в то же время в них явно просматриваются тенденции то к славянским вариантам: *Аңдри, Витлийем, Матний, Иирод, Йосиб*, то к западноевропейским: *Абраһам, Йоһаан, Паавул, Петер, Тхума* (т.е. *Фома*).

4. Современные калмыцкие переводы

В советское время переводческая работа не велась, и только в конце XX в., снова возникает интерес к переводу Священного Писания на уже современный калмыцкий язык. Следует отметить, что к этому времени старокалмыцкая письменность уже давно была заменена на кириллицу и сам язык претерпел определенные изменения.

Первой переводческой работой новой эпохи стали два иллюстрированных тома «Библейских рассказов для самых маленьких»: «Хуучна Герэсн» («Ветхий Завет») и «Шин Герэсн» («Новый Завет»), переведенные Н.Б. Авяшкиевой и выпущенные издательством «Свет на Востоке» в 1994 г. В данных изданиях библейские имена собственные и географические названия ориентированы на русский Синодальный перевод.

С начала 1990-х гг. работу по переводу Библии на калмыцкий язык ведет Институт перевода Библии (ИПБ). Первым вышло в свет переведенное Ольгой Саломовой (Салмин Ольгой) Евангелие от Луки («Лукан Сэн Зэңг», 1996 г.). В этот же период времени ИПБ издает Детскую Библию («Бичкдүдин Библь», 1998 г.), переведенную также О. Саломовой.

Большим событием стало появление в 2002 г. полного Нового Завета «Шин Бооцан». Над большей частью книги работала народный поэт Калмыкии Вера Шуграева (Шугран Вера) вместе с другими членами переводческой группы. Книга разошлась по религиозным организациям и частным лицам, оказалась в библиотеках и учебных заведениях республики. Позже весь текст книги «Шин Бооцан» был озвучен профессиональными актерами и записан на компакт-диске.

После завершения перевода Нового Завета были начата работа по переводу ветхозаветных книг. Первым изданием стали книги Бытие и Руфь («Хуучн Бооцанас. Эклц. Рут») в 2005 г., затем вышла Псалтирь («Псалмс») в 2006 г., а потом Притчи («Цецн селвгүд») в 2013 г. После этого появилась нужда в пересмотре и переиздании Детской Библии. В 2015 г. на калмыцком языке появился ее сокращенный вариант «Библин келвмүд» («Библейские рассказы»). Была также сделана аудиозапись этого издания.

В настоящее время продолжается перевод других ветхозаветных книг. В переводе участвуют две переводчицы и рабочая группа с частично обновленным составом. В 2018 г. вышло издание трех книг в одном томе: Иова, Экклезиаста и Песни Песней. Готовы к печати книги Ионы, Эсфирь, Исход, переведена книга Иисуса Навина, ведется работа над книгами Левит, Числа и Судей. Ожидается, что со временем появится первая в истории полная Библия на калмыцком языке.

5. Особенности современных переводов

Новые переводы библейских книг выполнены на современном калмыцком языке, на кириллице, с минимальным добавлением заимствованных слов. Передача имен собственных и географических названий ориентирована на языки оригинала, например: *Мирьям, Моав, Моше, Ниневе, Песах, Шаул, Шимон*. В то же время широко применяется адаптация, необходимая для калмыцкого произношения, например при написании таких имен как Филипп буква «ф» заменяется на «п» — *Пилип*, так как фонема [f] не встречается в исконно калмыцких словах. Сочетания «и краткого» с последующей гласной нередко представлены одним символом: *Яков* (не *Йаков*), *Ерусалим* (не *Йерусалим*). Однако в некоторых случаях сохранено написание из двух символов: *Йемима, Йов, Йордан*. Некоторые имена и названия, хорошо знакомые широкому кругу читателей, сохраняют русское или близкое к русскому написание, например: *Андрей, Исус Христос, Соломон*.

Новый Завет («Шин Бооцан») переведен с критических изданий греческого текста, а переводы ветхозаветных книг ориентированы на еврейский масоретский текст. Другие варианты текста, например Септуагинта, учитываются в случаях, когда имеется текстологическая проблема или смысл оригинального текста не вполне ясен. В подобных случаях также допускаются конъектуры, но при этом оформляются объяснительные сноски.

В современном переводе были пересмотрены некоторые ключевые термины и был сделан выбор, отличающийся от выбора терминов ранних переводов. Так, для обозначения понятий «спасение», «Спаситель» используется глагол *аврх*, а не *тоньлх* (эти глаголы синонимичны); «завет» переводится словом *бооцан* («договор, соглашение»), а не *тогтоол* («установление, учреждение»); «священник» — *гелң*, а не *лам*; «первосвященник» — *ах гелң* («старший священник»), а не *хамуг аха лам* («самый старший священник»); «агнец

Божий» — *Бурхна хурьн*, а не *Бурхани төлгө* (синонимичные понятия).

Для передачи библейских терминов в современных переводах чаще, чем в ранних, используются калмыцкие эквиваленты и неологизмы, например *элдэч* («пророк») вместо *пропид*; *Бурхна элч* («Божий вестник») вместо *аңгил*; *Сэн Зэңг* («добрая весть») вместо *эваңгели*. При этом некоторые трудные для перевода понятия заимствуются из библейских языков или русского: *апостол*, *евнух*, *сад*.

При наличии в калмыцком языке традиционных мер длины, веса или объема, соответствующих библейским, предпочтение отдается первым: «локоть» — *тоха*, «пядь» — *сэм*. Согласно новой концепции перевода Библии на калмыцкий язык, сохранение числового значения при передаче мер и весов является важным, поэтому при отсутствии калмыцких эквивалентов транскрибируются еврейские и греческие слова: *гин*, *омер*, *талант* и при этом оформляется пояснительная сноска. В исключительных случаях применяется адаптация, например в калмыцком языке нет понятия «пара», поэтому в таких местах как Лк 14:19, Иов 1:3 и 42:12 приходилось переводить пары в единичные цифры и, таким образом, исходное число удваивалось. Впрочем, в Новом Завете при передаче мер и весов заметна тенденция прибегать к смысловому переводу, например в притче о талантах в Мф 25 понятие «талант» передается целым выражением *миңн алтн мөңгн* «тысяча золотых денег», а «динарий» в Мф 18:28 — *цаһан мөңгн* «серебрянные деньги».

Некоторые неблагозвучные имена частично видоизменяются, например имя одного из сыновей Иакова — Гад — в калмыцком варианте представлено как *Гэд*.

6. Влияние переводов Библии на калмыцкий язык

Ранние переводы Библии на калмыцкий язык внесли немалый вклад как в развитие самого языка, так и в распространение печатных книг, грамотности, они играли культурную и просветительскую роль. Такие деятели прошлого, как И.Я. Шмидт, К. Рамн, П. Смирнов, А.М. Позднеев и другие, кроме собственно библейского перевода, создавали словари, собирали предметы фольклора, писали научные труды по языку, культуре и религии.

Современные переводы Библии также вносят свой вклад в сохранение и развитие калмыцкого языкового наследия. Возникают новые термины, а старые и уже малоупотребительные понятия начинают новую жизнь. Как правило, делается аудиозапись текстов, предоставляя калмыцкой речи возможность живого звучания для всех желающих. Библейские книги на калмыцком языке продолжают осуществлять и свою просветительскую роль, знакомя представителей буддизма с иудейской и христианской мыслью, приобщая калмыков к этим мощным пластам духовной культуры человечества.

7. Выводы

Опыт перевода Библии на калмыцкий язык насчитывает не одно столетие. За это время менялась социолингвистическая ситуация в Калмыкии, менялась письменность и в некоторой степени сам язык. Это видно и по выбору переводческих стратегий, и по подходу к переводу ключевых терминов, и по передаче имен собственных и географических названий. Вместе с тем у современников каждой эпохи никогда не иссякал интерес к переводу Священного Писания. Даже в настоящее время, когда калмыцкий язык как никогда испытывает на себе сильное влияние глобализации, переводчики не перестают стремиться к сохранению и дальнейшему развитию родного языка.

Литература

Арапович Б. Библиография переводов Библии на языки народов России, стран СНГ и Балтии. Стокгольм–Москва–Хельсинки–Алхамбра–Колчестер, 2003.

Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1994, 10.

Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. Элиста, 2003, 320–322.

Баянова А.Т., Куканова В.В. Ранние словари: история книги и книга в истории (на примере рукописных словарей калмыцкого языка). Полевые исследования. Элиста, 2016.

Библин келврумүд (Библейские рассказы на калмыцком языке). Пер. *О. Саломовой, В. Шуграевой.* Москва, 2015.

Бичкүдүдин Библи (Детская Библия на калмыцком языке). Сост. *Б. Арапович, В. Маттелмяки.* Пер. *О. Саломовой.* Стокгольм–Москва, 1998.

Лукан Сэн Зэнг (Евангелие от Луки на калмыцком языке). Пер. *О. Саломовой.* Стокгольм–Москва, 1996.

Новый Завѣтъ Господа и Спаса Нашего Иисуса Христа, томъ первый. С греческаго подлинника на калмыцкый языкъ перевелъ Алексѣй Позднѣевъ. Издано иждивениемъ Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества, Санктпетербургъ, 1895.

Перевод Библии на калмыцкый язык. [<https://ibt.org.ru/ru/projects?id=KAL>; дата обращения: 12.08.2018]

Православие в Калмыкии. Дата публикации 30.11.2006. [http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/11/30/pravoslavie_v_kalmykii/; дата обращения: 10.08.2018]

Православная энциклопедия. Дата публикации: 13.04.2017. [<http://www.pravenc.ru/text/1320133.html>; дата обращения: 15.08.2018]

Псалмс (Псалтирь на калмыцком языке). Перевод и поэтическое изложение *В. Шуграевой.* Москва, 2006.

Полное собрание законовъ Россійской Имперіи съ 1649 года. Томъ X. 1737–1739. Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1830.

Франк П. Хуучна Герэсн. Бичкн күүкдт нерэдэд барлсн Библин келврумд. Дегтр 1 (Ветхий Завет. Библейские рассказы для самых маленьких. Том 1). Пер. на калм. яз. *Н. Авяшкьева.* Свет на Востоке, 1994.

Шин Герэсн. Бичкн күүкдт нерэдэд барлсн Библин келврумд. Дегтр 2 (Новый Завет. Библейские рассказы для самых маленьких. Т. 2). Пер. на калм. яз. *Н. Авяшкьева.* Свет на Востоке, 1994.

Хуучн Бооцанас. Эклц. Рут (Из Ветхого Завета: Книга Бытия, Книга Руфь, на калмыцком языке). Пер. *В. Шуграевой, О. Саломовой.* Москва, 2005.

Церинг М. Евангелие в мире тибетского буддизма. 3-е изд. Пер. с английского. Central Asia Publishing, 2011. (Originally published by Tibet Press under the title ‘Sharing Christ in the Tibetan Buddhist World’, 1988)

Цецн селвгүд (книга Притчей Соломоновых на калмыцком языке). Пер. *В. Шуграевой.* Москва, 2013.

Шин Бооцан (Новый Завет на калмыцком языке). Москва, 2002.

Шуграева В. Открытие мира через Библию – национальная история (письмо Б. Араповичу). 2011.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Санкт-Петербург, 1890–1907.

Эрдниева У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд. Элиста, 1985.

Adelung J.Ch. Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde. Vol. 1, 1806, 507–508.

Bawden C.R. W.A. Unkrieg’s correspondence with the British and Foreign Bible Society: a contribution to the history of Bible translation and of printing in Mongolian in Russia in the early nineteenth century // In Zentralasiatische Studien, 1980.

Dalton H. Das Gebet des Herrn in den Sprachen Russlands. 1870, 57.

Mather P.C. [<http://bdconline.net/en/stories/mather-percy-cunningham>; accessed 12.10.2018]

Rosén St. The Translation History of the Mongolian Bible // *Mongolian Studies*, 30/31. 2008–2009, 19–41.

Svantesson Jan-Olof. Cornelius Rahmn and his works on the Kalmuck language // *Northeast Asian Studies*, 2009.

References

Adelung J.Ch. Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde. Vol. 1, 1806, 507–508.

Arapovich B. Bibliografiya perevodov Biblii na yazyki narodov Rossii, stran SNG i Baltii. Stockholm–Moscow–Helsinki–Alkhabra–Kolchester, 2003. (In Russ.)

Bakayeva E.P. Buddizm v Kalmykii. Istoriko-etnograficheskiye ocherki. Elista, 1994, 10. (In Russ.)

Bakayeva E.P. Dobuddiyskiye verovaniya kalmykov. Elista, 2003, 320–322. (In Russ.)

Bawden C.R. W.A. Unkrieg's correspondence with the British and Foreign Bible Society: a contribution to the history of Bible translation and of printing in Mongolian in Russia in the early nineteenth century // *In Zentralasiatische Studien*, 1980.

Bayanova A.T., Kukanova V.V. Ranniye slovni: istoriya knigi i kniga v istorii (na primere rukopisnykh slovarey kalmytского yazyka). Polevyie issledovaniya. Elista, 2016. (In Russ.)

Biblin kelvrmýd (Bibleyskiye rasskazy na kalmytском yazyke). Trans. *O. Salomova, V. Shugrayeva*. Moscow, 2015. (In Kalmyk)

Bichkdydin Bibl' (Childrens Bible). Eds. *Arapovich B., Matelmyaki V.* Trans. *O. Salomova*. Stockholm–Moscow, 1998. (In Kalmyk)

Dalton H. Das Gebet des Herrn in den Sprachen Russlands. 1870, 57.

Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. St. Petersburg, 1890–1907. (In Russ.)

Erdniyev U.E. Kalmyki: Istoriko-etnograficheskiye ocherki. 3rd ed. Elista, 1985. (In Russ.)

Frank P. Khuuchna Gerəsn. Bichkn kyykdt nerədəd barlsn Biblin kelvrmyd. Degtr 1 (Old Testament. Bible Stories for childrens. Vol. 1). Trans. *N. Avyashkiyev.* Svet na Vostoke, 1994. (In Kalmyk)

Khuuchn Bootsanas. Eklts. Rut (Genesis, Ruth). Trans. *V. Shugrayeva, O. Salomova.* Moscow, 2005. (In Kalmyk)

Lukan Sən Zəng (Gospel of Luke). Trans. *O. Salomova.* Stockholm–Moscow, 1996. (In Kalmyk)

Mather P.C. [<http://bdconline.net/en/stories/mather-percy-cunningham>; accessed 12.10.2018]

Novyy Zavbt' Gospoda i Spasa Nashego Iisusa Khrista, tom' pervyy. S grecheskago podlinnika na kalmytskiy yazyk perevel' Aleksey Pozdneev". Izdano izhdiveniyem" Velikobritanskago i Inostrannago Bibleyskago Obshchestva, Sanktpeterburg", 1895. (In Kalmyk)

Bible translation in Kalmyk. [<https://ibt.org.ru/ru/projects?id=KAL>; accessed 12.08.2018] (In Kalmyk)

Polnoye sobranie zakonov" Rossiyskoy Imperii s" 1649 goda. V. X. 1737–1739. Pechatano v" Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii, 1830. (In Russ.)

Pravoslaviye v Kalmykii. Data publikatsii 30.11.2006. [http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/11/30/pravoslavie_v_kalmykii/; accessed 10.08.2018] (In Russ.)

Pravoslavnaya entsiklopediya. Data publikatsii: 13.04.2017. [<http://www.pravenc.ru/text/1320133>.accessed 15.08.2018] (In Russ.)

Psalms. Trans. *V. Shugrayeva.* Moscow, 2006. (In Kalmyk)

Rosén St. The Translation History of the Mongolian Bible // Mongolian Studies, 30/31. 2008–2009, 19–41.

Shin Bootsan (New Testament). Moskva, 2002. (In Kalmyk)

Shin Gerāsn. Bichkn kyykdt nerədəd barlsn Biblin kelvrmyd. Degtr 2 (New Testament. Bible Stories. Vol. 2). Trans. *N. Avyashkiyeva*. Svet na Vostoke, 1994. (In Kalmyk)

Shugrayeva V. Otkrytiye mira cherez Bibliyu – natsional'naya istoriya (letter to B. Arapovich). 2011. (In Russ.)

Svantesson Jan-Olof. Cornelius Rahmn and his works on the Kalmuck language // *Northeast Asian Studies*, 2009.

Tsering M. *Evangeliiye v mire tibetskogo buddizma*. 3rd ed. From English. Central Asia Publishing, 2011. (Originally published by Tibet Press under the title “Sharing Christ in the Tibetan Buddhist World”, 1988) (In Russ.)

Tsetsn selvgyd (Proverbs). Trans. *V. Shugrayeva*. Moscow, 2013. (In Kalmyk)

Кондаков Александр
Институт перевода Библии
Москва, Россия
Kondakov Alexander
Institute for Bible Translation
Moscow, Russia
linguo25@yahoo.com

Ненецкая любовная песня
Nenets love songs

Люблинская М.Д.

Lublinskaya M.D.

Любовные песни как особый жанр не были отмечены в ненецкой музыкальной культуре, наверное потому, что они всегда были личными, а исполнение чужих личных песен у ненцев, также как и у соседей нганасан не поощрялось. Современные авторы исполняют песни о любви публично. В статье представлены две песни о любви, исполненные ненецкой исполнительницей, как образцы жанра.

Ключевые слова: ненецкая музыка, личная любовная песня, публичное исполнение

Love songs have not been previously noted as a distinct musical genre in the Nenets culture. This is probably because these songs always used to be considered a private affair, and it was deemed improper among the Nenets to perform other people's love songs, just as among their neighboring Nganasan people. Contemporary Nenets song writers, however, do perform their love songs in public. The present article offers two examples of such love songs, as performed by a Nenets singer.

Key words: Nenets music, private love songs, public performance

В книге «Ненцы» Л.В. Хомич [Хомич 1966: 192] недоумевала по поводу того, что бытовало мнение, будто «у ненцев “песен в нашем понятии, с определенно сложившимися словами, мыслями не существует”», ссылаясь на оценку А. Соболева, опубликованную в ИРГО [Соболев 1926]. Но сама она с этим мнением не соглашалась.

При публикации ненецкого фольклора Т. Лехтисало определил 19 тематических разновидностей песни: (I) Легенды

о происхождении мира (Ursprungssagen), (II) Сказочные истории о возникновении духов (Märchenartige Erzählungen über die Entstehung der Geister), (III) Сказочная песня о возникновении духов (Märchenartiges Lied über die Entstehung der Geistes), (IV) Рассказы и сказки про зверей (Erzählungen und Märchen von Tieren), (V) Рассказы и сказки (без определённой темы) (Erzählungen und Märchen), (VI) Детские сказки (Kindermärchen), (VII) Шутки (Swänke), (VIII) Сражения между людьми и гигантами, злыми духами (Kämpfe zwischen Menschen und Riesen, bösen Geistern), (XI) Сын старика/старухи (Der Sohn der Alten), (X) Шаманские и сказочные истории (Schamanistische und märchenhafte Erzählungen), (XI) Шаманские и сказочные песни (Schamanistische und märchenhafte Lieder), (XII) Песни о духах (Spuklied), (XIII) Песни о сказочных героях (Märchenhafte Heldenlieder), (XIV) Повествовательные песни (Erzählende Lieder), (XV) Повествование-плач (Erzählende Klagelieder), (XVI) Волшебные песни (Zauberlieder), (XVII) Жертвенные молитвы (Opfergebete) и последние разделы — XVIII Пьяные песни (Rauschlieder) и XIX Загадки (Rätsel) [Lehtisalo 1947: Inhalt]. Название «Пьяные песни» закрепилось, маркируя не столько тематику песни, сколько состояние исполнителя, без уточнения содержания, см. например, «Пьяную песню» [Фольклор 2009: 26]. Предлагаемое деление неоднородно, классификация проведена и по сюжету, и по функции произведения, что повторилось в классификации З.Н. Куприяновой [Куприянова 1960]. Специально подробно сюжеты жанра песен рассматривала Е.Т. Пушкарёва [Пушкарёва 2000: 23–67]. Материалы современных исследователей и последние публикации песен (например, детский журнал НАО «Пу-нушка», сайт этноцентра НАО, блог «Чумотека» http://www.chumoteka.ru/2012/11/blog-post_25.html) дают возможность классифицировать ненецкие песни по функции как сохраняющие информационные (космогонические, исторические (эпические), волшебные), ритуальные (заговоры, обереги, шаманские песни и под.) и самостоятельные сегодня по своей

функции «детские» песни — игровые и колыбельные, которые, вероятно, в прошлом являлись частью ритуальных. Такие песни передавались от исполнителя к исполнителю, их в первую очередь записывали исследователи. Но были и песни настоящего момента, песни настроения, личные, лирические. Эти исполнения стали записываться и анализироваться только в последнее время, до сих пор не все ненки старшего поколения признают допустимость исполнения таких песен для «чужих».

Пожилая ненка Александра Ефимовна Маркина (Бобрикова) училась в Институте народов Севера в 30-х гг., и там вышла замуж за эвенка, уехала и жила с ним до его смерти за границей Ненецкого округа. В 2000 г. она вернулась в Нарьян-Мар. В разговоре со мной она посетовала, что музыковеды не признают существование у ненцев лирических песен с сюжетами, в том числе любовными, а такие у ненцев есть, и в подтверждение своих слов спела печальную песню про несчастную любовь и весёлую про счастливую. Обе песни сложены с «песенными слогами» (в глоссах выделены жирным шрифтом), записаны в фонологической транскрипции. Песня Василий Сяд (род Сядейских) обращена к конкретному человеку из известного рода.

Песня 1 «ВАСИЛИЙ СЯДЕЙСКИЙ»

ɲanej – ɲanej – ɲanej

нганэй-нганэй

man' ma-s'eti-m

PP1SG говорить-UST-1/1SG

я говорю

S'ad Vas'il'ij

Сяд Василий

Сяд Василий¹

¹ из рода Сядейских

to-s'eti-n-s'i-n'o

приехать-UST-GEN-NEG-EMPH

не приезжал ведь

te-ta Vas'il'ij

олень-PRTCPR Василий

богач Василий

n'ār po jamban

три год во-время.PSTPS

три года

t'eda ŋan'i

теперь опять

теперь опять

tar'es'i ton-da-ky-0

так приехать-PRCTPR-PROB-1/3SG

раз приедешь-вроде

m'a-t t'u-har?

чум-DAT.SG входить-OPT2

в чум заходи-ка

to-na to-s'eti-0

приходить-PRTCPR приходить-UST-1/3SG

приезжающий приходит-обычно

m'at t'u-s'eti-0

чум-DAT.SG входить-UST-1/3SG

в чум заходит

S'tadej Vas'il'ij

Сядей Василий

Сядей Василий

tu-r-ceda-n-s'i-n'o

приезжать-ITR-UST-2SG-PRT-EMPH

приходил ведь

t'eda ŋamge to-n

теперь что приехать-1/2SG

теперь зачем пришёл

n'ār po t'a(ha)na

три год сзади.PSTPS

через три года

man' n'e n'u-β

PP1SG женщина ребёнок-PX1SG

моя дочь

n'ahar po jamban

три год во-время.PSTPS

в течении трех лет

s'id'a hajla-mda ponz'i

два слеза-ACC.SG.PX3SG непрерывно

hamda-b'i-da-s'

ронять-DUR-2/3SG-PRF

два (ручья) слез непрерывно лила

n'ed-ko-β n'u n'ahar po p'is'ada-do?

дочь-DIM-PX1SG ребёнок три год жалеть-2/3PL

мою-дочь три года жалели

S'ad Vas'il'ij

Сяд Василий

Сяд Василий

ṅamkore-j n'u-re-j

появиться-ADJ ребёнок-PX2SG

появившийся ребенок-твой

n'u-r tan'aṅa-s'-ej

ребенок-PX2SG иметься-PRF

ребенок-твой был

nanikomd n'u-md hana-0-s'-ej

другой-ACC.PX3SG. ребёнок-ACC.PX3SG. увозить-1/3SG-PRF

парнишку-твоего сына-твоего увез

n'ud'a-ko βel'iko-r n'u-md

маленький-DIM новорожденный-PX2SG ребёнок-ACC.PX2SG

hada-ṅgu-do?-β

губить-FUT-2/3PL

маленького новорожденного ребёнка твоего погубят

n'ud'ako jiju-β ηange-m n'i-s' p'ure-j

маленький зять-PX1SG что-ACC.SG не-PRF искать
маленького зять-мой что не искал

s'ahar'is'a s'erta-s' tara-0

никогда делать-INF нужный-1/3SG
<чего> никогда не надо делать

pidar t'et taj padβi hapta-r tan'a

PP2SG четыре пёстрый бык-PX2SG иметься
у тебя четыре пестролобых быка-твоих

t'et taj ser hapta-r tan'a

четыре пёстрый дело бык-PX2SG иметься
четыре белолобых быка-твоих

n'edko-m n'e n'un

дочка-PX1SG женщина ребёнок-PX1SG.GEN

pod'er-pa-t tara-0

запрячь-COND-2SG быть нужным-1/3SG
если девочке, дочке-моей запрягать надо

man' n'e n'u-β meti-da

PP1SG женщина ребёнок-PX1SG существовать-PTCPR
у меня дочь-моя есть

ηanej ηanej ηanej

нганэй-нганэй-нганэй

n'edko-β n'u-β n'u-β

дочка-PX1SG ребёнок-PX1SG ребёнок-PX1SG

meti-da

существовать-PTCPR

дочь-моя дитя-моё дитя-моё есть

tamnaηe m'adej-ηga-dem

так жить-IPF-1SG

так живу в чуме

S'adej Vas'ilij

Сядей Василий

Сядей Василий

teta *Vas'il'ij m'a-t he-heja*
 олень-PTCPR Василий чум-DAT уходить-OPT3SG
 богач-Василий в чум (домой) уходи-ка

naniko-md *n'u-md* *poipa-nju*
 парень-PX1SG.ACC ребенок-PX1SG.ACC тесный-FUT
 парнишка дитя для тебя тесным будет (т.е. помешает)

n'umda *poipangu*
 ребенок-PX1SG.ACC тесный-FUT
 дитя-твоё помешает

n'er *nat'e-na*
 жена-PX2SD ждать-IPF
 жена-твоя ждет (в другом чуме)

n'eb'a-r-ej *n'is'a-r-ej*
 отец-PX2SG мать-PX2SG
 мать-твоя отец-твой

s'it *nat'e-na-ha*
 PP2SG.GEN ждать-IPF-3DU
 тебя ждут

n'is'a-r *mebi-jej*
 отец-PX2SG сильный
 отец-твой сильный

n'eb'a-r *mebi-jej*
 мать-PX2SG сильный
 мать-твоя сильная

n'is'ate terabej-ej
 отец выбрать
 отец-твой выбрал

n'eb'ate terabej-ej
 мать выбрать
 мать-твоя выбрала

n'e-r *nat'e-na-ноβ*
 жена-PX2SG ждать-IPF
 жена-твоя ждет

n'edko-ko-β *n'u-m-dej*
 дочь-DIM-PX1SG ребёнок-PX2SG.ACC
 дочь-моя дитя
n'e-ja *ηat'e-na-ηoβ*
 NEGV-IMP3SG ждать-IPF
 пусть не ждёт

Вторая песня Александры Ефимовны — весёлая:

Песня 2 «НЕ ПОЙДУ ЗАМУЖ»

n'eb'a ma-s'eti-dəm *n'is'a ma-s'eti-dəm*
 мать говорить-UST-1/1SG отец говорить-UST-1/1SG
 матери говорю отцу говорю
əβə tan'i *tobəj*
 сват приходить-COND
 если приедут сваты
jaηə *jataηəj*
 отсутствовать собираться
 не собирайтесь
s'uub *n'o-d'i* *m'ip'oβ*
 PP1SG.GEN NEGV-2/3DU отдавать
 меня не отдавайте
jaηə *jataηəj*
 отсутствовать собираться
 не собирайтесь
han'ahart n'i-dm *hantej*
 никуда NEGV-1/1SG ехать
 никуда не поеду
ηad'iroma saβo *n'umej*
 Нгадир хороший имя
 Нгадир хорошее имя

ɲat'e-r'i-s' *ɲat'e-ɲgu-β-ej*
 ждать-RSTR-INF ждать-IPF-2/1SG.OBJ.SG

ожидаю-(все время) жду

p'i ɲat'e-ɲgu-dəm

ночь ждать-IPF-1/1SG

ночью жду

s'aha to-bna-nda

когда приехать-COND-PX3SG.GEN

когда приедет-ли

n'ibn'anda *t'en'ebt'o-β*

NEGV-COND-PX3SG.GEN узнать-2/1SG

не приедет-ли узнаю

ter'i s'eda-ku-dəm

часто сопка-DIM-1/1SG

часто <поднимаюсь> на сопочку

tuc'a man'a par'is'ej

сумка PPX1SG чёрный

сумку мою чёрную

tuc'a man'a meku-dem

сумка PP1SG держать-1/1SG

сумку держу

ɲod'irota saβa n'uməj

Нгадир хороший имя

Нгадир хорошее имя

jur ɲə-ta han-da-β

десять копыл²-PX3PL нарта-PX3SG

десятикопыльная нарта-его <приедет>

oka ɲej han-da-β n'iɲəj

много копыл-PX3PL нарта-PX3SG EMPH

многокопыльная нарта-его ведь

² Упор, которым сиденье нарты крепится к полозу, букв. 'нога'

ŋə-saβəj t'i-ŋgu-βə-j

нога-COM сесть-FUT-3/1SG

с-ногами усядусь

n'e-ŋəj ma-s'ti-m n'oβ

женщина говорить-UST-2/1SG EMPH

женщина <я> говорю ведь

jaŋge jataŋəj

отсутствовать собираться

не собирайтесь

n'ise-ŋəj ma-s'eti-dəm

отец говорить-UST-1/1SG

отцу говорю

s'imej n'odoβ m'is-ej

PP1SG.GEN NEGV-2/3DU давать

меня не отдавайте

s'uub n'od'i m'is-ej

PP1SG.GEN NEGV-2/3DU давать

меня не отдавайте

Личные песни, в отличие от эпических, редко передавались от исполнителя к исполнителю, поэтому существование их было недолговечно, обычно такая песня уходила вместе с исполнителем. Любовные песни как особый жанр не были отмечены в ненецкой музыкальной культуре Наверное, потому что они всегда были личными, а исполнение чужих личных песен у ненцев, также как и у соседей нганасан не поощрялось. У нганасан песни о любви между молодыми юношей и девушкой могли исполняться только в иносказательной форме кэйнгиря, и были так зафиксированы [Добжанская 2017]. Жанр авторской песни (личная песня для публичного исполнения) для младописьменных культур Севера России сформировался относительно недавно. Разновидность этого жанра представляют собой лирические, в частности любовные

песни. «Слушай песню мою – Узнаешь душу мою» так поётся в ямальской песне. «Термин ‘личная песня’ *сё (шё)* относится именно к напеву, сохраняющемуся человеком на протяжении всей жизни (текст же личной песни имеет импровизационную природу и может изменяться в зависимости от разных факторов)» [Добжанская 2017: 566].

Для соблюдения ритма песни ненцы добавляют дополнительные асемантические «песенные слоги» – *эй, –ңэй, –ов* и др., растягивая гласные. Так пелись и эпические, и лирические песни. Традиционные приёмы ненецкой поэзии — песенные слоги, повторы, параллелизмы — использовали в своих стихах Тыко Вылка, Прокопий Явтысый, Юрий Вэлла независимо от сюжета. Например, в песне Тыко Вылки, посвященной оброне о. Новая Земля во время Великой Отечественной войны:

ТЫКО ВЫЛКА ХЫНАБЦЪ

Хусувэй хув-эй’ хув-’ мерувна
 каждый утро утро-GEN.SG рано
Самолёт-” тур-ңов-”, немзи-” самолёт-эй-”
 самолёт-PL приходит-1/3PL немец-PL самолёт-PL
Хусувэй ялёв сидна” сюр-леңов-”,
 каждый день PP1PL.ACC обходить-по-кругу-1/3PL
Җамда-сь харвавы-д-эй”, җамдась я”амвы-д-эй”
 сесть-INF хотеть-3/3PL сесть-INF не-мочь-3/3PL

Каждым утром, рано утром
 Прилетают немецкие самолёты,
 Каждый день нас облетают
 Сесть хотят, сесть не могут

Сейчас, когда существуют профессиональные группы и отдельные певцы-исполнители, лирическая песня перестала быть только личной, сюжеты о любви исполняются

на концерте. Ненецкая песня о любви может быть горестной и озорной, такой ее сейчас сочиняют современные авторы — Татьяна Лар, Гавриил Лагей и другие.

Татьяна Нюдихасавовна Лар родилась в Таркосалинской тундре Ямальского района в семье потомственного оленевода. Её отец Нюдихасава Худи в своей жизни не только пас оленей, ему приходилось работать и строителем, и рыбаком, он был известен как один из лучших исполнителей эпических песен, от него и переняла дочь любовь к народной песне. «Вдруг я поняла, — говорит Татьяна, — что у нас, ненцев, нет популярных, всеми исполняемых песен. Хотя Семен Николаевич Няруй, ненецкий композитор, уже создавал свои шедевры, но в то время его песни до нас, новопортовцев, еще не дошли. Первая моя серьезная песня, это были стихи о девушке по имени Некоця, мелодия к которой принадлежит моей однокласснице Любе Вануйто» [Марьик 2013].

После окончания новопортовской средней школы Татьяна совершенно осознанно решает связать свою дальнейшую жизнь с музыкой — поступает в Салехардское культурно-просветительное училище на оркестровое отделение по специальности клубный работник, не сомневаясь в правильности избранного пути.

Она не оканчивала музыкальной школы, впервые увидела фортепиано в училище. Всё начиналось с азов уже во взрослом возрасте. Набравшись смелости, она сама обратилась за помощью к Семёну Николаевичу Нярую, преподавателю училища культуры и искусств. Учеба в его классе оказала самое благотворное влияние на ее формирование как личности, так и музыканта. Первыми в ее репертуаре стали песни «Некоця», «Пирибтя сё», «Нгопт ялкани». Они наивны, но искренни, чисты, полны веры и надежды, так как они были написаны еще в школе.

НЕКОЦЯ (ДЕВУШКА)

Яха вару-вна-ңэ́й пи́рябтя сюра-мб-ей
 река берег-PROL.SG девушка бежать-DUR
Пу-нда ня(а)юмня ңоб»ле-ри тюрыто-в:
 сзади-PX3SG около один-RSTR подниматься
«Некоця, Некоця ңатена-ха-рка-р-эй»
 девушка, девушка, ждать-OPT-DIMV-OPT2SG
Мэ»-манда вада-ми', вада-ми' таня-ңов
 взять-PRCDB слово-PX1SG слово-PX1SG иметься
Пи́рябтя-ко' яңэй сядо-ць сядо»м-эй,
 девушка тонкий лицом-есть лицом-стать
Ена-ко ңэ́бта-до-в ямбарка ңэвы-ей
 Светлый волосы-PX3SG длинный быть
Некоця, Некоця, Некоця сядо-ңов,
 девушка, девушка, девушка, красивая (букв. лицо-есть)
Сидя-да сэва-да ялкабтыр-(эй)ңаха'.
 два-PX3SG глаз-PX3SG сверкать-1/3DU

Пумна-нда яда-но-в хасава ңэ-вы-ей,
 сзади-PX3SG бежать-PTCPR мужчина быть-PRF
Ңаце́кы хасава ман-зь ханаңа-да-в:
 ребёнок мужчина говорить-INF вести-2/3SG
«Некоця, Некоця, ңатена-ха-рка-р-эй-»,
 девушка, девушка, ждать-OPT-DIMV-OPT2SG
Мэ»-манда вада-ми', вада-ми' таняңов.
 взять-PRCDB слово-PX1SG слово-PX1SG иметься
«Некоця, Некоця, ңатена-ха-рка-р-эй-»,
 девушка, девушка, ждать-OPT-DIMV-OPT2SG
ңатена-ха-рка-р-эй-»...
 ждать-OPT-DIMV-OPT2SG
Хуркавана-ңод-эй сити хана-ңгу-дэйм',
 как-нибудь PP2SG.ACC увозить-FUT-1/1SG
сит-эй хана-ңгу-дэйм'»
 PP2SG.ACC увозить-FUT-1/1SG

По берегу бежит девушка,
За ней поднимается один <юноша>:
«Девушка, девушка, подожди-ка,
Возьми моё-слово, у меня есть слово
Девушка стройная, лицом красивая.
Милой будь надолго (навсегда)
Девушка, девушка, девушка-красавица
Два глаза твои (букв. её) сияют»

За ней идёт мужчина
Молодой мужчина (юноша) говорит:
«Девушка, девушка, подожди-ка,
Возьми моё-слово, у меня есть слово
Девушка, девушка, подожди-ка,
подожди-ка...
Обязательно (букв. как-нибудь) тебя увезу,
тебя увезу
(буквальный перевод)

(<http://teksti-pesenok.ru/18/Tatyana-Lar/tekst-pesni-Nekotsa>).

Лет двадцать она ничего не сочиняла. В 90-е годы многие ее знакомые требовали от нее новых песен. Но Татьяна Нюди-хасавовна была твердо уверена, что это не ее призвание. Она считала, что для этого есть композиторы и поэты. А песни, которые появились ранее, считала всего лишь баловством. И к тому же она знала, что каждый человек, рожденный в тундре, должен владеть не только мастерством прикладного искусства, а также мало-мальски должен уметь сочинить 2–3 личные песни. Но ее песни были нужны ненцам.

В этих песнях ярче всего человек раскрывается через любовь, многие из них как раз посвящены теме любви. Достаточно вспомнить «Сядотако» («Красавчик»). Она поет о том, что увидела красивого мужчину, и её сердце вздрогнуло, будто её сердце ей подсказывает, что она так устала его ждать, своего любимого и долгожданного мужчину. Увидев его она будто

заново начинает жить, с радостью и с нежностью любить всю оставшуюся жизнь (использованы материалы [Марьик 2013]).

Гавриил Ильич Лагей, известный сейчас оперный ненецкий певец, родился 8 апреля 1965 г. в Байдарацкой тундре на Ямале, сын потомственного оленевода. Окончил дирижерско-хоровое и вокальное отделения Кировского училища искусств, Санкт-Петербургскую консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова, где учился у выдающихся педагогов Нины Серваль и Киры Изотовой. Служил в ансамбле песни и пляски Советской Армии в Москве. Исполняет песни ненецкого композитора Семёна Няруа на ненецком языке, произведения П. Чайковского, Ф. Глинки, С. Рахманинова, современных композиторов. Лагей поёт песни о тундровой жизни — «Тэтль-Вэтль» на музыку С. Няруа, «Суляко (оленёнок)»:

ТЭТЛЬ-ВЭТЛЬ

Саля' яв вар-хана
 обь-GEN море.GEN берег-LOC
Пыдар сояна-н-с-ей
 PP2SG родиться-1/2SG-PST.
Саля' яв вархана
Пыдар соянансей.
Тэтэль-Вэтэль,
Тэтэль-Вэтэль,
Пыдар соянансей

На Обском берегу
 Ты, сынок, родился
 На Обском берегу
 Ты, сынок, родился
 Припев: Милый малый,
 Милый малый,
 Ты, сынок, родился.

Его песня «Тарадо», по-ненецки надо записать *тарада* 'нужная, необходимая', обращена к любимой женщине.

Гавриил так сказал о своих выступлениях перед тундровиками: «Как же они умеют слушать! Многие плачут, ну это сложно описать, я сам готов разрыдаться там, на концерте, когда я вижу их слезы. Они понимают главное — что они сопричастны моему пению, что это один из них поет, что это их сын, что это тундровик. Нет, словами этого не передать. Ведь тундровый мир, о котором я им пою, для оленевода или рыбака — все. Вот как для меня музыка. У него есть олени не просто потому, что он хочет есть. Для ненца олень, рыба, река, озеро, тундра — это гораздо больше, чем просто средство выживать, чем просто рыба, чем просто олень. Это его библиотека, это его компьютер, это его ВСЕ. Когда у него есть олени, когда у него есть рыба, он чувствует себя в единении с миром первозданным. Он нужен не начальнику, не бригадиру, а этому миру. И он видит, что приехал его брат, земляк, ненец, который где-то поет на большой сцене, а теперь поет и здесь, для него. И значимость его мира подтверждается...» (цит. по http://www.chumoteka.ru/2013/04/blog-post_5.html)

Сейчас на эстраду пришли молодые певцы — Надежда Сэротэтто, Анна Силенок, Маргарита Ядне и другие, стали популярными песни на ненецком языке, и жанр любовной тематики очень востребован.

Сокращения

0 – нулевой показатель 3 лица едю числа 1 типа спряжения (субъектное)

1/1sg — функциональный тип спряжения (субъектный, объектный, субъектно-безобъектный) / лицо, число субъекта (в формах субъектного типа 3 лица единственного числа не имеет поверхностного показателя, равен нулю, поэтому в глоссах не указывается; также не указывается именительный падеж)

- ADJ — adjectivizer
COM — comitative
COND — conditional -*б''(на)*
DAT — dative
DIM — diminutive -*ko*
DIMV — verbal diminutive
DUR — durative -*ba/mba*
EMPH — emphatic particle *n'o*
GEN — genitive
IMP — imperative
INF — infinitive
IPF — imperfect
ITR — iterative -*p*
LOC — locative
NEG — nominal negative -*s'i*
NEGV — negative verb (отрицательный глагол)
OBJ — object
OPT — optative
PP — personal pronoun
PPX — possessive pronoun
PRF — perfect
PROB — probabilitive (вероятностное наклонение)
PROL — prolative
PTCPDB — причастие долженствовательное -*ванда/манда*
PTCPR — причастие настоящего времени -*da|ta*,
PTCPST — причастие прошедшего времени -*wy|my*
PSTPS — postposition (послелог), в глоссах указывается при
слове
PX — possessive
RSTR — restrictive
UST — usitative -*s'ty|s'ety*

Литература

Добжанская О.Э. Личные песни тундровых ненцев Таймыра // Культура и цивилизация. 2017, 2В, 565–575.

Куприянова З.Н. Ненецкий фольклор. Учебное пособие для педагогических училищ. Ленинград, 1960.

Марык Л.М. Традиции ненецкой лирической песни в творчестве Татьяны Лар. Выпускная квалификационная работа ИНС. Санк-Петербург, 2013

Пушкарёва Е.Т. Ненецкие песни-хынабцы. Москва, 2000.

Соболев А. На реке Танама // ИРГО. LVI (2). Петроград, 1926.

Хомич Л.В. Ненцы. Москва–Ленинград, 1966

Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 90. Helsinki, 1947

Электронные публикации

http://www.chumoteka.ru/2012/11/blog-post_25.html

<http://teksti-pesenok.ru/18/Tatyana-Lar/tekst-pesni-Nekotsa>

http://www.chumoteka.ru/2013/04/blog-post_5.html

References

Dobzhanskaya O.E. Lichnye pesni tundrovykh nentsev Taymyra // Kul'tura i tsivilizatsiya. 2017, 2B, 565–575. (In Russ.)

Khomich L.V. Nentsy. Moscow–Leningrad, 1966. (In Russ.)

Kupriyanova Z.N. Nenetskiy fol'klor. Uchebnoe posobie dlya pedagogicheskikh uchilishch. Leningrad, 1960. (In Russ.)

Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 90. Helsinki, 1947.

Mar'ik L.M. Traditsii nenetskoy liricheskoy pesni v tvorchestve Tat'yany Lar. Diploma paper. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)

Pushkareva E.T. Nenetskie pesni-khynabtsy. Moscow, 2000. (In Russ.)

Sobolev A. Na reke Taname // IRGO. LVI (2). Moscow–Petrograd, 1926. (In Russ.)

Люблинская Марина Дмитриевна
Институт лингвистических исследований РАН
Институт народов Севера РГПУ
Санкт-Петербург, Россия
Lublinskaya Marina Dmitrievna
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
Institute of the Peoples of the North
St. Petersburg, Russia
mashilda@gmail.com

Школа-конференция по уралистике
Educational conference on Uralic languages

2–6 июля 2018 г. состоялась Школа-конференция по уралистике, организованная Институтом языкознания РАН (Москва). В оргкомитет школы-конференции вошли научные сотрудники и аспиранты Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН.

В рамках Школы-конференции состоялись лекции ведущих мировых лингвистов в области сравнительно-исторического языкознания, физической антропологии, социолингвистики, синтаксиса и типологии на основе материала уральских языков.

Профессором Л. Хонти (Будапешт, Венгрия) был прочитан цикл лекций на тему «Уральское языкознание». В его лекциях была дана информация о прауральской языковой системе: о самых древних языках-основах, о произошедших в них изменениях. «Конечно, нельзя говорить об острых границах между языками-основами, следующими тесно один за другим ... в нашем случае положение ещё сложнее, потому что мы не можем явно различать уральский (U) и финно-угорский (FU) языки-основы; только в реконструированном запасе слов этих языков мы видим некоторые различия». Профессор Л. Хонти описал основные критерии при определении языкового родства и привёл подробный перечень лексических, фонетических и морфологических соответствий современных языков.

В лекции к.ф.н. О.А. Казакевич (Москва, Россия) «Место социолингвистических исследований в уралистике» освещалось современное состояние социолингвистических исследований, отмечалась важность сбора социолингвистического материала на базе уральских языков. Подробно рассматривался статус уральских языков, распространённых на территории Евросоюза и Российской Федерации. «По статусу уральские

языки в основном миноритарные, даже те 3 уральских языка (венгерский, финский, эстонский), которые не являются миноритарными, всё равно выступают в качестве миноритарных на определённых территориях». Отдельное внимание было уделено сферам функционирования уральских языков, языковому сдвигу, необходимости проведения работы по сохранению малых языков: «...есть замечательные примеры возрождения языков ... везде признанным инструментом поддержки и возрождения языков являются языковые гнёзда». В лекции О.А. Казакевич «Контакты уральских языков и некоторые следствия этих контактов» описывались результаты языковых контактов, приводились примеры из уральских языков.

В лекции к.б.н. Г.А. Аксяновой (Москва, Россия) «Антропологическая дифференциация современных финно-угорских народов» описывались основные методические установки в работе физического антрополога: «В настоящее время антропология дифференцирована по программам исследования, по своим методикам...», «каждая методика даёт свои нюансы, у каждой системы ... признаков своя глубина анализа», подробно анализировались описываемые признаки 13 финно-угорских народов. В лекции «Проблема происхождения самодийских народов по данным физической антропологии» отмечалось, что территория формирования единой протосамодийской общности связывается либо с разными районами Алтайско-Саянского нагорья, чаще всего северными, либо со средним Томском-Нарымским Приобьем. Г.А. Аксянова отметила, что в антропологическом отношении самодийцы неоднородны: среди них есть территориальные группы, которые характеризуются чертами промежуточной европеоидно-монголоидной уральской расы или типа, второй антропологический тип, ясно представленный среди самодийцев, – монголоидная байкальская раса или тип в составе среднеазиатской расы.

В лекциях д.ф.н. Н.Б. Кошкарёвой (Новосибирск, Россия) «Типология элементарных простых предложений

в уральских языках» и «Типология полипредикативных конструкций в уральских языках» рассматривались модель элементарного простого предложения, обязательные компоненты, план содержания, парадигма элементарного простого предложения; модель полипредикативной конструкции, структурные, функциональные типы полипредикативных конструкций, специфика синтаксического строя уральских языков Сибири.

Д.ф.н. Т.Б. Агранат (Москва, Россия) прочитала лекцию «Интрагенетическая типология уральских языков», в которой на примере исследования словообразования в прибалтийско-финских языках рассматривался метод внутригенетической типологии.

Помимо лекций на Школе-конференции прозвучали секционные доклады. Участники первой секции «Вопросы лексики и ономастики» выступили с докладами на материале горномарийского, эрзянского, удмуртского и финского языков.

В докладе к.ф.н. Е.В. Кашкина (Москва, Россия) рассматривалась в типологической перспективе полисемия горномарийских признаков лексем, описывающих прямую линию (в первую очередь прилагательное *tör* и однокоренное наречие *török*, а также прилагательное *viäš*), в докладе Т.И. Давидюк (Москва, Россия) рассматривались глаголы колебательного движения в горномарийском языке.

Доклад к.ф.н. Е.М. Девяткиной (Москва, Россия) был посвящён вопросу русских заимствований в эрзянском языке (на материале самарских говоров). Отмечалось, что в говорах эрзянского языка позднего формирования, распространённых на территории Самарской области, многочисленны заимствования из русского языка. Они наблюдаются даже в тех случаях, когда в этом нет настоящей необходимости, поскольку имеются исконные слова или словоформы, тождественные по значению. Зачастую заимствуются слова не только для обозначения новых понятий, но и для замены исконных лексических единиц устойчивого фонда.

В докладе А.И. Загребинной (Ижевск, Россия) описывалась система собственных имён в оригинале и переводе удмуртского эпоса «Дорвыжы» на финский язык.

Секция «Вопросы графики, фонетики и фонологии» была открыта совместным докладом к.ф.н. И.Б. Иткина, к.ф.н. С.И. Переверзевой (Москва, Россия), посвящённым отражению йотированных гласных в удмуртском памятнике «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке».

В докладе Т.В. Тимкина (Новосибирск, Россия) «Фонологический статус редуцированных гласных в сургутском диалекте хантыйского языка на материале экспериментальных данных» отмечалось, что для сургутского диалекта хантыйского языка релевантно противопоставление долгих и кратких гласных; в первом слоге гласные подвергаются количественной редукции в 1,5 раза, при этом фонема /e/ выступает как сверхкраткая; для фонемы /e/ характерна позиционная централизация, более выраженная в первом слоге; фонологическое отождествление /e/ и редуцированного гласного правомерно, но редукция обусловлена позицией первого слога и не является фонологической.

Доклад А.В. Шарова (Москва, Россия) был посвящён рассмотрению вокализма первого слога переднерядных слов в палочком и северовосточном диалектах венгерского языка.

Секция «Вопросы грамматической семантики» открылась докладом В.В. Дьячкова (Москва, Россия) «Семантика суффикса *-əl-* в горномарийском языке: между единичностью и множественностью». В докладе отмечалось, что множественность в горномарийском языке связана с выделением квантов события, обозначаемого предикатом V. Каждый квант есть событие V, повторяющееся от начала до конца; квантованию не подвергаются многие инкрементальные и градативные предикаты; есть такие контексты, в которых количество повторения квантов события (ЕД/МНОЖ) не специфицировано.

Доклад А.В. Волошиной (Москва, Россия) был посвящён семантике финского перфекта. В докладе к.ф.н. М.Д. Люблинской (Санкт-Петербург, Россия) рассматривалась ненецкая любовная песня.

В докладе И.М. Молдановой (Ханты-Мансийск, Россия) «Семантические типы каузативных глаголов хантыйского языка (на материале казымского диалекта)» отмечалось, что среди семантических типов каузативных глаголов выделяются пермиссивный и фактитивный тип, а также разновидности фактитива: дистантный и контактный вид. Морфологическое выражение находят также приложительное и комитативное значение.

В докладе Н.А. Муравьёва (Москва, Россия) «Между делом замечая: к проблеме „промежуточности“ как деепричастного значения в коми-зырянском языке» на материале ижемских говоров ЯНАО было освещено особое малоизученное деепричастие одновременности на *-igmoz*, которое в отличие от нейтральной формы одновременности на *-igen* имеет тенденцию использоваться в контекстах, где какая-либо из ситуаций интерпретируется как имеющая промежуточный характер.

В докладе В.В. Дьячкова, И.А. Хомченковой (Москва, Россия) «Синтаксис идеофонов в горномарийском языке» отмечалось, что идеофоны с синтаксической точки зрения могут анализироваться либо как дефектные существительные, либо как адвербиальные выражения, либо как депиктивы. Синтаксические свойства идеофонов близки к конструкциям с некоторыми глаголами типа ‘назвать’, при котором существительное не маркируется падежом.

Доклад В.А. Николаевой (Ижевск, Россия) был посвящён сопоставлению условного наклонения в удмуртском и финском языках.

В докладе В.В. Копылова (Москва, Россия) рассматривались способы выражения семантической роли «время» в венгерском языке на трёх синхронных срезах.

В докладе к.ф.н. В.В. Воробьёвой (Томск, Россия) «Стратегии кодирования предикативной посессивности в приуральском и казымском диалектах хантыйского языка» отмечалось, что в исследуемых диалектах кодирование предикативной посессивности реализуется посредством транзитивной и нетранзитивной стратегий; транзитивная стратегия с глаголом *täjti/täjti* ‘иметь’ является наиболее распространённой; нетранзитивная стратегия кодирования посессивности реализуется на основе предложений с глаголом приур. *ulti/olta*, каз. *wölti* ‘быть’.

Секция «Вопросы социолингвистики и фольклорной традиции на уральских языках и диалектах» была открыта докладом Ю.В. Зянкуловой (Ижевск, Россия) «Роль проекта “Билингва” в развитии удмуртского языка». В докладе отмечалось, что проблема исчезновения национальных языков актуальна не только в отдельно взятой Удмуртии, но и в других регионах России. Главной задачей общественников и энтузиастов-любителей удмуртского языка остается привлечение всеобщего внимания к проблеме утраты родной речи. Подобные проекты помогают не только в сохранении, но и в развитии, расширении родной культуры.

Доклад М.К. Амелиной (Москва, Россия) «„Большой переход на ненецкий“: реконструкция социолингвистической ситуации в Тухардской тундре (Таймырский Долгано-Ненецкий район) по данным языковых биографий» был посвящён описанию социолингвистического исследования, проводимого в рамках действующего проекта РНФ «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе».

В докладе П.И. Ли (Новосибирск, Россия) «Функции и семантика биноминативных конструкций с прототипическим значением посессивности в тундровом ненецком языке» подробно рассматривались типы биноминативных конструкций с: вершинным маркированием, зависимым маркированием, двойным маркированием, нулевым маркированием.

В докладе А.А. Пальмовой (Москва, Россия) «Пространственные падежи в идиоме сето» отмечалось, что у пространственных падежей в рассматриваемом идиоме сохраняется разделение на две серии по типу объекта, на три серии по направлению движения, прослеживается наличие широкой системы переносов значений на пространственные падежи.

В заключение отметим, что Школа-конференция задумывалась не только как площадка для общения коллег-лингвистов, но и как место для расширения границ круга исследуемых вопросов в частных областях уралистики.

Участники Школы-конференции по уралистике высоко оценили уровень лекций и докладов и выразили надежду на продолжение подобных встреч в будущем. Видеозаписи лекций и материалы докладов школы-конференции опубликованы на сайте Института языкознания РАН на страничке мероприятия http://iling-ran.ru/main/conferences/2018_ural.

Девяткина Екатерина Михайловна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Devyatkina Ekaterina Mihailovna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
devyatkinaem@gmail.com

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

RODNOY YAZYK
Linguistic Journal

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 28.12.2018
Формат 84×108 1/32. Усл.-печ. л. 10,19
Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Тираж 150 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»